

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

**DISSERTATIONES
SLAVICAE**

**МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ
ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ
STUDIES IN SLAVIC PHILOLOGY
SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN**

**SECTIO
LINGUISTICA
XXVII
2007**

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

**DISSERTATIONES SLAVICAE
SECTIO LINGUISTICA
XXVII**

**SZEGED
2007**

PUBLICATIONES INSTITUTI SLAVICAE IN UNIVERSITATE SZEGEDIENSI

REDACTORES CONSTITUENTES:

József Juhász

Imre H. Tóth

SOCII REDIGENDI:

Ibolya Bagi, István Ferincz, Mihály Kocsis

REDIGIT:

Károly Bibok

SERIEM PUBLICATIONUM EDENDAM CURAT:

Henrietta Majoros

© Auctores, 2007

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged.

HU ISSN 0237-9554 Diss. Slav.

СОДЕРЖАНИЕ

Балаж, Габор Л.: Своеобразие системы падежных оппозиций в украинском языке.....	5
Банова, Савелина: Граматическата категория „число“ в процеса на усвояване на българския език от унгарци	15
Бранднер, Алеш: Роль церковнославянского языка при становлении русского литературного языка нового типа	25
Вишеградска, Ина: „Кукувичите“ думи при езиков контакт	35
Вълчанова, Маринела Параскова: Езикова ситуация и езикови проблеми по време на първата Чешко-словашка република (1918–1939)	41
Дьёрке, Золтан: Явление межъязыковой фразеологической омонимии в сфере русско-венгерской фразеологии	51
Жерева, Мария Стоилова: Глаголният вид като семантична и прагматична категория.....	61
Жерева, Мария Стоилова – Дапчева, Йовка Вълканова: Синтактична структура на процесуалните фразеологизми със семантика ‘психологическо състояние и мисловна дейност на лица’	67
Жерковић, Јован: Супстандардни мађаризми у Сремчевом делу <i>Поп Тира и поп Спира</i> (поводом 150-годишњице од пишевог рођења)	73
Кочиш, Михай: Наблюдения над правописанием Марияповчанского кодекса	85
Krékity, József: Zur Diskussion über die delimitativen und die perdurativen Verben.....	93
Х. Тот, Имре: О древнерусском писце и о списывании рукописей.....	101
Шайтош, Наталия: Александр Потемня и русский язык.....	111
 Рецензия	
Пете, Иштван: Л. Ясаи, Видовые корреляции русского языка в системе грамматических оппозиций	117
К сведению авторов	133

СВОЕОБРАЗНОСТЬ СИСТЕМЫ ПАДЕЖНЫХ ОППОЗИЦИЙ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Габор Л. Балаж

(Balázs L. Gábor, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
gbalazs@lit.u-szeged.hu)

Исследование падежных оппозиций оказалось весьма плодотворным методом в славянской морфологии как в описательном, так и в историческом плане. Из общеизвестных работ, посвященных либо анализу именных парадигм в отдельных языках, либо вскрытию более общих морфологических закономерностей, выделяются основополагающие статьи Р. Якобсона, В. Георгиева, В.К. Журавлева и других языковедов (см. напр. следующие публикации: Jakobson 1971a, 1971b; Žuravlev 1977; Георгиев 1969, 1978; Журавлев 2004). Они послужили надежным исходным пунктом для дальнейших исследований многим специалистам по морфологии славянских языков.

В качестве примера можно привести работу У. Хемилтона (Hamilton 1974), раскрывающую внутреннюю систему падежных синкретизмов (т.е. случаев отсутствия оппозиции) в четырех славянских литературных языках (в современном чешском, польском, сербскохорватском и русском), сопоставляя ее с парадигмами праславянского языка. Американский лингвист разбирает отдельные парадигмы существительных по типам падежной омонимии и выделяет 28 т.н. «синкретических образцов» (*syncpsats*). Тип 6.1, например, представляет парадигму единственного числа, в которой существует 6 различных друг от друга окончаний, т.е. падежного синкретизма вообще нет. Такой тип выступает лишь в современном сербскохорватском языке. Тип 1.1, как другой крайний случай, характеризуется наличием одного единственного окончания для всех шести падежей в ед. ч., и встречается только в чешском языке. В широко распространенный тип 5.1b входят парадигмы, в которых употребляется 5 разных окончаний для шести падежей ед. ч., так как флексии именительного и винительного падежей совпадают, создавая синкретизм (омонимию) этих же падежей, при отсутствии такого совпадения окончаний в остальных падежах. Для обозначения отдельных типов Хемилтон пользуется графическим изображением, но допускает и более простое и обыкновенное обозначение типа NA (синкретизм номинатива и аккузатива), $N \neq A$ (формальное различие данных падежей) или $N \neq AG$ (совпадение окончаний винительного и родительного падежей при отличающейся от них флексии именительного) и т.д. Что касается конкретных флексий в современных литературных языках, автор сопоставляет их с реконструированными

окончаниями праславянского языка, и где они являются «автоматическим» результатом фонетических процессов, он говорит о **поверхностных** изменениях, а там, где действие «слепых» фонетических закономерностей привело бы к возникновению нежелательных новых суффиксов и поэтому произошли различные процессы аналогии, он говорит о **глубинных** изменениях. После подробной трактовки таких поверхностных и глубинных изменений Хемилтон устанавливает, что современные славянские языки начиная с праславянской эпохи приобретали довольно разнообразные именные парадигмы. Из четырех литературных языков чешский имеет наиболее сложную падежную систему, сербскохорватский является самым простым, а русский и польский – близки к среднему. Все четыре языка прошли через значительные изменения в распределении и формальной реализации своих структурных компонентов, но в значительной мере сохранили типы и количество компонентов, унаследованных от праславянского языка.

На основе интересных наблюдений Хемилтона в одной своей статье я решил сделать анализ системы склонений существительных во всех славянских литературных языках (кроме болгарского и македонского), сосредоточиваясь на типах падежного синкретизма, без поиска происхождения окончаний и без генеративной коннотации (Балаж 1993). Оказалось, что выводы американского слависта в общем действительно для всех славянских языков, не только для избранных им четырех. Благодаря более широкому кругу данных, однако, его наблюдения пришлось несколько уточнить. Число типов падежного синкретизма для всей славянской языковой среды – 33. Это несколько больше, чем у Хемилтона, что объясняется включением нами в анализ и двойственного числа, которое кроме праславянского существует лишь в лужицких языках. Кроме определения синкретических типов в именных парадигмах, я попытался сделать несколько типологических заключений на основе сравнения схем падежных оппозиций в отдельных славянских языках. Повторять таких итогов упомянутой статьи здесь не буду, так как они не касаются темы настоящей работы, а перейду к вопросам украинского именного склонения.

В современном украинском литературном языке существительные склоняются по четырем основным парадигмам. Синкретических типов, однако, больше, так как внутри отдельных классов склонения выделяются по несколько подклассов в силу фонетических, морфологических, семантических, синтаксических или прагматических причин. Таким образом различаются следующие типы падежных оппозиций:

Единственное число

(1)	$N \neq A \neq G \neq L = D \neq I$	LD	(ріка)
(2)	$N \neq A \neq G = L = D \neq I$	GLD	(праця; мати ₁)
(3)	$N = A \neq G = D \neq L \neq I$	NA + GD	(стіл ₁ ; край ₂)
(4)	$N = A \neq G \neq L \neq D \neq I$	NA	(стіл ₂ ; край ₃ ; поле ₁)
(5)	$N \neq A = G \neq L = D \neq I$	AG + LD	(батько ₁ ; скрипаль ₁)
(6)	$N \neq A = G \neq L \neq D \neq I$	AG	(батько ₂ ; скрипаль ₂)
(7)	$N = A \neq G \neq L = D \neq I$	NA + GLD	(край ₁ ; ніч; мати ₂ = матір; ім'я ₁)
(8)	$N = A \neq G \neq L = D \neq I$	NA + LD	(поле ₂ ; курча)
(9)	$N = A = G \neq L \neq D \neq I$	NAG	(знання)
(10)	$N = A = G \neq L = D \neq I$	NAG + LD	(ім'я ₂)

Множественное число

(4)	$N = A \neq G \neq L \neq D \neq I$	NA	(ріка; праця; стіл; край; поле; знання; ніч; курча ₂ ; ім'я)
(6)	$N \neq A = G \neq L \neq D \neq I$	AG	(батько; скрипаль; матери; курча ₁)

Из таблицы видно, что в современном украинском языке существует всего 10 парадигм существительных по типу синкретизма падежных окончаний. Парадигмы (5) и (6) содержат только одушевленные существительные. Во множественном числе встречается лишь два типа, которые оба выступают и в единственном числе. В скобках даны примеры существительных, склоняющихся по данному типу, т.е. представляющих отдельные (под)классы парадигм. Некоторые слова встречаются в двух или даже трех типах, с разными нижними индексами, например *край*₁ относится к типу (7), *край*₂ – к типу (3), а *край*₃ – к типу (4). Это объясняется тем, что у определенных слов в отдельных падежах могут употребляться альтернативные окончания. Слово *край* например в дательном падеже имеет либо флексию *-еви*, либо флексию *-ю*, а в местном падеже либо *-ю*, либо *-ї*. В зависимости от комбинаций двух падежных окончаний получаются следующие синкретические типы: NA + GLD (род. п., местн. п. и дат. п. ед. ч.: *краю*¹), NA + GD (род. п. и дат. п.: *краю*, местн. п.: *краї*), или только NA (род. п.: *краю*, дат. п.: *красви*,

¹ Место ударения в падежных оппозициях имеет лишь вторичное значение, поэтому оно в подобных морфологических анализах, как правило, не учитывается (ср. Hentschel 1991: 39–40).

местн. п.: *край*), так как окончание именительного падежа всегда совпадает с окончанием винительного: *край*. Все три возможности являются грамматически правильными и допустимыми. Хотя параллельные падежные окончания встречаются и в других славянских языках,² такое богатство конкурирующих флексий можно найти только в украинском, ср.: род. п. ед. ч. *стола/столу*, дат. п. ед. ч. *столові/столу*; дат. п. ед. ч. *батькові/батьку*, местн. п. ед. ч. *(на) батькові/батьку*; дат. п. ед. ч. *скрипалеві/скрипалю*, местн. п. ед. ч. *(на) скрипалю/скрипалеві/скрипалі*; дат. п. ед. ч. *читачеві/читачу*, местн. п. ед. ч. *(на) читачеві/читачу/читачі*; местн. п. ед. ч. *(на) полі/(по) полю*; им. п. ед. ч. *мати/матір*; род. п. ед. ч. *імені/ім'я*, твор. п. ед. ч. *іменем/ім'ям*; вин. п. мн. ч. *курчат/курчата*. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что дублетные флексии встречаются во всех грамматических родах, в единственном и множественном числе, с одушевленными и неодушевленными существительными, во всех падежах, причем они чаще всего выступают в дательном и местном падежах единственного числа у одушевленных существительных мужского рода.

Своим набором синкретических типов современный украинский язык значительно отличается от других восточнославянских языков, поскольку в русском и белорусском встречается лишь 7 типов. Кроме украинского именного склонения только чешское имеет 10 различных парадигм, а общими между двумя морфологическими системами являются всего 7 типов. Итак возникает вопрос: как можно интерпретировать сложившееся положение с точки зрения исторической морфологии?

В древнерусском языке выделяются следующие синкретические типы:

Единственное число

(1)	$N = A \neq G \neq L \neq D \neq I$	NA	(<i>друзь</i> ₁ , <i>конь</i> ₁ ; <i>лѣто</i> , <i>морє</i>)
(2)	$N \neq A \neq G \neq L \neq D \neq I$	AG	(<i>друзь</i> ₂ , <i>конь</i> ₂)
(3)	$N = A \neq G = L \neq D \neq I$	NA + GL	(<i>медь</i> , <i>сѣмь</i> , <i>коло</i> , <i>осьмь</i>)
(4)	$N \neq A \neq G \neq L = D \neq I$	LD	(<i>сестра</i> , <i>доуша</i>)
(5)	$N = A \neq G = L = D \neq I$	NA + GLD	(<i>огнь</i> , <i>ночь</i>)
(6)	$N \neq A \neq G = L \neq D \neq I$	GL	(<i>камь</i> , <i>матн</i> , <i>боукы</i>)
(7)	$N = L = D \neq A \neq G \neq I$	NLD	(<i>поустыни</i>)

² Например в чешском и словацком языках у существительных мужского рода иногда наблюдается колебание в употреблении окончаний род. п. ед. ч. (*-a/-u*), а у одушевленных существительных – окончаний дат. и местн. п. ед. ч. (*-ovi/-u (-i)*).

Множественное число

(8)	$N \neq A = I \neq G \neq L \neq D$	AI	(родъ)
(9)	$N = I \neq A \neq G \neq L \neq D$	NI	(конь)
(1)	$N = A \neq G \neq L \neq D \neq I$	NA	(лѣто, море; сестра, доу- ша, поустыни; ночь; сѣмѣ; коло; оскѣ; мати; боукы)
(10)	$N \neq A \neq G \neq L \neq D \neq I$	0	(медъ; огнь; камы)

Двойственное число

(11)	$N = A \neq G = L \neq D = I$	NA + GL + DI (везде)
------	-------------------------------	----------------------

Сравнивая древнерусское состояние с современным украинским, нетрудно установить следующие значительные расхождения. В древнерусской системе парадигм

- синкретических типов меньше вопреки тому, что классов склонения больше, чем в современных восточнославянских (в том числе и украинском) языках, и что категория двойственного числа со своим уникальным типом оппозиций в данный период еще существовала;
- во множественном числе употребляется 4 типа падежного синкретизма, из которых лишь один встречается и в единственном числе (тип NA), в то время как в современном украинском есть только 2 типа (NA и AG), которые оба употребляются и в единственном числе;
- из 11 парадигм всего 4 типа, сохранившихся до современной поры: NA, AG, LD и NA + GLD, остальные же 7 (!) типов были утрачены;
- отдельные синкретические типы проявляют большое разнообразие относительно количества существительных, склоняющихся по ним; в единственном числе самыми продуктивными являются парадигмы NA (большинство существительных мужского и среднего рода с основой на $-(j)\acute{o}-$), LD (существительные женского и мужского рода с основой на $-(j)\tilde{a}-$), NA + GLD (существительные мужского и женского рода с основой на $-i-$) и AG (одушевленные существительные мужского рода с основой на $-(j)\acute{o}-$),³ остальные типы включают в себя лишь незначительное количество слов; во множественном числе безусловно наиболее продуктивным является опять-таки NA.

³ Сюда относились преимущественно существительные, обозначающие лиц, но омонимия винительного и родительного падежа и для них не было обязательной, т.е. NA и AG могли употребляться как альтернативные варианты.

Не случайно, что в современном украинском литературном языке сохранились именно вышеуказанные продуктивные синкретические типы, но чем объясняется появление новых, в древнерусском не засвидетельствованных парадигм?

Возникновение синкретизма **GLD** у существительных типа *праця* обусловлено фонетическим изменением $\mathfrak{k} > [i]$, вследствие которого окончание родительного падежа совпало с окончанием дательного и местного падежей. Такой синкретизм фигурирует и в продуктивном типе **NA + GLD**, что способствовало его укреплению в системе склонения. Оппозиционный тип **AG + LD** встречается главным образом у одушевленных существительных мужского рода и появился благодаря распространению окончания дат. п. ед. ч. *-ovi/-evi*⁴ и в местном падеже (подобно чешскому и словацкому языкам). Второй синкретический элемент данного типа (**LD**) уже существовал в системе (см. выше), и таким образом мог послужить продуктивным образцом. Парадигмы **NAG** и **NAG + LD** являются весьма нестандартными: во-первых потому, что они встречаются лишь у ограниченного круга существительных среднего рода, а во-вторых потому, что **NAG** характерна исключительно для восточнославянской языковой группы⁵ в то время, как **NAG + LD** кроме украинского употребляется только в чешском языке. Далее, следует подчеркнуть, что существительные типа *ім'я* могут склоняться и по типу **NA + GLD**, который является одним из самых распространенных типов. Что же касается синкретических типов **NA + GD** и **NA + LD**, они, за исключением парадигмы существительных типа *курча*, представляют собой необязательные (факультативные) типы. Это значит, что существительные типа *стіл* и *поле* могут склоняться и по продуктивным типам **NA**, а существительные имена типа *край* – и по типу **NA**, и по типу **NA + GLD**. В синкретизмах **GD**, **LD** и **GLD** в трактуемых парадигмах важную роль играет окончание родительного и местного падежей *-у/-ю*, которое, подобно окончанию дательного (и отчасти местного) падежа *-ovi/-evi*, происходит от непродуктивных древних основ на *-й-*. В то время, как в распространении последней флексии датива важным мотивирующим фактором была категория одушевленности, в случае *-у/-ю* она действовать вообще не могла. К тому же, в родительном падеже флексия *-у/-ю* становится статистически все более значительным (см. Славянски езици: 503), что противоречит общей тенденции упрощения системы склонения, наблюдаемой например в истории русского языка.

⁴ Флексия *-ov'i*, как известно, происходит от древних именных основ на *-й-*.

⁵ Данный синкретизм окончаний трех падежей вызван фонетическими изменениями.

Согласно теории **естественной морфологии (ЕМ)** в грамматических системах флективных языков морфологические изменения структурных свойств, определяющих систему (*system-defining structural properties*), вызваны неморфологическими (фонологическими или семантическими) факторами (Dressler 1987: 68–69). Соответственно, такие структурные свойства неодинаковы в отдельных, нередко даже родственных, языках, а различные этапы развития языков отмежевываются именно своими структурными свойствами. Сама морфологическая система не действует независимо, она только реагирует: качественные изменения (т.е. изменения определяющих систему структурных свойств) мотивированы неморфологически. Дальнейшее распространение и возможное количественное накопление таких новых свойств, однако, уже морфологически обусловлено. В силу неморфологических факторов появляются все новые флективные системы, в том числе и новые (под)классы именного склонения, которые редко являются морфологически «идеальными» или «естественными». (С некоторым упрощением можно сказать, что *естественный* в терминологии ЕМ употребляется как антоним слова *маркированный*.) В современном украинском склонении такими подклассами являются новые синкретические типы, которых не было в древнерусской системе имен. Из них **GLD**, **NAG** и **NAG + LD** возникли в результате действия фонологических процессов, в то время как тип **AG + LD** вызван преимущественно семантической причиной, а именно укреплением в системе категории одушевленности. Появление же типов **NA + GD** и **NA + LD** объясняется другим неморфологическим фактором – влиянием синтаксиса, так как выбор одной из конкурирующих флексий часто определяется, или хотя бы предпочитается, на основе синтаксических критериев.⁶ Такими критериями могут быть, наряду с семантическими и/или деривационными факторами, например употребляемые с данными существительными предлоги или избежание повторения отдельных окончаний внутри одного предложения (ср. Грищенко 1997: 353–359). Перечисленные неморфологические процессы мешают тенденции, определяющей развитие флективных систем вообще, – стремлению к высокой степени морфологической естественности. В ЕМ различаются две разновидности такой естественности: системозависимая (*system-dependent*) и системнезависимая (*system-independent*) морфологическая естественность. Вторая разновидность одинаково затрагивает морфологические системы языков, независимо от их принадлежности к одному или другому типу, т.е. она является универсальной. Сюда относится, например, принцип т.н. конструкционной иконичности или диаграмматичности (Dressler 1987: 48–50). В данном случае, однако, более важ-

⁶ Наряду с существительными, оба типа употребляются и в системе прилагательных и местоимений, с параллельными окончаниями для местного падежа.

ная роль принадлежит принципам системозависимой морфологической естественности – **системной конгруэнции**, с одной стороны, и **стабильности флективных классов**, с другой. Системная конгруэнция в сущности представляет собой степень согласования между парадигмой (частью парадигмы, флективной формой или морфологическим показателем) и структурными свойствами, определяющими систему данного языка. Она определяется составом и отношением между отдельными структурными свойствами, типологически характеризующими любую флективную систему и одновременно различающими ее от флективных систем других языков. Конкурирующие в системе структурные свойства оцениваются по количеству и относительному размеру флективных классов (т.е. по числу парадигм), в которых они выступают, и далее, по степени, до которой реализуется отдельное структурное свойство (т.е. по количеству конкретных форм). Это значит, что синкретизмы **NA, AG, LD, NA + GLD** в украинском (и в древнерусском!) языке проявляют высокую степень системной конгруэнции, в отличие от типов **NAG, NAG + LD, NA + LD**, которые оказываются отклонениями от «нормы», так как они употребляются лишь со значительно ограниченным кругом существительных.

Другой принцип системозависимой морфологической естественности, стабильность флективных классов, определяется в зависимости от того, какие типы условий структуры парадигм (по-другому: какие имплицативные схемы) действительны для отдельных флективных классов. Эти условия структуры парадигм (*paradigm structure conditions*) содействуют тому, чтобы флективная морфология естественных языков осталась выучаемой, даже если в ней существует немало флективных классов (Dressler 1987: 76–86). Слова, парадигмы которых придерживаются тех же самых условий структуры, образуют единообразные флективные классы или подклассы. **Стабильными** являются такие (под)классы, парадигмы которых соответствуют имплицативной схеме, исключительно или преимущественно охватывающей слова, которые имеют определенные внеморфологические свойства. У таких (под)классов или вообще нет дополнительных (под)классов (напр. тип *pika*), или же они реже употребляются. Парадигмы **нестабильных** флективных (под)классов соответствуют такой имплицативной схеме, которая не согласуется с господствующим условием структуры парадигм слов с определенными внеморфологическими свойствами (напр. тип *im'я₂*). Наконец, **безразличными по стабильности** являются классы слов со внеморфологическими свойствами, которые не имеют господствующего условия структуры парадигм. Значит, их дополнительные классы употребляются с одинаковой частотой (напр. *батько₁* и *батько₂*). В современном украинском литературном языке стабильными являются классы склонения типа *pika*, *праця*, *ніч*, а нестабильными – классы типа *знання*, *курча* и *im'я₂*. Практически все осталь-

ные (под)классы относятся к третьему типу, потому что из-за обилия в них параллельных окончаний получается целый ряд равноправных дополнительных (под)классов, безразличных по стабильности.

В чем же заключается своеобразие склонения существительных в современном украинском языке? Богатство синкретических типов в единственном числе – это только поверхностное явление, которое, между прочим, характерно и для чешского литературного языка. Объяснение лежит глубже, в системе падежных оппозиций, а именно в принципах системозависимой морфологической естественности. Системной конгруэнции способствуют лишь украинские синкретические парадигмы, унаследованные от древнерусского языка. Новые, возникшие благодаря неморфологическим факторам, синкретические типы (в ед. ч.) являются неконгруэнтными. С другой стороны, параллельные, конкурирующие друг с другом флексии делают систему склонения весьма пестрой, причем стабильные (под)классы существительных составляют менее значительную часть парадигм. Обилие безразличных по стабильности (под)классов указывает на динамику современной украинской системы склонения, которая временно замедляет общую тенденцию к упрощению морфологической структуры, которое наблюдается в остальных восточнославянских (и других) языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Балаж, Г. 1993, Падежные синкретизмы в славянских языках. В кн.: *Magyarok és szlávok*. Szeged, 395–403.
- Георгиев, В.И. 1969, *Основни проблеми на славянската диахронна морфология*. София.
- Георгиев, В.И. 1978, Принципи на славянската диахронна морфология. *Славянска филология* XV, 5–16.
- Грищенко, А.П. (ред.) 1997, *Сучасна українська літературна мова*. Киев.
- Журавлев, В.К. 2004, *Диахроническая морфология*. Москва, 2-е изд., стереотипное.
- Славянски езици – *Славянски езици: Граматични очерци*. София, 1994.
- Dressler, W. U. (ed.) 1987, *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam–Philadelphia.
- Hamilton, W., Jr. 1974, Deep and surface changes in four Slavic noun systems. *Linguistics* 127, 27–73.
- Hentschel, G. 1991, Роль схем формальной дифференциации в историческом развитии флексивной системы русского существительного. *Russian Linguistics* 15, 31–51.
- Jakobson, R. 1971a, Zur Struktur des russischen Verbums. In: Jakobson, R., *Selected Writings II*. The Hague – Paris, 3–15.

- Jakobson, R. 1971b, Морфологические наблюдения над славянским склонением: Состав русских падежных форм. In: Jakobson, R., *Selected Writings II*. The Hague – Paris, 154–183.
- Žuravlev, V. K. 1977, Die Dynamik baltoslavischer morphologischer Oppositionen. Indogermanischen *Forschungen* Bd. 82, 191–225.

ГРАМАТИЧЕСКАТА КАТЕГОРИЯ „ЧИСЛО“ В ПРОЦЕСА НА УСВОЯВАНЕ НА БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК ОТ УНГАРЦИ

Савелина Банова

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО
banovasavelina@yahoo.com)

Обект на изследване е усвояването на граматическата категория „число“ в българския език от унгарци. Всеизвестно е, че има някои аспекти от чуждоезиковите граматики, които са проблемни за всички изучаващи, независимо от родния език. Те не само затрудняват езикоусвояването, но са и характеристика на чуждия език в процеса на неговото усвояване. Такъв феномен при изучаването на българския език като чужд е граматическата категория „число“. „Невъзможността“ да се усвоява граматическото число „без грешка“ е фокус на изследването, представено тук.

Въпросът за граматическата категория „число“ е част от големия въпрос за изразяване на квантитативността в езиците. Макар че числото обхваща всички изменяеми части на речта, най-често то се определя като категория на съществителните имена, тъй като „именно явленията, означавани със съществителните имена, могат да се броят и измерват“ (Бояджиев–Куцаров–Пенчев 1998: 366).

В нашето изложение ще се ограничим в разглеждането на процеса на усвояване на категорията „число“ при съществителните имена.

В дискусията за природата на числото при съществителните имена обикновено се изтъкват следните факти: 1) не всички езици притежават граматическата категория „число“ (такъв език например е китайският – вж. по-подробно Бояджиев 2002); 2) по отношение на рода, другата морфологична категория на съществителните имена, числото добавя ново значение към всички съществителни имена, докато родът не добавя нищо към значението на неодоушевените съществителни (Fodor 1959: 195); 3) освен това на нас не са ни известни езици, в които да е съществувала граматическата категория „число“ и впоследствие да е изчезнала, докато за рода има такива данни (напр. английски, арменски).

Неизменният въпрос, който си задават учените при описанието на дадена морфологична категория, е каква роля играе тя в езиците, в които съществува. Отговорът, който може да се даде за категорията „число“ е, че при тези езици, които имат числова система и експлицитни числови маркери, е много лесно на говорещия да посочи количествените разлики, използвайки само тези маркери.

Дискусията около числото и как то оперира в езика показва, че има три аспекта, които би трябвало да се вземат под внимание: 1) Морфологичен аспект: Числото има определени маркери. Има обаче съществителни, които правят изключение: това са т.н. *singularia tantum* и *pluralia tantum*. 2) Семантичен аспект: Маркерите за число добавят значението множественост. Така напр. окончанието *-и* в съществителното име *маси* задължително реферира множествено число. 3) Синтактичен аспект: Съществителното име обикновено привлича други части на речта в същото изречение към себе си чрез процес, известен като съгласуване. Този аспект е различен за различните езици. Граматиката на българския език, например, отразява всички тези аспекти на числото и въпросите, отнасящи се до него. В българския език по число се съгласуват прилагателните (в адективна и предикативна позиция), местоименията, някои числителни, глаголите. В унгарски, например, прилагателните имена не се съгласуват по число със съществителните, когато са в адективна позиция. В тази работа съгласуването няма да бъде предмет на обсъждане. Настоящото изследване е релевантно най-вече с морфологичния аспект.

От литературата по контрастивна лингвистика е известно, че при изучаване на чужд език от възрастни, изучаващият неизбежно сравнява с родния си език (вж. по-подробно Данчев 2001). Този процес е известен като родноезикова интерференция. Родноезиковата интерференция може да бъде два вида: положителна или отрицателна. Положителна е интерференцията, когато в родния и чуждия език има много сходни граматически категории и трансферът от родния върху изучавания чужд език помага за по-лесното му усвояване. Това е трансфер от повърхнинната структура от родния в чуждия език, защото изучаващите имат родноезикови знания за граматическата категория, т.е. притежават метаязикови знания. В същото време е известно, че даже и между сродни езици няма пълен изоморфизъм в повърхнинните им структури. Съществуващите различия обикновено могат да станат източник на отрицателен трансфер. Когато дадена граматическа единица липсва в родния език, тя трябва да се семантизира, т.е. нейното усвояване е свързано със създаване на нови езикови знания както от формално, така и от семантично естество. Такава езикова единица, свързана с числото, е бройната форма при съществителните имена от мъжки род в българския език.

Граматическата категория „число“ съществува в родния (унгарския) и чуждия (българския) език (вж. по-подробно Keszler 2000: 185–187; Ben-cédy-Fábián-Rác-Velcsov 1968: 85–87; ГСБКЕ: 103 и сл.). И в двата сравнявани езика тя е представена чрез бинарната опозиция „единствено число – множествено число“. Следователно между тях няма разлика в семантичен аспект.

В морфологичен аспект тази категория и в двата езика се изразява чрез флексията. Освен това и в унгарски, и в български след флексията за плураалност може да се постави морфема или частица. Обща особеност е и фактът, че в една дума могат да се появят и две морфемии за мн. ч., които изпълняват различна функция, например: за унгарски – *hallgató-k-é-i*, където *-k* отбелязва мн. ч. на притежателите ('студенти', мн. ч.), а *-i* отбелязва мн. ч. на притежаваните неща/същ. '(...) на студентите' и за български – *жени-те*, където не само *-и* е показател за множествено число, а и определителният член *-те*, който също реферира множествено число.

Различията във формален план са в броя на морфемите, които се използват в двата езика. Докато в унгарски език морфемата за множествено число се изразява чрез две флексии – за обикновено множествено число и за множествено число за притежание, в български език броят на плураалните флексии е по-голям (вж. по-долу в таблица 1). Наличието на категорията „род“ в българския език и зависимостта на дадено окончание за число от родовата принадлежност на съществителното име също усложнява езикоусвояването. Освен това старото двойствено число, което е съществувало в старобългарски език, е изчезнало като граматическо значение и формите му са се преосмислили в бройна форма при съществителните имена от мъжки род за предмети и в някои специфични окончания за мн. ч., например *рога*, *крака*.

В семантичен план разликата е в наличието на бройна форма в българския език и отсъствието ѝ в унгарския език. Окончанието за бройна форма е *-а* или *-я* ('*a*, '*ja*). Бройна форма приемат само съществителните от мъжки род, които завършват на съгласна (тук включваме и глайда *й*), когато са след числителни бройни и след наречията *колко*, *няколко*, *толкова*, например: *два стола*, *два чая*, *няколко молива* и др. (ГСБКЕ: 108–109).

1. Числото в унгарски и в български език

1.1. Унгарски език

В унгарски език съществителното име има две окончания за множествено число.¹

¹ В *Magyar grammatika* се говори и за 3-ти вид морфема за мн. ч., т.н. окончание, изразяващо хетерогенно мн. ч., *-ék*. В по-ранната литература се смята за наставка (събирателна), като *-ék*, се е получило от притежателното окончание *-é* и окончанието за мн. ч. *-k*. В подкрепа на факта, че *-ék* е морфема за мн. ч.: налице е граматическа конструкция, като при *-k*. Напр.: *Pistá-ék (Pl) megérkeztek (Pl)* 'Пищови/Пища и неговите приятели (семеиство) пристигнаха' (съгласуване с подлога), сравн. с *A fiú-k (Pl) megérkeztek (Pl)* 'Момчетата пристигнаха' (Keszler 2000: 185–187).

1.1.1. Общата (основната) морфема за мн. ч. е *-k* (и формите/аломорфите със съединителна гласна пред *-k*): напр.: *almá-k* ‘ябълки’, *ember-ek* ‘хора’, *ut-ak* ‘пътища’, *gyöngy-ök* ‘перли’ и т.н.

Характерно за унгарски език: чифтните части на тялото – крака, ръце, очи, уши и т.н. се използват в ед. ч., напр. *Fáj (Sg) a szemem (Sg)* ‘Болят ме очите’. За да се отбележи, че става въпрос само за един крак, едно ухо и т.н., тогава се използва *fél* ‘половина’, напр. *Féllábon áll* ‘Стои на един крак’ – и тук има много изключения при употребата на мн. ч.; личните имена много рядко се срещат в мн. ч. (и имат специална конотация).

1.1.2. Морфема за множествено число при притежание *-i* (*-ai/-ei, -jai/-jei*): специална морфема, която се среща само при притежателни конструкции и която се намира в притежаваното същ, напр.: *könyv-ei* ‘негови/нейни (3 л. притежател) книги’, *darab-jai* ‘негови/нейни пиеси’, и др. Може да стои или след притежателното окончание, *apáté-i* ‘на баща ми’, или преди притежателното окончание за лице, *könyv-ei-m* ‘мои книги / книги(те) ми’, *könyv-ei-d* ‘твои книги / книги(те) ти’ и т.н. Морфемата се вклинява в звуковата подредба на притежателното окончание, като образува различни по комбинация форми: *fűzet-e-i-m* ‘моите тетрадки / тетрадките ми’, *kar-ja-i-tok* ‘вашите ръце / ръцете ви’.

1.2. Български език

Както посочихме по-горе, в български език изборът на едно или друго окончание за множествено число корелира с рода на даденото съществително име, затова по традиция в българската граматична литература класификацията на образуване на формите за число е по родове. (Обобщение на моделите за образуване на обикновено множествено число при съществителните имена в български език е дадено по-долу в таблица 1.)

1.2.1. Формата за множествено число при съществителните имена от мъжки род в голяма степен зависи от броя на сричките. По правило многосричните съществителни за мъжки род образуват множествено число с *-и*, напр.: *студент – студенти*, *молив – моливи* и мн. др. Изключения: *номер – номера*, *господин – господа*, *човек – хора*, *огън – огънове* и *вятър – ветрове* (от стара форма), *център – центрове*. Понякога образуването на множествено число на *-и* е съпътствано с фонетични промени: редуване на /к:ц/, /г:з/, /х:с/ (*ученик – ученици*, *подлог – подлози*, *кожух – кожуси*), изпадане на /е/ или /ъ/ (*борец – борци*, *петел – петли*, *овен – овни*, *метър – метри* и др.). Второто продуктивно окончание за множествено число при многосричните съществителни от мъжки род е *-овци/-евци*. То е характерно най-вече за лични имена (нарицателни и собствени): *дядо – дядовци*, *Иван – Ивановци* и др.

Най-продуктивното окончание при едносричните съществителни от мъжки род е *-ове/-еве*. Например: *стол – столове*, *син – синове*, *бой – боеве*, *зет – зетове* и др. С това окончание се образува множествено число и при

някои композита, чиято втора съставна дума е едносрично съществително от мъжки род, например: *радиочасове, билбордове*. Групата едносрични, която образува множествено число с *-и* е по-малка в сравнение с по-горната. Примери: *зъб – зъби, факт – факти* и др. Тук също се наблюдават фонетични редувания при някои думи, напр.: *рак – раци, влах – власи* и др.

Освен това тази група включва и няколко непродуктивни окончания за образуване на обща плурална форма: с *-е* образуват само 5 думи: *мъж – мъже, княз – князе, цар – царе, крал – крале, кон – коне* (всички са одушевени съществителни); с *-ища* са следните: *край – краища, кър – кърища, път – пътища, сън – сънища, съд – съдилища* (от *съдилище*); с *-а* са само две думи: *крак – крака, рог – рога*. Извън тази класификация е *брат – братя*.

1.2.2. В огромната си част съществителните от женски род образуват множествено число с *-и*.² Примери: *жена – жени, маса – маси* и мн. др. Образуването на плуралните форми по принцип не е съпътствано с фонетични промени. Изключение има в някои думи, където се наблюдава изпадане на /ъ/ или /е/, напр.: *мисъл – мисли, песен – песни*. Няколко думи правят изключение и образуват плурал с *-е*: *ръка – ръце, нога – нозе*, а също *овце* и *свине*, които имат дублети с *-и*: *овци* и *свини*.

1.2.3. Съществителните имена от среден род се характеризират с няколко начина на образуване на плурални форми. Продуктивно окончание за завършващи на *-о* в единствено число, а също и на завършващите на *-це, -енце, -ище* е *-а*: *село – села, писмо – писма; лице – лица, пиленце – пиленца, училище – училища*.

Окончание *-и* имат съществителните от среден род на *-о*, които са образувани чрез конверсия (субстантивирани прилагателни и причастия), напр.: *животно – животни, казуемо – казуеми* и др. Към тези думи спада и *влечуго – влечуги*.

С *-и* образуват плуралните си форми думите *око – очи* и *ухо – уши*, които по произход са стари форми за *dualis*.

Продуктивното окончание за съществителните от среден род, завършващи на *-е* е *-ета/-та*: *кафе – кафета, момче – момчета* и др., а също и при някои на *-не*: *ядене – яденета*. Продуктивно окончание на завършващите на *-ие*, а също и на някои, окончаващи на *-не* е *-я (ја)*: *списане – списания, ходене – ходения* и др.

Думите от чужд произход на *-е, -и, -у* образуват плуралните си форми с *-та*: *пюре – пюре́та, такси – таксита, бижу – бижута, меню – менюта* и др.

² От диахронна гл.т. окончанието *-и* за м. р. и окончанието *-и* за ж. р. имат различен произход. От синхронна гл.т., обаче, вече имаме една фонема /и/.

С -ена: време – времена, знаме – знамена, име – имена, племе – племена, семе – семена (а също и рамо – рамена).

Особени случаи: дете – деца; цвете – цветя; чудо – чудеса (с -еса); рамо – рамена и рамене; коляно – колена и колене; колело – колела и колелета; от дърво има две плурални форми, които имат различна семантика: дървета ‘растения’ и дърва ‘нарязани дървета за горене’. Има и трета форма – дървеса, която е поетическа; от небе има две плурални форми небета и небеса, като втората е с поетично значение; от крило също има две плурални форми с различно значение: крила (употребява се във всички случаи) и криле (може само за птици).

Таблица 1. Образование на множествено число при съществителните имена в български език

Единствено число		Множествено число								
		-и	-ове/ -еве	-овци/ -евци	-е*	-а	-ета/ -та	-я	-ена*	-еса
м. р.	едно-срично	+	+	–	+	+	–	братя	–	–
	многосрично	+	+	+	–	+	–	–	–	–
ж. р.	-а/-я -ø	+	–	–	+	–	–	–	–	–
ср. р.	-о	+	–	–	–	+	+	–	рамена	+
	-е	–	–	–	–	+	+	цветя	+	+
	-ие/-не	–	–	–	–	–	–	+	–	–

Знакът * маркира малобройни случаи.

Забележка: 1) в таблицата не е включено окончанието -ене, защото формите, които се образуват с него, са дублетни форми на редовните форми с -ена; 2) тази таблица не включва бройната форма.

2. Резултати и анализ

Както посочихме по-горе, в нашето изложение ще се ограничим в разглеждане процеса на усвояване на категорията „число“ при съществителните имена. Според теорията за анализ на грешки основен източник на информация за процесите, протичащи при усвояването на чуждия език, са неправилните форми. Те зависят от спецификата както на усвоявания език, така и на родния език. От значение също е семантичната и граматичната сложност на дадената категория.

За нуждата на изследването ще се позовем на корпус, събиран от писмени работи (предимно есета, т.е. спонтанна писмена реч) на унгарски студенти от трети и четвърти курс, следващи българска филология. Корпусът

съдържа неправилно образувани форми на обикновеното множествено число, както и на бройната форма. Напр.:

Мъжки род

а) едносрични:

(1) *Това са столи.

Това са столове.

(2) *Около града природата е много хубава: *хълмите* разделят горите.

Около града природата е много хубава: *хълмовете* разделят горите.

б) многосрични:

(3) *Градът заслужава да се види: има интресни исторически *паметники*.

Градът заслужава да се види: има интересни исторически *паметници*.

(4) *Този град има *600 000 жителя*.

Този град има *600 000 жители*.

в) бройна форма:

(5) *Дайте ми *пет учебники*.

Дайте ми *пет учебника*.

(6) *Искам къщата да бъде с *две етажи*.

Искам къщата да бъде с *два етажа*.

Среден род

а) завършващи в единствено число на -о:

(7) *В центъра има много *дърво*.

В центъра има много *дървета*.

(8) *Тя обича да прави екскурзии в планината, да събира цветя, да яде на открито между *дърва*.

Тя обича да прави екскурзии в планината, да яде на открито между *дървета*.

б) завършващи в единствено число на -е:

(9) *Ние имаме три *кучи*.

Ние имаме три *кучета*.

(10) *Има голяма тераса с много *цвети*.

Има голяма тераса с много *цветя*.

Както се вижда от примерите, наблюдавани са погрешно употребени окончания само при думите от мъжки и среден род. Няма погрешни форми за думи от женски род. Според нас високата системност при образуване на плуралните форми в женски род с окончание -и, което е основен формален показател за множественост в българския език (Бояджиев–Куцаров–Пенчев 1998: 367) оказва положителен ефект при усвояването на изследваната кате-

гория в тази група. От гл.т. на контрастивната лингвистика, тук имаме положителен вътрешноезиков пренос.

Важно е да се отбележи също, че няма погрешно употребена сингуларна форма вместо плурална форма: винаги, когато контекстът изисква плурална форма, се употребява такава, макар и понякога с погрешно окончание. Според нас това явление е резултат от положителния родноезиков пренос, тъй като между двата езика има както семантично, така и формално сходство по отношение на граматическата категория.

В примерите (1) и (2) грешните форми са резултат от замяна на едно окончание за съществителните имена с друго: вместо окончанието *-ове* за едносричните съществителни от м. р. е употребено окончанието *-и*. В този случай може да говорим за генерализирана употреба на най-продуктивното окончание за множествено число *-и*.

В пример (3) окончанието *-и* е правилно употребено, но не е спазено правилото за звуковото редуване /к:ц/ на крайната съгласна. С неспазено фонетично редуване е образувана и обикновената форма на множествено число в пример (5) *пет учебници*, която е употребена след бройно числително, а както е известно, българската книжовна норма препоръчва в такива случаи бройната форма *пет учебника*. Обратен процес – използване на бройна форма, когато езиковата норма препоръчва обикновена форма за множествено число, имаме в пример (4), а именно *600 000 жителя* (без отбелязана мекост след суфикс *-тел: жителя*) вместо *600 000 жители*. Трябва да отбележим, че отклонението от езиковата норма, свързана с употребата на бройната форма, е срещано явление в речта на носителите на български език. Включително и в речта на образовани хора може да се чуе обикновена плурална форма след бройно числително (или местоименията за количество) или бройна форма за обикновено множествено число, например *пет учебници; шест преподавателя*. Но тъй като студентите са обучавани на нормативна граматика, ние сме включили горните примери в езиковия корпус.

Грешната форма в пример (6) в словосъчетанието *две етажи* може да бъде тълкувана по два начина. От една страна, формата *етажи* съвпада с обикновената форма за множествено число на думата. От друга страна, обаче, числителното *две* е форма от женски род. Би могло да се предположи, че в този случай думата е определена от женски род и затова е употребена формата *етажи*.

В примерите (9) и (10) отново наблюдаваме свръхгенерализирана употреба на *-и*, като показател за множественост в българския език. Тази тенденция, както вече посочихме по-горе, е предпоставена от българския езиков материал, тъй като *-и* е най-фреквентната флексия като, от една страна, с нея се образуват форми за мн. ч. от трите рода (вж. таблицата 1), а от друга страна, тя е единствената флексия за съгласуване в множествено число.

Изключително интересни са данните от примери (7) и (8), защото и в двата е образувана неправилно формата за мн. ч. на едно и също име *дърво*. Както знаем, в български език тази дума образува две форми за множествено число, които имат различна семантика: *дървета* 'растения' и *дърва* 'нарязани дървета за горене'. В пример (7) формата е образувана чрез прибавяне на окончание за едносрични съществителни от м. р. *-ове* вместо *-ета*. В пример (8) формата *дърва* е неправилно употребена, тъй като е с различно семантично съдържание от търсената форма *дървета*. Формата *дървоове* от пример (7) е трудна за тълкуване. Тук би могло да се предположи или образуване по звукова аналогия (по съзвучие *дърво* + *ове*), или погрешно заучена родова форма, например **дърв* (м. р.) вместо *дърво* (ср. р.) – **дърв* + *ове*.

Анализът на данните дава възможност да направим следните обобщения.

Този тип грешки са резултат от свръхгенерализация и/или аналогично изравняване на някоя от флексии за плураалност и/или неспазване на звукови редувания, т.е. те имат морфологичен и/или морфонологичен характер. Следователно чрез тях се отразява спецификата на изучавания български език. Както знаем, процесът свръхгенерализация е резултат от стремеж към по-висока системност и разпространение на общи правила върху нерегулярни случаи. Обикновено се избира най-често срещаната форма, която се разпространява в цялата система. Нашите данни показват именно такова явление. В изследвания езиков материал е свръхгенерализирано окончание *-и*, което има най-широка употреба в българския език, като общо окончание за плураалност: с него са образувани форми на думи, които се подчиняват на други правила (сравни **столи*, **хълми* вместо *столове*, *хълмове* при едносрични съществителни от мъжки род и **цвети*, **кучи* вместо *цветя*, *кучета* при съществителни от среден род).

Смесване на употребата на бройната форма и обикновената форма за множествено число при думите от мъжки род (**600 000 жителя*, **пет учебници*) дава данни за затруднения, които се срещат, когато дадена граматическа единица липсва в родния език. Както посочихме по-горе, семантичните разлики са източник на отрицателен трансфер, тъй като са свързани със създаването на метаязикови знания. Доколкото обаче правилото за употреба на бройната форма е само препоръчително от българската езикова норма, като тя често не се прилага в езиковата практика, смятаме проблема за дискуссионен дали, ако чужденци употребят *пет учебници* или *600 000 жителя*, тези форми трябва да се маркират като грешки.

Отстраняването на звуковите редувания при думите от мъжки род пред *-и* (**памятници*, **учебници*) е пример за опростяване на системата чрез неспазване на морфонологичните особености, които характеризират дадена именна парадигма.

От семантично естество е смесването на двете плурални форми *дърва* и *дървета*.

Формата *дърво* е твърде интересна заради нееднозначността в тълкуването на формообразователния процес (вж. по-горе). Въпреки нейната на пръв поглед непредсказуемост, описването на формообразуването ѝ показва процеса на усвояване. Спазено е правилото за образуване на мн. ч., като към форма за ед. ч. е добавена флексия, която, макар и погрешна, е взета от българския езиков материал.

Разглеждането на посочените по-горе типове грешки ни дава основание да направим заключение, че при усвояване на категорията „число“ в българския език от унгарци се отразява спецификата на изучавания език. Големата флективност, с която се характеризира българският език при образуването на множествено число на съществителното име, морфологичните редувания, които съпътстват формообразуването, и някои семантични особености, създават условия за свръхгенерализиране и/или аналогично изравняване в процеса на овладяване на граматическата категория.

ЛИТЕРАТУРА

- Бояджиев, Ж. 2002, *Увод в общото езикознание*. София: Парадигма.
- Бояджиев, Т. – Куцаров, И. – Пенчев, Й. 1998, *Съвременен български език: Фонетика. Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис*. София: Петър Берон.
- ГСБКЕ – Стоянов, Ст. (гл. ред.) *Граматика на съвременния български книжовен език, т. 2. Морфология*. София: БАН, 1982.
- Данчев, А. 2001, *Съпоставително езикознание: Теория и методология*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.
- Fodor, I. 1959, The origin of grammatical gender. *Lingua* VIII, № 1, 1–41, № 2, 186–214.
- Keszler, B. (szerk.) 2000, *Magyar grammatika*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó.
- Bencédy, J. – Fábián, P. – Rácz, E. – Velcsov, M.-né 1968, *A mai magyar nyelv*. Budapest: Tankönyvkiadó.

РОЛЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ПРИ СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ТИПА

Алеш Бранднер

(Aleš Brandner, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, brandner@phil.muni.cz)

Возникновение и развитие книжной традиции у восточных славян связано с христианизацией Руси как важнейшим культурным и политическим событием в ее ранней истории. Основной вехой здесь может считаться крещение Руси в 988 г., которому предшествовало крещение князя Владимира. С принятием христианства в качестве государственной религии церковнославянский язык получил статус языка официального культа, что и создало предпосылки для его функционирования в качестве литературного языка восточных славян. С крещением Руси связана целенаправленная деятельность по введению церковнославянского языка как языка христианской культуры (ср. Мещерский 1981: 21–27).

Христианство проникло к восточным славянам из Византии, в результате чего восточные славяне пользуются на письме азбукой, которая развилась из кириллицы, бывшего славянского алфавита, созданного на основе греческого маюскульного письма учениками Мефодия, которые были выгнаны из Великой Моравии в Болгарию. Кириллицей были написаны первые и последующие старославянские литургические тексты, которыми пользовались византийские миссионеры при распространении христианской религии. При их переписывании на восточнославянской территории проникли в тексты многочисленные русизмы. Поэтому с конца XI в. язык этих текстов принято называть церковнославянским языком русской редакции. Этот язык там функционировал до начала XVIII в. как язык богослужебный, так и язык книжный, письменный (ср. Виноградов 1958: 5; Улуханов 1972: 22). Рядом с церковнославянским языком русской редакции там сосуществовал домашний русский язык, который представлял прежде всего живой разговорный язык (ср. Ларин 1975: 24–218). Московский русист Б.А. Успенский (1988: 25–26) подчеркивает, что вплоть до XVII в. оба языка функционировали на одной территории по модели диглоссии, т.е. функции обоих языков находились в строгом дополнительном распределении: церковнославянский язык был связан с письменной традицией, бытование русского было связано по преимуществу со сферой повседневного общения. Церковнославянский язык не употреблялся в качестве разговорного, церковнославянскому языку только обучали, и только с ним связана нормализаторская и кодификаторская деятельность в средневековой Руси. Так как не существует никаких переводов

с церковнославянского на русский и с русского на церковнославянский или вообще каких-либо параллельных текстов на этих языках с одним и тем же содержанием, можно утверждать, что оба языка находились в Древней Руси не в отношении двуязычия, а в отношении диглоссии. На основании этого определяется кардинальное значение понятия языковой ситуации для периодизации истории русского литературного языка. Б.А. Успенский выделяет три основных периода: 1) период диглоссии (с XI по XVII в.), 2) переходный период церковнославянского-русского двуязычия и становления языка нового типа (со второй половины XVII в. по начало XIX в.), 3) стабилизация нового русского литературного языка (с начала XIX в. по настоящее время). Период диглоссии он подразделяет на три этапа, связанных с тремя последовательными культурными влияниями, условно обозначая их как «южнославянские».

Первое южнославянское влияние представляет собой период, связанный с принятием христианства на Руси и с возникновением письменности. Христианство стало государственной религией и церковнославянский язык стал выполнять функцию литургического и письменного языка. В распоряжении имелись богослужебные книги южнославянского происхождения, поэтому можно говорить о первом южнославянском влиянии. Церковнославянский язык служил как средство византизации русской культуры и как общий литературный язык всего православного славянства. Освоение южнославянской книжной традиции было обусловлено не культурной или церковно-политической ориентацией на Болгарию, а скорее миссией южных славян быть посредниками греческого культурного влияния: ориентация была греческая, письменность была болгарская. Предпосылки были созданы общим заселением Балкан греками и южными славянами. Ориентация на южных славян как посредников греческого культурного влияния была временно обусловлена. В XII в. больше не влияли на русские рукописи южнославянские образцы, сформировался русский извод церковнославянского языка, который усвоил целый ряд черт восточнославянского происхождения, иными словами: он подвергся русификации. Специфические южнославянские элементы в раньше написанных рукописях постепенно исправлялись. Произошел подъем домашней письменности: с одной стороны, переписывались книги, с другой стороны, возникала переводческая литература. Важную роль при формировании книжного, письменного языка сыграли переводы с греческого языка. Его знание было в Киевской Руси распространено. На определенном уровне образования предполагался церковнославянско-греческий билингвизм, который тогда находился в соответствии с церковнославянско-русской диглоссией: церковнославянский и греческий языки объединились как культурные языки в противовес не книжному русскому языку. В это время еще не было специальной грамматики, которая бы описывала грамматическую систему церковнославянского языка. Так как его

грамматический строй совпадал с грамматическим составом греческого языка, могла при грамматическом описании церковнославянского языка послушать грамматика греческого языка.

Второе южнославянское влияние обозначает этап развития языка с конца XIV в. и особенно в течение XV в. Данный этап представляет эпоху большого расцвета церковнославянского языка. В значительной мере речь идет о культурно-историческом явлении, которое скорее опосредствованно отразилось в языке (ср. Trösterová 1994: 36–42). Подобно как при первом южнославянском влиянии дело касалось влияния южнославянской книжной традиции на книжную традицию русскую. В ходе XIV в. Россия удерживала контакты с южнославянскими культурными центрами, особенно с монастырями. Почти все выдающиеся деятели письменности побывали или на Афоне, или в Охриде, или в Тырнове или в Ресаве. Там они имели возможность познакомиться с оригинальной южнославянской литературой и литературой, переведенной на южнославянский извод церковнославянского языка, переписывали книги. В этих центрах проводились также корректуры ошибок в рукописях, возникших на Руси. Все русские монастыри и московский митрополит тратили значительные финансовые суммы для покупки книг в южнославянских монастырях.

В церковнославянском языке русского извода произошли некоторые изменения в связи с политическими переменами на Балканах. Следствием агрессии Турции на Балканском полуострове была оккупация Сербии и Болгарии турками. Б.А. Успенский полагает, что этот период прикрыт целым рядом недоказанных предположений и недостоверных утверждений. Первым таким мифом, который возник в связи со вторым южнославянским влиянием, является тезис о массовой иммиграции южных славян в Россию после нападения турков на Балканский полуостров. По его словам, нет никаких исторических доказательств, которые бы это утверждение подтвердили. По некоторым данным он предполагает, что это было всего несколько отдельных лиц, особенно образованных людей из области письменности и богословия. К ним можно отнести прежде всего двух болгар – митрополита Киприана и митрополита Григория Цамблака; кроме того, в середине XV в. на Руси подвизался серб Пахомий Логофет, афонский инок, агиограф, который переработал целый ряд уже существующих житий святых и составил ряд новых. Из этих трех фигур, лишь первые две могли иметь отношение к началу второго южнославянского влияния. Особенно о болгарском митрополите Киприане можно сказать, что он был главой правки церковных книг, возникших на русской территории. То, что казалось быть естественным явлением, т.е. проникание русских языковых элементов в богослужебные тексты, ему это явилось как недопустимые ошибки, которые портят уровень священных книг. Литература этого уклона содействовала культивированию

языка и обогащала его новыми средствами выражения. Значит, второе южнославянское влияние имело исключительно широкий характер: оно отражалось во всем, что связано с книжной и – шире – с церковной культурой.

Другим мифом, связанным со вторым южнославянским влиянием, является констатация, что его продолжением было переписывание и правка богослужебных книг (ср. Bartoszewicz 1979: 84–86; Mrázek–Popova 1982: 118–120). Б.А. Успенский (1988: 220) уверен, что значение второго южнославянского влияния заключается именно в начале последовательной книжной sprawy на Руси. В этом смысле второе южнославянское влияние связано с позднейшими реформами патриарха Никона и его последователей в процессе третьего южнославянского влияния. Причиной явилось стремление русских книжников обновить письменность, очистить литературный язык от всего, что могло бы восприниматься как его порча. Основная роль в этом процессе принадлежала, таким образом, не южнославянским учителям, а самим русским книжникам. Южнославянский извод церковнославянского языка послужил той моделью, на которую ориентировались русские книжники, однако специфические орфографические, грамматические и лексические признаки, относящиеся к той или иной локальной редакции, более или менее тщательно устранялись в русских переписях. Южные славяне имели постоянно живые контакты с греками, они переводили тексты с греческого языка на церковнославянский. Таким образом, посредством южнославянской книжной традиции осуществилась архаизация языка. Поскольку церковнославянский язык пришел на Русь от южных славян, специфические южнославянские черты рассматривались на Руси как архаические. Второе южнославянское влияние было непосредственно связано с византизацией церковнославянского языка и церковной культуры. С функциональной точки зрения церковнославянский язык представлял собой в данный период язык интернациональный, поэтому возникали стремления устранить его локальные варианты. Основой второго южнославянского влияния были пурификаторские и реставрационные тенденции: на переднем плане выступали стремления очистить церковнославянский язык от разговорных элементов, которые в нем появились как результат его постепенной русификации. Словарный состав обогатился многочисленными грецизмами, подобно фразеология и построение предложения. Иными словами: перед вторым южнославянским влиянием можно говорить о взаимовлиянии церковнославянского и русского языков. Церковнославянский язык как язык книжный подвергался влиянию русского языка (т.е. живого разговорного языка). В интересах сознательного отстранения от разговорного языка после второго южнославянского влияния заимствования из русского языка не допускались. Это явление могло бы свидетельствовать о том, что изменилось отношение между обоими языками: возникали предпосылки для перехода от диглоссии к билингвизму.

Церковнославянский и русский языки, пока они находились в условиях диглоссии, они более или менее усматривались как два варианта одного языка.

Второе южнославянское влияние наступило во время, когда внутренние отношения Московской Руси были такими, что Россия была в состоянии его принять в вышеуказанной форме. В общем можно сказать, что это был период, который запечатлел в церковнославянском языке русской редакции характерную черту и явился одной из последних вершин своего расцвета на русской почве.

Второе южнославянское влияние создало предпосылки для разложения церковнославяно-русской диглоссии и вызвало переход к церковнославяно-русскому билингвизму. Это произошло сначала в области т.н. Юго-Западной Руси (приблизительно на территории современной Украины и Белоруссии). В Московской Руси сохранилась пока диглоссия. Там, наоборот, можно наблюдать в XVI в. тенденции к культурной изолированности (ср. Brandner 1999). Если обратить внимание на общее политическое состояние в тогдашней юго-восточной Европе и на внутреннее положение России, можно понять, почему Москва поддерживала развитие образованности литературной элиты, которой не была чужда ни культурная, ни философская проблематика, свойственная тогда всему восточному христианству.

Взятие Царьграда турками в 1453 г. означало падение Византийской империи. Возникла идея Москвы «как третьего Рима». В Византии победил ислам над православием, в России, наоборот, после победы над татарами победило православие над исламом. Христианство на Востоке, таким образом, потеряло естественный, веками действующий центр. В падении Царьграда русские усматривали божье наказание, отказались от подчинения царьградскому патриарху и образовали самостоятельную автокефальную церковь. В интересах Москвы было стать новым центром, действовать в глазах восточных христиан как наследник античной образованности в исторической последовательности Рим – Царьград – Москва. Московская Русь, таким образом, стала центром православного мира, Москву начали понимать как новый Царьград или же третий Рим. Так как соблюдалась традиция, что в православном мире правил единый император, после падения Царьграда им стал московский князь, которого впоследствии стали называть царем. Процесс церковной самостоятельности был завершен в 1589 г. учреждением патриаршества в Москве. Московская Русь приобрела ту же самую политическую структуру, какая существовала в Византии. Византия как бы передвинулась за пределы Московской Руси. Возникшая ситуация подчеркивала ее религиозную и политическую самостоятельность, но одновременно приводила к культурному изоляционизму.

Начиная с XVI в. в Московской Руси церковнославянский язык вернулся к своему прежнему состоянию; русский извод здесь считался древним

и более правильным. Исконно единая норма церковнославянского языка русской редакции распалась на два варианта – церковнославянский язык Московской Руси и церковнославянский язык Юго-Западной Руси.

После второго южнославянского влияния в Московской Руси существовала диглоссия, между тем как в Юго-Западной Руси появился церковнославяно-русский билингвизм. Это означает, что в Московской Руси был только один книжный язык (т.е. церковнославянский язык русского извода), в Юго-Западной Руси существовали два книжных языка: рядом с церковнославянским языком юго-западного варианта это был т.н. простой язык или же «проста (руска) мова», который не соблюдал последовательно стилистические и грамматические нормы. Он возник на основании живого, разговорного языка и занимал промежуточное звено между высоким книжным стилем и разговорным языком. В его основу лег канцелярский язык, который, однако, постепенно терял свою функцию. Возникшая ситуация считается решительной причиной, приведшей к нарушению диглоссии (ср. Успенский 1994: 54–60). Т.н. «проста мова» не имела никакой связи с современным украинским и белорусским языками. В XVIII–XIX вв. она засвидетельствована в униатских монастырях. Церковнославяно-русский билингвизм в Юго-Западной Руси подражал латинско-польскому билингвизму в Польше. Церковнославянский язык в Юго-Западной Руси, подобно как и латынь на польской территории, стал языком ученого сословия. Будучи языком образованных людей, им можно было пользоваться также в качестве средства коммуникации.

Существование т.н. «простой мовы» подтверждает ситуацию билингвизма. «Проста мова» занимала не только равное положение с церковнославянским языком, она его одновременно оттесняла из области литературы, не раз она проникла также в богослужение. Церковнославянский язык был вытеснен из его до сих пор существовавшей сферы, в силу того в течение XVI–XVII вв. приходили в упадок его знания. Значит, билингвизм приводил к ограниченной сфере его употребления.

«Проста мова» не имела почти никакого воздействия на формирование современного украинского или белорусского языка. Однако она оказала существенное влияние на развитие русского литературного языка. Эта тенденция находится в связи с третьим южнославянским влиянием, т.е. с влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на книжную традицию Московской Руси в XVII в. Это только термин в известной мере условный, поскольку понятие «южнославянское влияние» обозначает южных славян в географическом понимании этого слова, а не в этническом. Если первое и второе южнославянское влияние означало влияние со стороны балканских славян, в данном случае дело касалось влияния из области Юго-Западной Руси. Во всех трех случаях должна была осуществиться одинаковая мысль: соз-

дать единый литературный язык православных славян с ориентацией на греческую культуру. В данном контексте можно говорить о новой волне эллинизации русской письменности.

Третье южнославянское влияние проявилось прежде всего в книжных реформах патриарха Никона. Они произошли в середине XVII в. и опять были связаны с правкой книг. Никоновские реформы сблизили церковнославянский язык русской (т.е. московской) редакции с редакцией Юго-Западной Руси (т.е. киевской) и общество разделили на старообрядцев и новообрядцев. Начало раскола относится к 1653 г. Первая книга, которая была издана в согласии с этими реформами, была *Псалтырь*, выпущенная в указанном году. После того следовала правка всех основных богослужебных книг. У старообрядцев сохранилась старая традиция церковнославянского языка русской (московской) редакции. Книжная традиция Московской Руси влияла, однако, на юго-западную (киевскую). Сформировалась единая норма церковнославянского языка и, таким образом, исчезла специфическая редакция Юго-Западной Руси. Этому содействовал факт, что в 1686 г. киевская митрополия (учреждение киевского митрополита) перешла под юрисдикцию московского патриарха (до того времени киевский митрополит принадлежал к константинопольскому патриарху). После создания единой русской редакции церковнославянского языка сохранились старые языковые традиции в церковных общинах, которые указанные изменения не приняли: церковнославянская традиция Московской Руси сохранилась у старообрядцев, традиция Юго-Западной Руси (киевская) – у униатов.

Если второе южнославянское влияние прошло в знак эллинизации и архаизации, то после третьего южнославянского влияния эти стремления разделились: сторонники никоновских реформ – новообрядцы – были защитниками эллинизации, между тем как старообрядцы выступали как приверженцы архаизации языка. Для третьего южнославянского влияния была характерна массовая иммиграция носителей книжной культуры из Юго-Западной Руси в Москву. Это явление находилось в тесной связи с присоединением Украины к Московскому государству в 1654 г.

В течение третьего южнославянского влияния языковая ситуация Юго-Западной Руси перенеслась в Московскую Русь. Это означает, что в течение XVII в. (когда проводились реформы патриарха Никона) там перестала существовать диглоссия. Появился также новый вариант письменного языка, основа которого лежала в разговорной речи. Как было выше сказано, формальные особенности церковнославянского языка Юго-Западной (киевской) редакции были перенесены в церковнославянский язык Московской Руси. Таким образом, возник единый вариант церковнославянского языка русской редакции.

Разложение диглоссии проходило в Московской Руси по-другому, чем на юго-западе. В Юго-Западной Руси этот процесс начался с того, что появилась «проста мова», которая конкурировала с церковнославянским языком и вытеснила его из его бывших функций; в Московской Руси начал проявляться билингвизм таким образом, что функции церковнославянского языка, наоборот, распространились: в дальнейшем он действовал как язык культуры, так и язык образованных людей (подобно как в Юго-Западной Руси), мог функционировать также как средство коммуникации. С конца XVII в. на русской территории начинают появляться произведения, написанные на «простом» языке. В XVIII в. такие произведения уже не представляли собой единичного явления (ср. Brandner 1992).

Характерной чертой церковнославяно-русского билингвизма являлась возможность перевода сакрального текста на другой общепонятный язык. Второй чертой разложения диглоссии оказалось появление пародий, написанных на церковнославянском языке. Билингвизм, в отличие от диглоссии, был нестабильной ситуацией. Оба языка конкурировали друг с другом, их функции не были разделены: русский язык, оттеснив церковнославянский язык на периферию языкового сознания, овладел правом на функцию литературного языка. Церковнославянский язык начали понимать как тормоз литературного и культурного развития; но все-таки, имея в виду его многовековую традицию и неоспоримые заслуги, он долго занимал видное место. М.В. Ломоносов считал его главным признаком высокого стиля (в его теории трех стилей, в согласии с которой разным жанрам должно было соответствовать их языковое и стилистическое оформление). Еще А.Н. Радищев в своем *Путешествии из Петербурга в Москву* употреблял сознательно церковнославянский язык в тех частях, в которых он хотел подчеркнуть важность проблемы, торжественность, общечеловеческий характер философской проблематики, которой данное произведение касается. Лингвистами указывается, что данное произведение является последним в русской светской литературе, которое написано на церковнославянском языке. Церковнославянскому языку была, наконец, оставлена функция литургического языка (ср. Plähn 1978: 16–27). Следствием развития данной ситуации было формирование русского литературного языка нового типа, языка, ориентированного на язык разговорный, однако до известной степени созданного также на церковнославянской основе: церковнославянский язык преобразовался по тем признакам, которые противопоставляли книжный и некнижный язык в языковом сознании того времени (ср. Успенский 1988: 394).

В XVIII в. изменилась языковая ситуация: укрепился русский литературный язык нового типа, который, с одной стороны, находился в противопоставлении с церковнославянским языком, с другой стороны, он принял

на себя его функции. Окончательно период билингвизма закончился только в первой половине XIX в., когда по заслуге А.С. Пушкина был новорусский литературный язык кодифицирован.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, В.В. 1958, *Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского языка*. Москва: АН СССР.
- Ларин, Б.А. 1975, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII века)*. Москва: Высшая школа.
- Мещерский, Н.А. 1981, *История русского литературного языка*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Улуханов, И.С. 1972, *О языке Древней Руси*. Москва: Наука.
- Успенский, Б.А. 1988, *История русского литературного языка (X–XVII вв.)*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Успенский, Б.А. 1994, *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва: Гнозис.
- Bartoszewicz, A. 1979, *История русского литературного языка*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Brandner, A. 1992, *Tři jihoslovanské vlivy v historickém vývoji spisovné ruštiny*. *Opera Slavica* 2, № 2, 15–18.
- Brandner, A. 1999, *Odras II. jihoslovanského vlivu v kulturněhistorickém vývoji Moskevské Rusi*. In: *Příspěvky ke slovanské filologii*. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, 26–29.
- Mrázek, R. – Popova, G. V. 1982, *Historický vývoj ruštiny*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- Plähn, J. 1978, *Der Gebrauch des modernen russischen Kirchenslavisch in der russischen Kirche. Mit zahlreichen Notenbeispielen und kirchenslavischen Texten*. Hamburg: Helmut Busche Verlag.
- Trösterová, Z. 1994, *Církevní slovanština jako spisovný jazyk areálu Slavica Orthodoxa – centra církevněslovanské kultury v průběhu staletí*. Ústí nad Labem: Univerzita J. Ev. Purkyně.

„КУКУВИЧИТЕ“ ДУМИ ПРИ ЕЗИКОВ КОНТАКТ¹

Ина Вишоградска

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ФКНФ
Катедра класическа и унгарска филология, inabanv@yahoo.com)

Геополитическите и икономически промени, както и масовият билингвизъм в съвременното общество, водят до интензивен обмен на лексика (а и други езикови елементи) между езиците, което обуславя нарасналият през последното десетилетие интерес в областта на адаптиране на заемки. На какво ниво се извършва този обмен и кои са механизмите, които го регулират, са все фактори, които трудно могат да бъдат универсално зададени. Основна характеристика на адаптирането на заемки е именно езикоспецифичната характеристика. Това е изключително широкоразпространен процес, който обаче подлежи на пълна трансформация по отношение на различните граматични и лексикални особености на отделните езици. Типологичните разлики в езиците определят какви са техните „възможности“ и „желание“ да инкорпорират нови елементи.

Настоящата работа обръща внимание върху една специфична проява на вплитане на думи и изрази в езиковохомогенен текст, които остават встрани от ситото на превода, не попадат в „мелачката“ на адаптиране като заемки.

1. Езиков контакт

Адаптирането на заемки, т.е. „поправянето“ на лексикални единици, както е известно, е пряко свързано с връзките, въздействието, и изобщо, контакта между езиците. Езиковият контакт² е типично явление, което съпътства развитието на човека и характеризира взаимодействието между различни езици. Смело може да се твърди, че далеч не е съвременно явление, напротив, образно казано, датира още от появата на Вавилонската кула. Едновременно с това трябва да отчетем и нарасналият интензитет на контакт между езиците, резултат от техническото и икономическото развитие, споменати и

¹ За настоящата публикация допринася изследване, проведено със спонсорството на *Hungarian Scholarship Board*, в Сегедския университет, Унгария.

² Фонология на езиковия контакт: изследване на системни стратегии и механизми на адаптиране при чуждоезиковото обучение и усвояване и при адаптирането на заемки, които не са мотивирани нито от родния, нито от езика-цел. Този тип механизми включват избор на различни стратегии на адаптиране (т.е. поправяне), като например редуликирането на епентетична гласна в даден контекст и/или избор на минимално дефинирана епентетична гласна в други (Crystal 1997).

по-горе. Езиковият контакт включва различни форми на влияние на един език върху друг. Това, както е известно, могат да бъдат:

1) **заемане на лексикални елементи** (най-широко познатия аспект);
 2) **заемане на определени езикови характеристики**, напр. морфологични: влиянието на руски език върху мордвинските говори при образуване на глаголни форми и др.;

3) т.н. **подмяна на език** – когато един език се измества от активна употреба и друг заема неговото място: за пример отново може да споменем угрофински езици, които са застрашени от изчезване поради масовото използване на руски език от носителите на самите езици;

4) **влияние на субстрат** (най-често се среща в ситуации като предходната) – носителите на изместения език (превърнал се в субстратум) запазват негови характеристики и при използването на „новия“ език, като ги интегрират и предават в следващите генерации: напр. латинският, който става основен език за територията на днешна Франция (още по време на Римската империя), носи белезите на галски и германски говори;

5) **създаване на нови езици**: креолизация и смесени езици. Пример за креолизация може да търсим в случаите, когато носителите на дадените езици използват за общуването си трети, чужд и за двете страни език: бившите английски, холандски и др. колонии. Създаването на нов език е сравнително по-рядко явление, несъмнено много интересно.

Различните аспекти при езиков контакт включват и особения случай на запазване дадените лексикални единици – не се наблюдава нито превод, нито асимилиране и превръщане в заемки. „Гостуването“ на тези лексикални единици се характеризира с непостоянство – тяхната поява е несистемна и е възможно дадена дума да „гастролира“ еднократно. Например:

- (1) *Адни ме към контактите си и аз ще ти се обадя!*
 (реплика в телевизионно предаване на живо по телевизия ММ, януари 2007)

В изречението от (1) английският глагол *ad* ‘добавям/добавя’ е попаднал в морфосинтактичната парагидма, заемайки мястото на българската словоформа *добави*. Много вероятно появата на английската дума е генерирана от обстоятелства, за които е съмнително да се предположи, че ще доведат до по-честото ѝ използване (дори от индивида, който я е употребил).

Едновременно с това, в други случаи е възможно дадената лексикална единица да затвърди присъствието си в езика (в резултат на по-специфични обстоятелства при появата ѝ). Например:

- (2) *Като ми чуе гласа в слушалката, веднага натискате мутето.*
(Милен Цветков, телевизионен водещ на предаването „Часът на Милен Цветков“ по Нова телевизия, 2006/2007)

Горепосочената реплика е често повтаряна като инструкции към зрителите на предаването. Думата *мутето* е всъщност английска дума (от *mute* ‘беззвучен’), „облечена“ в ново, побългарено признание и получила определителен член, както повеляват българските граматични връзки. Приканвайки да се *натисне мутето*, телевизионният водещ има предвид да се натисне бутончето за беззвучен режим на телевизорите, до което обикновено стои обозначителният надпис (на английски) *mute*, оттам и *муте(то)*.

Посочените примери са част от многобройните подобни случаи. Такъв тип вплитане се среща не само в устната реч, но и в писмена реч, например: *фронтпейджа* (< англ. *front page*), както и редица други, още по-странни “български” думи, срещащи се в популярни списания тип *лайфстайл* (< англ. *lifestyle*).

Още по-интензивно нахлуване от този тип в лексиката на даден език се наблюдава в случаите, когато носителите на даден език са поставени в обкръжението на друг език. Например, българският език на постоянно пребиваващи във Великобритания българи; турският език на живеещи в Германия носители на езика; унгарският на живеещи в САЩ, Канада или Австралия унгарци и т.н. Изключително интересно е да се проследи интерференцията, която настъпва вследствие от езиковия контакт именно при тези обстоятелства поради богатството на езиковия материал.

В настоящия случай ние спираме вниманието си върху някои примери в речта на носители на унгарски език, намиращи се в англоезична среда, които да разкрият интересни аспекти при „гастролирането“ на непреведените лексикални единици. Известно е, че първи проникват именно лексикалните елементи, които поради различни социолингвистични обстоятелства, не минават през превод и остават на английски език. Сред най-разнообразните дефиниции на *заемка*, нека обърнем внимание върху подгрупата, която засяга настоящото изследване, а именно: т.н. лексикални заежки, които включват имитиране на аспекти от езика-донор, т.е. *renk-ol* ‘подреждам в определена йерархия’ (англ. *to rank* ‘класифицирам’), термин в езикознанието, пример от съвременния унгарски език.

2. Интегриране на „кукувичи“ думи и изрази

Интересно е да се проследи каква е картината по отношение на морфосинтактичната парадигма на, нека ги наречем, „кукувичите яйца“ – напълно чужди елементи – в потока от речта на унгарски (включване на английски думи). Тук става въпрос не за заежки, а за „кукувичи“ думи в хомо-

генния лексикален състав на унгарския език. Такива са и английските думи и изрази, които намираме в изцяло запазен вид в писмена унгарска реч (за източниците на примерите вж. Forintos 2002).

В този случай чуждите елементи имат следните характеристики: цялата или поне основна част от морфемния състав на елемента принадлежи на езика източник (в дадения случай английски). Не се наблюдава морфологично заместване (превод), но може да се появи фонологично адаптиране. Такъв тип инкорпориране се наблюдава най-често в речта на носители на езика, които са част от общество, в което активният (общественият) език е различен от родния (или иначе казано, първи, майчин език). По същество този тип „кукувичи“ думи са хибриди, комбиниращи езиков материал от английски и унгарски.

3. Морфосинтактично адаптиране

Морфосинтактичното адаптиране на непреведените лексеми е системно, като в рамките на унгарското изречение те получават адекватно граматическо формообразуване. Например (по Forintos 2002):

- (3) деривационни хибриди („вносна“ английска основа + унгарски релационна флексия):

<i>granny flat-et</i>	‘апартамент на баба – акузатив’
<i>director of nursing-et</i>	‘директор на ясла – акузатив’
<i>money order-t</i>	‘парично нареждане – акузатив’
<i>money order-rel</i>	‘парично нареждане – с’
<i>website-unk-at</i>	‘уебсайт – наш – акузатив’
<i>credit card-dal</i>	‘кредитна карта – с’
<i>beach-ek-re</i>	‘плаж – мн. ч. – към’
<i>church-ben</i>	‘църква – в’

- (4) композитни хибриди (английски и унгарски корен):

<i>special ár-aink</i>	‘(англ.) специални (унг.) цени-наши’
<i>csirkeragou</i>	‘(унг.) пилешко (англ.) рагу’
<i>regisztrált agent</i>	‘(унг.) регистриран (англ.) агент’

Примери за подобно инкорпориране на лексикални единици, без да са усвоени като заемки, намираме и в много други езици. В българския език, както видяхме и по-горе, също се наблюдават подобни процеси. Така например в изречението:

- (5) *Къде са ти мъните?*
английската дума *money* (> *мъни*) ‘пари’ е инкорпорирана морфосинтактично и е получила определителен член.

Безспорно, примерите, изложени тук, са крайни случаи, при които се наблюдава морфосинтактично вплитане в езика. Ако се вгледаме внимателно във фонологичния аспект при инкорпорирането на думите в изразите от (3) и (4), ще забележим следното: данните показват висока степен на систематичност при прилагането на вокалната хармония по предност/задност, независимо от смесения вокален ред, който е характерен за думите-източници. Още повече е изненадващ фактът, че няма регистрирани случаи на **колебливи** корени (вж. Nádasdy–Siptár 2001), които да позволяват двойствени форми като класическия пример *Ágnes* ‘Агнеш’ *Ágnesnak/Ágnesnek* ‘Агнеш-дат’. Следователно, изцяло чуждите думи „нямат достъп“ до т.н. нарушения на вокалната хармония, а следват стриктно и безизключително ясно очертаните параметри.³

От изнесените данни е видно, че при вмъкването на т.н. „кукувичи“ думи в речта се наблюдава систематичност, която понякога трудно може да се отчете при родноезиковите елементи (конкретно по отношение на вокалната хармония в унгарски). Те автоматично получават необходимите граматични маркери, които ги вписват в морфосинтактичната парадигма на езика. Този специфичен аспект при езиковия контакт разкрива интересен материал, чието по-сериозно изследване – с помощта на обширен езиков материал – може да допринесе за начертаването на цялостната лексикална картина на такъв тип езиково взаимодействие. Също така, едно такова изследване би дало допълнителна информация за активни тенденции и сила на приложение на дадени правила в приемащите езици.

³ Паралел за подобна тенденция намираме и при адаптирането на славянски заемки, а именно: в немалко случаи се наблюдава хомогенизиране на смесен изходен вокален ред в рамките на корена на думите, например: слав. *večera* > унг. *vac-sora*, слав. *rešeto* > унг. *rosta*, бълг. *máštecha* > унг. *mostoha*, слав. *obědъ* > унг. *ebéd*, слав. *oplěňъ* > унг. (диал.) *eplény*, слав. *pečať* > унг. *pecsét* (примерите са от Kniezsa 1974).

Този стремеж на усвоените думи да са изцяло „унгаризирани“ не е напълно безизключителен, но е ясно открояваща се характеристика (по данни от Kniezsa 1974).

ЛИТЕРАТУРА

- Crystal, D. 1997, *A dictionary of linguistics and phonetics*. London: Blackwell, 4th ed., updated and enlarged.
- Forintos, E. 2002, Morphophonological aspects of Australian–Hungarian language contact phenomena: A corpus-driven contactlinguistic study. <http://www.skase.sk/Volumes/JTL02/02.pdf>
- Kniezsa, I. 1974, *A magyar nyelv szláv jövevényszavai I–II*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Nádasdy, Á. – Siptár, P. 2001, A magánhangzók. In: Kiefer, F. (szerk.), *Strukturális magyar nyelvtan II: Fonológia*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 42–181.

ЕЗИКОВА СИТУАЦИЯ И ЕЗИКОВИ ПРОБЛЕМИ ПО ВРЕМЕ НА ПЪРВАТА ЧЕШКО-СЛОВАШКА РЕПУБЛИКА (1918–1939)

Маринела Параскова Вълчанова

(Югозападен университет „Неофит Рилски“, ФФ, Катедра български език
marinela_pv@abv.bg)

На темата, свързана с настоящия доклад, в чешката и в словашката специализирана литература е посветен значителен брой изследвания. Създадени през различни периоди, те често пъти противоречиво¹ отразяват чешката и словашката гледна точка по един от най-чувствителните в продължение на десетилетия въпроси във взаимните им отношения – езиковия. За българската лингвистика тази тема остава сравнително непозната или по-скоро – некомментирана.²

Тук си поставяме за цел да представим отделни страни от тази изключително интересна проблематика, която е само част от многоаспектната мозайка на отношенията между чехи и словаци през последните две столетия, като конкретната ни задача е да проследим част от дебатите по поставените проблеми по страниците на периодични издания³ в периода между 1918–1939 г., с акцент преди всичко върху езиковата проблематика.

Езиковата политика и езиковите проблеми в първата Чешко-словашка република трудно могат да бъдат разбрани извън социалнополитическия и културноисторическия контекст на първите десетилетия на XX век, както и без познаване на историята на кодифициране и утвърждаване на двата книжовни езика, легитимирани в първата чешко-словашка конституция като общ чехословашки език (с два варианта – чешки и словашки). Затова, преди да пристъпим към конкретната си цел – да проследим част от дебатите, свързани с езиковата ситуация в Чехословакия на страниците на периодични издания⁴ между 1918–1939 г., накратко ще очертаем най-общите културно-исторически рамки на периода, обект на интереса ни.

Краят на Първата световна война бележи появата на картата на Европа на няколко нови държави, една от които е Чешко-словашката република.

¹ Преди всичко в публикациите, издадени преди 1945 г.

² Към този момент не открих публикации от български автор върху разглеждания проблем.

³ Сп. *Průdy, Naše řeč, Slovensko, Slovenská řeč, Sborník spolku profesorů slováků* и др.

⁴ Сп. *Průdy, Naše řeč, Slovensko, Slovenská řeč, Sborník spolku profesorů slováků* и др.

С нея се реализира мечтата на поколения чешки възрожденци и интелектуалци за възстановяване на чешката държавност в историческите и граници (Чехия, Моравия и Силезия, влизащи през средновековието в рамките на Чешкото кралство), нещо повече – тези граници са разширени със земите, наричани *Horné Uhry*, населени със словаци, и Подкарпатска Рус, където живеят основно русини и украинци. За словаците, чиято борба дотогава е насочена към извоюване на автономия и съхранение на националната идентичност, това е шанс за постигане на национална независимост и легитимност в международен план. Новата Централноевропейска държава от политико-прагматична гледна точка носи решение на още два проблема – проблема с немската хегемония в Централна Европа и проблема с немското малцинство в Судетите. Намирането на това решение е в пряка връзка с една от най-дискутираните и контраверзни доктрини от началото на XX век – доктрината за унитарната държава на „чехословашкия“ народ, в която се говори „чехословашки“ език. Необходимостта да се убедят Великите сили, че съществува държавотворно мнозинство (*státotvorná většina*) за изграждане на национална държава върху територии, в които живеят около 6 800 000 чехи, 3 300 000 немци и 2 200 000 словаци,⁵ извиква необходимостта от създаването и аргументирането на политическата доктрина позната като „чехословакизъм“. Тя⁶ възниква извън границите на новата република, с активната подкрепа и участие както на чешките, така и на словашките представители на задграничното емиграционно бюро,⁷ начело с Т.Г. Масарик, бъдещият президент на Чешко-словашката република, Е. Бенеш – бъдещият външен министър в новото правителство и словака М. Шефаник, и е легитимирана в първата чешко-словашка конституция от 29 февруари 1920 г.

Едва ли архитектите и строителите на новата държава в сгъстените срокове на нейното утвърждаване във вътрешнополитически и в международен план са могли да предвидят всички проблеми, пред които тя неминуемо

⁵ Има незначително разминаване в данните, посочвани от различни източници.

⁶ На проблемите, свързани със създаването на първата Чешко-словашка република и на политическата доктрина на чехословакизма, има посветена огромно количество литература, която трудно може да бъде представена тук. Сред по-важните публикации, дискутиращи тази тема, могат да бъдат посочени следните: Galandauer 1988, 1998; Dějiny 1992; Opat-Tichý 1993; Šolc 1993; Rychlík 1993b, 1997, 1998; John 1994; Klimek-Kubů 1995; Kalvoda 1998; Bakke 1999 и др.

⁷ Ян Галандауер отбелязва: „Искането за чешко-словашко обединение в началото на войната се появява сред чешките и словашките емигранти и става програмно искане на политическата емиграция. За чешката домашна официална политика, т.е. за депутатите и ръководствата на политическите партии, чак до пролетта на 1917 Словакия и словаците не съществуват“ (вж. Galandauer 1998: 45).

предстои да се изправи. Те са коментирани от повечето изследователи на тази тема, като акцентите, в зависимост от характера на проучването, се поставят върху икономически, социални, културноисторически, политически и народопсихологически различия между чехи и словаци, резултат от факта, че двата народа живеят разделени повече от 10 века, имат различна историческа съдба и различен исторически опит към момента на създаването на новата държава. Ако с една дума може да се представи основният източник на съществуващото напрежение между чехи и словаци не само през първите десетилетия след създаването на общата държава, това е думата асиметрия. Тя е както количествена (чехите са над 6 милиона жители, или близо 3 пъти повече от идентифициралите се като словаци 2 милиона и 200 000 души), така и свързана с различните условия, при които живеят и се развиват двата народа в Австроунгарската империя. Тази асиметрия, която особено ясно се очертава на икономическо и държавнополитическо равнище, неминуемо рефлектира и върху езиковите процеси в новата република. Словашката интелигенция, посрещнала с големи надежди създаването на общата република, се оказва в комплицирана езикова ситуация и изправена пред реалната възможност словашкият книжовен език с не дотам стабилната си норма постепенно да бъде изместен от чешкия и маргинализиран.

За това са налице достатъчно както обективни, така и субективни причини. За разлика от чешкия език, който практически още след революцията от 1848 г. си извоюва правото да бъде използван като административен език⁸ наравно с немския, както и да бъде изучаван като майчин език в чешките училища и гимназии (вж. Hlavačka 2005: 804–805), словашкият до този момент е използван главно като език на литературата и публицистиката, изучаването му в училищата е ограничено до минимум (Matula 1998: 47–48) и борбата за стабилизирането на нормативната му система не е приключила. Основната част от учителите в началните и средните училища в Словакия, както и в държавната администрация, са унгарци или получили образованието си в Будапеща. Много от тях не владеят словашки или го ползват на битово равнище, и след създаване на новата държава са освободени от заеманите длъжности.⁹ Липсата на достатъчно подготвени словашки специалисти –

⁸ Което е предпоставка и за терминологичното му обогатяване и стилистична диференциация.

⁹ Р. Сетън-Уотсън сочи, че за периода 1909–1910 г. от 40 350 учителски места на територията на стара Унгария (част от която е Словакия) само 664 са заемани от учители, които сочат словашки за свой майчин език, а в навечерието на войната в средните училища работят 23 словашки срещу 3518 унгарски дипломирани учители (срв. Seton-Watson 1924: 56–57).

учители¹⁰ и администратори, които да заемат освободените места, налага този вакуум да бъде преодолян с насочването на чешки специалисти към Словакия и назначаването им на свободните места. Тази чешка „инвазия“ като че ли е най-бързото и лесно решение на проблема към момента, но тя допринася за засилване на зараждащото се скрито напрежение между двата близки народа.¹¹ Предпоставки за такова напрежение от езикова гледна точка са заложени в приетия езиков закон 122 от 29.02.1922 г., Sb.z.a n., където в параграф 1 се използва терминът *чехословашки език*, като се посочва, че: „Чехословашкият език е държавен административен език на републиката“. Ян Рихлик (Rychlík 1997: 81) отбелязва, че с формулировката *чехословашки език* законодателят не е имал планове да решава филологическия въпрос дали чешки и словашки са или не са един и същи език, а използва термина като юридическа фикция за език, символ на държавното върховенство. Авторът добавя: „такъв език, разбира се, не е съществувал, затова под него в практиката е трябвало да се разбира използването на чешки или словашки“ (Rychlík 1997: 81). Близостта между двата езика, позволяваща сравнително безпроблемно носителите им да се разбират без посредник, е предпоставка за възникналата уникална езикова ситуация в образователната система на Словакия,¹² нямаща аналог в друга страна. От новоназначените чешки учители, по силата на езиковия закон, не се изисква да владеят словашки, за да преподават в словашките училища. И ако по общообразователните предмети този проблем не е така значим, то за часовете по чехословашки език,¹³ ситуацията е повече от комплицирана. Показателен е и фактът, че предметът *чехословашки език* се изучава единствено на територията на Словакия, докато в програмите за чешките училища фигурира чешки език (вж. Šmejkalová 2005; Matula 1998). Липсата на достатъчно учители, специалисти по словашки, и заемането на тези места от чешки преподаватели,¹⁴ на практика означава, че

¹⁰ На практика до 1918 г. на територията на Словакия не съществува институция, която да подготвя учители по словашки език.

¹¹ Тук няма да коментираме политическите предпоставки за това напрежение, свързани най-вече с разминаванията на представите на чехи и словаци за устройството на новата държава, която чехите виждат по-скоро като унитарна, докато за словаците по-приемлив е федеративният принцип на управление, както и с различията в историческото развитие на двата народа. (За това по-подробно вж. Rychlík 1993a.)

¹² Която Рихлик определя като „езиков дуализъм“ (вж. Rychlík 1997: 82).

¹³ Съгласно новите учебни планове за словашките училища.

¹⁴ От данните, които посочва Джонсън (Johnson 1985: 274–275) в книгата си, се вижда, че през учебната 1918–1919 г. от общо 216 учители в средните училища в Словакия, 151 са чехи, а 63 словаци. За 1919–1920 съотношението е 312 чешки към

по програмата за т.н. чехословашки език в много от случаите се преподава чешки. Не по-малко дискуссионен и предизвикващ тревога сред тогавашната словашка интелигенция, е и въпросът за съдържанието на учебниците, по които се преподава в училищата. Една дописка в *Sborník spolku profesorov slovákov* от 1922 г. синтезира тази тревога в реторичния въпрос на заглавието си *Sú naše školy slovenské?*

Уточнението на Рихлик, че терминът *чехословашки език* е използван от законодателя като юридическа „фикция“ до голяма степен отразява спокойното и донякъде безразлично отношение на чешкото общество от този период към него. М. Шмейкалова отбелязва, че в чешката лингвистична общност и в общността на гимназиалните преподаватели няма никой, който публично след 1918 г. да реагира срещу термина *чехословашки език*, а в началната фаза и никой, който би се противопоставил срещу въвеждането му в чешкото и словашкото средно училище. От словашка страна гласове срещу т.н. единен чехословашки език се надигат веднага след приемането на езиковия закон (Šmejkalová 2005: 34). В брой 1 от 1922 г. на *Sborník spolku profesorov slovákov* е публикувана кратката дописка *Jazyk slovenský či československý?*, която синтезира част от несъгласията на словашкото общество. Авторът пише: „разгледах всички годишни отчети от 1921–22 г. и установих, че администрацията не познава единен чехословашки народ, не познава единен чехословашки език, а два народа – чешки народ и чехословашки народ, а също и два езика – чешки и чехословашки. [...] Да се използва названието чехословашки вместо словашки е противоконституционно, безсмислено и обидно“ (стр. 73). В бр. 2 на същия вестник (стр. 84–85) е публикувана резолюцията до Министерството на образованието, приета на общо събрание на Съюза на словашките учители от 08.08.1922 г., съдържаща 11 основни искания. По-важни от тях са следните:

1) В словашките училища да не се използва терминът *чехословашки* или *чехословашки език*.

2) Тъй като всяко училище в Чехия се нарича чешко, настояваме словашките училища в Словакия да имат название словашки.

3) В долните класове на словашките средни училища да не се учи чешки, защото в тези класове учениците не са усвоили още добре словашки и преждевременното въвеждане на чешки предизвиква объркване и нежелание.

4) Часовете по словашки език и словашка литература да се водят от словаци и само от тези чешки специалисти, които са положили изпит по словашки език.

5) Учителите от Чехия, Моравия и Силезия да полагат изпит по словашки език, тъй като учениците не ги разбират и това води до понижаване на успеха им.

6) В училищата и в учрежденията в Словакия да бъдат назначавани словаци.

В края на резолюцията, авторите добавят, че с тези искания целят да затворят някои от опасните „извори, от които текат кални води, заплашващи нашата искрена взаимност и подготвят почвата за семето на неразбирателство“ (стр. 85).

Че тези семена на неразбирателство и недоверие са вече засети, сочи и друга публикация от бр. 3 на същия вестник. Под заглавието *Zbytečná podráždenost*, авторът, подписан J., заявява: „въпреки това често виждаме, че и най-доброто намерение на професора Словак се среща с неразбиране и с подозрение от страна на колегата с чешка народност“. Като отбелязва, че всеки чех смело може да посочи чешка, а не чехословашка народност, авторът заключава: „Докато «словашкият клон от чехословашкият народ» няма твърдо словашко самосъзнание, докато всеки словак не е горд, че е словак, докато условията на живот и на този «словашки клон» не бъдат осигурени, тук, у дома, никаква доктрина за «два клона или два народа» с нищо няма да допринесе за разцвета на общата ни държава – точно обратното – само ще забива по-дълбоко клина, забит преди хиляди години в нашето тяло, и ще отдалечава всеки родолюбив словак от желаното укрепване на младата ни държава“ (стр. 115).

В чешката специализирана преса от този период се срещат публикации, коментиращи преди всичко лингвистичната страна на проблема с изписването на определението *чехословашки* или *чешко-словашки*, както и с езикови проблеми, отнасящи се до представянето на словашки текстове в чешките читанки за средното училище. Под рубриката *Drobnosti v Naše řeč* от 1919 г. (№ 3, стр. 118, 128, 190) и 1920 г. (№ 1, стр. 41; № 4, стр. 120–121) се срещат няколко такива публикации. Така например в статията *Jazyk česko-slovensky* анонимният автор коментира изписването на сложните прилагателни в чешки и прави заключението, че съгласно правописните правила, би трябвало да се изписва с разделителна черта съчетанието *česko-slovenský*, но установеният навик при изписването на субстантива *Čechoslovak* и традицията на старата литература няма да позволят да се промени начина на изписване. Тези публикации обаче се плъзгат само по повърхността на един проблем, болезнено чувствителен за словаците, който забива по-дълбоко клина на взаимното недоверие и раздалечаване – проблема за словашкия език и свързаната с това словашка идентичност. Той има своите корени много преди създаване на общата република и началото му може да се търси в далечната 1790 г., когато Бернолак прави първата кодификация на словашкия кни-

жовен език в книгата си *Grammatica slavica*. Част от чешкото интелегенция приема този факт с несъгласие, смятайки, че словаците са чехи, а словашкият е негов диалект. Израз на тази позиция са твърденията на Пастърнак, изречени в негова лекция през 1904 г. – „За 6-милионния народ двумилионното племе е от огромно значение. Словаците са чехи, езикът е чешки, т.е. чешки диалект“ (цит. по Šmejkalová 2005: 34).

Двадесет години по-късно, позицията на част от чешките езиковеди и общественици не е много по-различна, без директно да се експлицира тази категоричност на констатациите им. Ф. Травничек, автор на единствената по рода си чехословашка историческа граматика, издадена през 1935 г. (Trávníček 1935) в няколко статии на страниците на сп. *Průdy*, коментирайки отношенията между чешки и словашки език, отбелязва: „Трябва да се върнем към начина, по който преди време Поливка и Пастернак решиха този въпрос и който Пастернак разглежда така задълбочено за своето време, че задачата днес е само да допълним неговия анализ според сегашното състояние на науката“ (Trávníček 1923: 151).

Малко по-долу той добавя: „Вярно е, че диалектната близост между словашки и чешки език трябва да се привежда като довод против книжовния словашки език в полза на идеята, че на нашия народ му е стига един книжовен език и то по-старият, достатъчно добре приспособен вече към културните му потребности, т.е. чешкият“ (Trávníček 1923: 154).

Изключение в това отношение прави статията *Slovenčina a čeština* на проф. Й. Зубати, публикувана в сборника на *Maticá slovenska* от 1922 г. (Zubatý 1922). Представяйки схващането си по темата за отношенията между чешки и словашки език, Зубати отбелязва: „Чехът е склонен да вижда в словашкия език «диалект», като не си дава сметка, че това е понятие чисто релативно. Става въпрос за отношение между чешкия и словашкия език, а то е такова, че ако словашкият е диалект (по отношение на чешкия), диалект е и чешкият по отношение на словашкия“ (Zubatý 1922: 38).

Доста емоционално ангажирано статията на П. Буйнак (Bujnák 1924) до известна степен синтизира част от основните проблеми, довели до възникналото напрежение между чехи и словаци по езиковия проблем. Статията му *Krajnosti v otázke československej*, публикувана в *Průdy* от 1924 г., представява по характера си критична реценция на поредица публикации на О. Вочадло в списание *Nové Čechy*, обединени от заглавието *Jazykový separatismus u Slovanů a jinde*, но коментиращи преди всичко словашкия „сепаратизъм“. В края на критическия си реферат, той заявява: „Би трябвало да се очаква от чехите по-добро разбиране на словашката душа. [...] Словакът, точно поради опасността от пълно унищожение и изчезване, точно поради това, че не е имал нищо, което също много явно му се натяква, се е научил над всичко да обича и защитава своя език. [...] Криенето, притесненото при-

криване и бранене на единственото му съкровище, родния език, е станало за словака чак инстинктивно“ (Bujnák 1924: 220).

Независимо от страстта и емоцията в тези думи, те до голяма степен обясняват същността на езиковия проблем между чехи и словаци. Словашкото национално възраждане, както и възраждането при голяма част от славянските народи, е лингвоцентрично. Езикът е този негов компонент, който в най-голяма степен легитимира правото на неговите носители на своя идентичност, на самостоятелност и самобитност. Визията на чехи и словаци за новосъздадената република все по-чувствително се разминава. Пражският централизъм не отговаря на очакванията на словаците за дуалистично управление или за федеративно устройство на републиката. Налице са реални предпоставки словашкият език да се маргинализира, като му се отреди функцията на регионален език предимно за нуждите на художествената литература и публицистиката, а като език на науката и администрацията да се използва чешкият. Тази идея има доста привърженици, част от които и от словашка страна, които акцентуват върху обстоятелството, че различните функционални стилове на словашкия език и най-вече терминологичният му апарат не са развити в еднаква степен. В своя лекция, произнесена на 20.02.1933 г. пред Словашкия просветен съюз и Литературния отдел на словашката художествена беседа и публикувана в сп. *Bratislava* Травничек (Trávníček 1933) вижда две основни решения на чешко-словашкия езиков проблем. Да се запази словашкият книжовен език успоредно с чешкия, като са налице две възможности: словашкият език да се запази в своята цялост или в ограничени размери. Второто решение също има две възможни развития – да се изостави словашкият език и да се използва само чешкият или чрез сливане на чешки и словашки да се създаде нов единен книжовен език. Той самият изключва като най-малко възможен и приемлив последния вариант за създаване на общ книжовен език, въпреки, че тази теза има привърженици и от двете страни.¹⁵ Авторът аргументира позицията, която защитава с думите „Тук не може да има и най-малките съмнения за това, че за чехите и за словаците би било в културно отношение по-изгодно да имат един книжовен език. [...] Говоря за един книжовен език и вероятно се питате кой от двата имам предвид. Предполагам е ясно, че говоря за чешкия“ (Trávníček 1933: 229–231).

За нарастващото напрежение във взаимните отношения свидетелства много категорично публикацията на Франтишек Пержинка в сп. *Průdy* от 1934 г., който директно заявява: „Словаците отдавна нямат доверие към чехите. [...] Никой в Словакия не се страхуваше от унгарците, че словашкият

¹⁵ Такова предложение публикува в бр. 7 на сп. *Parlament* от 1922 г. А. Фринта, а от словашка страна – А. Фелцан в сп. *Bratislava* от 1933 г.

клон ще се влее в тяхното национално тяло. Но чехите едва дойдоха и очиха всички реминисценции на борбата за книжовен словашки език от времето на Щур и след него“ (Peřinka 1934: 243).

По страниците на периодичните издания от периода между двете световни войни, се съдържа изключително интересен материал, очертаващ една доста комплицирана езикова ситуация и отношения между чехи и словаци. Трудно може да се предположи до колко натрупалото се недоверие и напрежение между двата близки народа повлиява върху факта на отделяне на Словакия като самостоятелна държава¹⁶ в периода между 1939–1944. Но в словашката лингвистика от последното десетилетие все по-ясно се налага мнението, че именно този период, независимо от историко-политическия контекст, е един от най-благоприятните за интензивното развитие и утвърждаване на словашкия език. Словакия влиза във възстановената след Втората световна война втора Чешко-словашка република с различно самочувствие и в по-голяма степен подготвена да бъде равностоен партньор.

ЛИТЕРАТУРА

- Bakke, E. 1999, *Doomed to failure? The Czechoslovak nation project and the Slovak autonomist reaction 1918–38*. Oslo: Akademia.
- Bujnák, P. 1924, Krajnosti v otázke československej. *Průdy* VIII, 217–228.
- Dějiny 1992 – *Dějiny československého státu a práva (1918–1945)*. Brno: Masarykova univerzita.
- Galandauer, J. 1988, *Vznik ČSR 1918*. Praha: Svoboda.
- Galandauer, J. 1998, Čechoslovakismus v proměnách času: Od národotvorné tendence k integrační ideologii. *Historie a vojenství* 47, № 2, 33–52.
- Hlavačka, M. 2005, Užívání jazyka v byrokratizované komunikaci a samospráva v Čechách (1792–1914). *Český časopis historický* 103, № 4, 800–824.
- John, M. 1994, *Čechoslovakismus a ČSR 1914–1938*. Beroun: Baroko & Fox.
- Johnson, O. V. 1985, *Slovakia 1918–1938: Education and the making of a nation*. New York: Columbia University Press.
- Kalvoda, J. 1998, *Genese Československa*. Praha: Panevropa.
- Klímeš, A. – Kubš, E. 1995, *Československá zahraniční politika 1918–1938: Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů*. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku.
- Matula, P. 1998, Československý jazyk na slovenských stredných školách: Českí stredoškolskí profesori na Slovensku a jazyková otázka v období I. ČSR. *Slovanský přehled* LXXXIV, № 1, 47–54.

¹⁶ Обяснявано от повечето чешки и словашки историци от по-ново време като политически акт, в който Словакия не е имала много възможности за реагиране.

- Opat, J. – Tichý, J. (uspoř.) 1993, *Masarykova idea československé státnosti ve světle kritiky dějin: Sborník příspěvků z konference konané ve dnech 24. a 25. září 1992 v aule Obchodní akademie v Hodoníně*. Praha: Ústav T. G. Masaryka.
- Peřínka, Fr. 1934, K d'alšej rozluke? *Prúdy* XVIII, 243–251.
- Rychlík, J. 1993a, Česko-slovenské vztahy a rozpad Československa. *Slavia* 62, № 3, 391–398.
- Rychlík, J. 1993b, Teorie a praxe jednotného československého národa a československého jazyka v I. republice. In: Opat, J. – Tichý, J. (uspoř.), *Masarykova idea československé státnosti ve světle kritiky dějin: Sborník příspěvků z konference konané ve dnech 24. a 25. září 1992 v aule Obchodní akademie v Hodoníně*. Praha: Ústav T. G. Masaryka, 69–77.
- Rychlík, J. 1997, *Češi a Slováci ve 20. století I: Česko-slovenské vztahy 1914–1945*. Bratislava: Academic Electronic Press.
- Rychlík, J. 1998, *Češi a Slováci ve 20. století II: Česko-slovenské vztahy 1945–1992*. Bratislava: Academic Electronic Press.
- Seton-Watson, R. W. 1924, *Nové Slovensko*. Praha: Borový.
- Šmejkalová, M. 2005, Jazyk československý na českých a slovenských středních školách mezi učebními osnovami z let 1919 a 1927. *Slovo a slovesnost* 66, 32–47.
- Šolc, J. 1993, *Slovensko v českej politike*. Banská Bystrica: M. O. Enterprise.
- Trávníček, F. 1923, K otázce o poměru mezi slovenštinou a češtinou. *Prúdy* VII, 148–155.
- Trávníček, F. 1933, Česko-slovenský poměr po stránce jazykové. *Bratislava* VII, 217–231.
- Trávníček, F. 1935, *Historická mluvnice československá*. Praha: Melantrich.
- Zubatý, J. 1922, Slovenčina a čeština. *Sborník Matice slovenskej* I, № 1, 33–39.

ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ В СФЕРЕ РУССКО-ВЕНГЕРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Золтан Дьёрке

(Györke Zoltán, Szegedi Tudományegyetem, JGYPK
Modern Nyelvek és Kultúrák Tanszék, gyorkez@jgytf.u-szeged.hu)

1. Общеизвестно, что для единой лексико-фразеологической системы языка характерны те же системные связи, что и для других подсистем языка. Важное место в системе парадигматических отношений между элементами структуры, как известно, занимают семантические оппозиции, в частности, моносемичные – полисемичные, синонимические – антонимические, полисемичные – энантиосемичные и омонимические противопоставления.

Омонимия (тождество форм) и паронимия (сходство форм) – понятия, связанные с означающей, а не с означаемой стороной языкового знака.

Одной из специфических задач сопоставительного исследования фразеологической системы различных языков и двуязычной лексикографии является изучение фразеологической омонимии, в частности, различение омонимических и полисемантических фразеологизмов, выявление т.н. межъязыковых фразеологических омонимов.

В венгерском языкознании внимание лингвистов до сих пор в основном привлекало изучение проблем омонимии и полисемии в сфере лексического состава языка, и сравнительно мало внимания уделялось различным проблемам фразеологической полисемии и омонимии (Пете 1989: 61–63; Лендваи 1998: 214–218; Gecső 1999). Одними из немногих венгерских ученых, занимавшихся изучением явления полисемии и омонимии в сфере русской фразеологии, являются Лайош Хайзер и Бела Татар (Hajzer 1969, 1970: 21–31; Татар 1992: 162–165).

Однако в сопоставительном плане наши исследования, посвященные выявлению межъязыковых фразеологических омонимов в сфере русской и венгерской фразеологии, считаются первыми.

В литературе по изучению явления омонимии среди фразеологических единиц (ФЕ) принято различать внутрифразеологическую и межъязыковую фразеологическую омонимию (Сидоренко 1966; Гольцекер 1971, 1979; Эмирова 1972; Дьёрке 1991а).

2. **Внутрифразеологическими омонимами** принято считать русские фразеологизмы, полностью совпадающие по лексическому составу и грамматической структуре, но различающиеся по семантике. Напр.:

ЗА ГЛАЗА¹ (ФСРЯ: 104, 105)

1. заочно, в отсутствие кого-л. (говорить о чем-л., смеяться над кем-л. и т.п.)
 Ср. венг.: *vkinek a háta mögött (a távollétében) (beszél vkiről, szid, kinevet vkit, gúnyolódik vkin)*

2. не видя (купить, нанять и т.п.)

Ср. венг.: *zsákba macskát vesz vki; látatlanban vesz meg vmit, ismeretlenül fogad fel vkit.* Ср. рус.: *купить поросенка в мешке; купить коша в мешке*

ЗА ГЛАЗА² (ФСРЯ: 104)

вполне, с избытком (хватит, достаточно, довольно и т.п.)

Ср. венг.: *több, mint elég; bőségesen elég/futja; még sok is; bőven akad*

Ср. еще рус. и венг. ФЕ:

ЗА СПИНОЙ

vkinek a háta mögött (a távollétében) (beszél vkiről, szid, kinevet vkit, gúnyolódik vkin)

Ср. рус.: ЗА ГЛАЗА¹ в 1-м значении

Внутрифразеологическая омонимия — явление достаточно редкое. Русский лингвист М.И. Сидоренко (1966: 253) считает, что число собственно фразеологических омонимов в русском языке насчитывает около 100 ФЕ. Это подтверждается анализом, проведенным им на материале корпуса «Фразеологического словаря современного русского языка» под редакцией А.И. Молоткова, содержащего около 4000 ФЕ (там же, 251). В то же время удельный вес полисемичных ФЕ, включенных в словарь, составляет около 17%.

Однако несмотря на небольшой удельный вес фразеологических омонимов проблема разграничения полисемантических ФЕ от омонимических и презентация их в одноязычных и двуязычных фразеологических словарях представляет большой научный и практический интерес.

Возникновение внутрифразеологических омонимов связано с различными процессами, происходящими в языке в определенный период его развития.

Внутрифразеологические омонимы могут возникать в результате случайного совпадения лексического состава и грамматической структуры фразеологизмов. В этом случае фразеологические омонимы возникли диахронически, независимо друг от друга, на базе одного и того же свободного словосочетания (или сочетания слов) путем различного образного переосмысления содержания исходного свободного словосочетания.

Возникшие таким путем фразеологические омонимы отличаются друг от друга специфическими свойствами образности, легшей в основу их содержания:

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА¹ (ФСРЯ: 492)

свободный путь без препятствий и задержек, обычно для железнодорожного транспорта

Ср. венг.: *zöld, szabad út; szabad utat enged vminek* (Л-3: 105)

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА² (устар.) (ФСРЯ: 492)

наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России

Ср. венг.: *vesszőfutás; vesszőt fut; rég 'katonai büntetés'* (ÉKsz.: 1490)

Гораздо реже встречаются такие фразеологические омонимы, в образовании которых играли роль лексические омонимы:

ДАТЬ ДЕРУ¹

от глагола *драть* – высечь

Ср. венг.: *ellátja a baját vkinek* (ONG: b-99)

ДАТЬ ДЕРУ²

от глагола *дернуть* – убежать

Ср. венг.: *felhúzza (felveszi, felköt) a nyúlcipőt* (ONG: ny-276)

Подобно лексической омонимии второй причиной образования фразеологических омонимов является **распад семантической структуры многозначной ФЕ**. Это сравнительно редкий способ возникновения омонимических ФЕ, когда новое, омонимическое значение ФЕ образуется путем вторичной метафоризации. В случае возникших таким путем фразеологических омонимов наблюдаются дальнейшие тенденции к абстрагированию их содержания:

ВЕШАТЬСЯ НА ШЕЮ кому, к кому¹

приставать с ласками, нежностями

Ср. венг.: *nyakába borul vkinek, forrón átölel vkit* (К: ш-27)

ВЕШАТЬСЯ НА ШЕЮ кому, к кому² (ФСРЯ: 63)

навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви

Ср. венг.: *a nyakán lóg vkinek, vki terhére van; a nyakába akaszkodik vkinek* (К: ш-26)

Фразеологические омонимы могут возникать также и в результате эллиптирования компонентного состава двух различных ФЕ. Например:

НА ВЫСОТЕ¹

в состоянии удовлетворить самым высоким требованиям (ср.: *быть на должной высоте*)

Ср. венг.: *megüti a mértéket, megfelel a kívánalmaknak* (О–М: I, 254)

НА ВЫСОТЕ²

в состоянии проявлять себя так, как нужно, как единственно возможно, правильно (ср.: *стоять на высоте положения*)

Ср. венг.: *a helyzet magaslatán áll* (О–М: I, 254)

3. Изучению различных аспектов внутрифразеологической омонимии русского языка, а также межъязыковой омонимии в сфере лексики, посвящено множество работ (см. библи. о «ложных друзьях переводчика»: Влахов–Флорин 1986: 166, 200; Лендваи 1988а, 1988б). Работы по изучению межъязыковой фразеологической омонимии исчисляются единицами (Вурм 1976; Гольцекер 1971). В венгерской фразеологической литературе уже имеются отдельные ссылки на наличие фразеологических омонимов в сфере венгерско-немецкой фразеологии (Hessky 1985; Földes 1987а, 1987б: 31). При презентации фразеологического материала в венгерских толковых, одноязычных и двуязычных фразеологических словарях недостаточно отражаются полисемические и омонимические отношения во фразеологии, зачастую не разграничиваются полисемичные фразеологизмы от омонимических; нет никаких указаний на наличие межъязыковых фразеологических омонимов (Дьёрке 1991б). В настоящей работе впервые делается попытка на выявление межъязыковых фразеологических омонимов в сфере русско-венгерской фразеологии. Материалом для анализа служат русско-венгерские фразеологические словари, а также двуязычные академические словари Л. Хадровича и Л. Гальди (см. Словари и источники в конце статьи).

В разряд **межъязыковых фразеологических омонимов** мы относим разноязычные ФЕ, аналогичные по лексическому составу и грамматической организации, но имеющие совершенно разные значения вследствие индивидуально-языкового характера осмысления одного и того же образа.

Один и тот же фразеологический образ может связываться в сознании говорящих на том или ином языке с совершенно различными представлениями. Один и тот же факт отражения действительности может получить различное переносное осмысление в разных языках. Так например, русская ФЕ *белая ворона* (ФСРЯ: 79) и параллельная венгерская ФЕ *fehér holló > ritka, mint a fehér holló* (ONG: h-826) по своему происхождению в обоих языках восходят к латинскому прототипу *alba avis, albus corvus* и являются кальками латинской ФЕ (Шанский–Зимин–Филиппов 1987: 16). Однако, если для носителей русского языка фразеологический образ, легший в основу

латинской ФЕ символизировал человека, резко выделяющегося чем-либо среди окружающих его людей, отличающегося чем-либо, не похожего на них (ФСРЯ: 79), то у носителей венгерского языка этот же фразеологический образ вызывает представление о чем-то очень редком: (ср.: *ritka, mint a fehér holló* = днем с огнем не найти М-О: I, 309). В фразеологических словарях, за исключением учебного словаря Д-К, они ошибочно подаются как семантически эквивалентные друг другу ФЕ. Русская ФЕ в венгерском языке не имеет фразеологического эквивалента и переводится или фразеологическим аналогом или описательно.

БЕЛАЯ ВОРОНА – *kilóg a sorból; olyan ember, aki elüt a többtől* (Д-К: 20)

БЕЛАЯ ВОРОНА – **fehér holló, kirí vki, vmi közül, *ritka kivétel* (Л-З: 14).

Как видно, наряду с правильным эквивалентом (*kirí vki, vmi közül*) даются еще и неправильный фразеологический эквивалент (**fehér holló*), и описательный перевод (**ritka kivétel*).

БЕЛАЯ ВОРОНА – **ritka kivétel, *ritkaságszámba megy, *párját ritkítja, *páratlan v. egyedül áll (a maga nemében); *ritka, mint a fehér holló* (К: в-218)

БЕЛАЯ ВОРОНА – **vki fehér holló* (Földes 1987b: 97)

В результате анализа особенностей русских и венгерских ФЕ нами выявлены следующие межъязыковые фразеологические омонимы:

ГОЛОВА (КОТЕЛОК) ВАРИТ (ФСРЯ: 111)

кто-л. сообразителен, догадлив, понятлив = *jól fog az (agya) esze*

Ср. венг.: *fő a feje* (ONG: f-424) 'nagy gondban van, nagyon töpreng valamin' = кто-л. сильно озабочен

ИЗ КОЖИ (ВОН) ЛЕЗТЬ (ФСРЯ: 223)

усердствовать, стараться изо всех сил = *töri magát vmi után; minden erejével azon van, hogy...; minden követ megmozgat; minden igyekezetét latba veti; minden tőle telhető elkövet* (К: к-152; Л-З: 115)

Ср. венг.: *majd kibújik (majd kiugrik) a bőréből* (ONG: b-1224)

а) 'nagyon örül' = очень рад чему-л., кому-л.

б) 'roppant türelmetlen' = очень нетерпеливый, взволнованный

в) *biz* 'nagyon bosszankodik' = разг. кто-л. досадливый, раздраженный

ВЫТЯСТИ ДУШУ из кого-л. (ФСРЯ: 98)

измучить угрозами, домогательствами и т.п. = *agyongyötör, agyonszekíroz, fenyegetőzéseivel, követelőzéseivel meggyötör vkit*

Ср. венг.: *kirázza a lelket belőle* (ONG: 1-435) '(kül. jármű) nagyon összeráz' = *сильно трясет* (особенно о средствах транспорта)

ПОСЫПАТЬ ГОЛОВУ (ГЛАВУ) ПЕПЛОМ (ФСРЯ: 347)

предаваться глубокой скорби, обычно по поводу какого-л. несчастья, тяжелой утраты и т.п. = *gyászol vkit*

Ср. венг.: *hamut hint a fejére* vál, átv '(nyilvánosan) megbán vmit' = книжн. *публично раскаиваться в чем-л.*, ср. ниже: *бить себя в грудь*

БИТЬ СЕБЯ В ГРУДЬ

каяться (Вл: г-409) = *megbán vmit, hamut hint a fejére*

Ср. венг.: *veri a mellét* átv is 'kérkedik' (ÉKsz.: 939) = *хвастаться, бахвалиться*

ЯЗЫК ПРИЛИП (ПРИСОХ) К ГОРТАНИ у кого-л. (ФСРЯ: 541)

кто-л. замолчал от неожиданности, удивления, страха и т.п. = *a csodálkozás-tól vagy a félelemtől elnémul, elakad a szava*

Ср. венг.: *a szájjpadlásához tapad a nyelve vkinek* (ÉrtSz.: VI, 29) 'nagyon szomjas' = *кому-л. сильно хочется пить*

КАК ИЗ ПУШКИ (ФСРЯ: 373)

явиться, прийти, быть готовым, сделанным и т.п. = *ha törik, ha szakad; ha ég, föld összeszakad is; ha (ótváros) cigánygyerekek potyognak (esnek) is az égből; még ha vasvilla hull (esik) is (az égből)* (ONG: t-683, é-214, c-101, v-716)

Ср. венг.: *mintha puskából lőtték volna ki* (ONG: p-866) 'nagyon gyorsan, sebesen futva (távozik)' = *быстро убежать*

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ (ФСРЯ: 107)

наедине, без свидетелей, без посторонних = *négyszemközt, kettesben*

Ср. венг.: *szemtől szembe* (ÉKsz.: 1266)

а) 'közvetlenül szembefordulva vkivel' = *лицом к лицу*

б) 'közvetlenül és kertelés nélkül a jelzett személynek' = *прямо в лицо*

С РУКАМИ И НОГАМИ (ФСРЯ: 397)

1. целиком; полностью (выдавать, брать и т.п.) = *mindenestől elárulta (kiadta) magát*

2. охотно, с удовольствием = *szíves örömet, két kézzel, ezer örömmel*

Ср. венг.: *kézzel-lábbal (kapálózik, tiltakozik vmi ellen)* (ÉKsz.: 691) = *ynураться руками и ногами*

БЫТЬ НА КОВРЕ; ВЫЗЫВАТЬ/ВЫЗВАТЬ НА КОВЕР *кого* нов., разг., экс-прес. (Ф: I, 305)

быть у начальства для нагоняя = *főnöke vkit korholásban, szidásban részesít vmi miatt*

Ср. венг.: *szőnyegen van (szőnyegre kerül)* сажо 'тáргyалунк рóла'; *szőnyegre hoz* 'üгyет, кéрдéст) мегтáргyалás véгетт фóлвет' (ÉКsz.: 1311)

Ср. еще венг.: *terítéken van vmi, napirenden van vmi; terítékre kerül vmi, napirendre kerül vmi* = *быть на повестке дня; включать/включить в повестку дня*

СНЯТЬ (СОРВАТЬ, ОТВЕРНУТЬ) ГОЛОВУ (БАШКУ) *с кого, кому* и без доп., разг. (ФСРЯ: 442, 446)

1. убить кого-л. = *nép megöl vkit; fejével (életével) fizet (lakol) vki vmiért; a fejébe (életébe) kerül vkinek vmi; a fejét veszik vkinek vmiért*

2. строго наказать кого-л. (обычно употребляется как угроза) = *szigorúan megbüntet vmiért vkit; (rends. fenyegetésként:) szíjat hasítok a hátadból!; letöröm a derekadat!; kitöröm (kitekerem) a nyakadat!; megiszod te még ennek a levét!; meglakolsz te még ezért!; ezt nem úszod meg élve!; ezt nem úszod meg szárazon!; nagy árat fizetsz te még ezért!*

3. доставить большие неприятности кому-л.; подвести = *veszélyes (nehéz/kiltástalan/lehetetlen) helyzetbe hoz vkit*

Ср. венг.: *Ne vedd le a fejemet!* рéг 'не szomoríts!' (ONG: f-491) = *Не печаль меня!*

ВЫЛОЖИТЬ/ВЫКЛАДЫВАТЬ ДУШУ *кому* (ФСРЯ: 94)

откровенно делиться мыслями, переживаниями с кем-л., чистосердечно рассказывать о себе все = *kiönti a szívé (a lelkét) vkinek, vki előtt; könnyít a lelkén*

Ср. венг.: *kiteszi a lelkét (a lelkét is kitenné) vkiért, vmiért* 'minden tőle telhetőt megtesz v. megtenne vkiért v. vmely ügy, dolog érdekében' (ONG: l-437) = *отдать душу за кого-л., за что-л.* (М-О: II, 59)

ПАДАТЬ/ВАЛИТЬСЯ/СВАЛИТЬСЯ С НОГ *от чего* и без доп. (ФСРЯ: 55)

приходя в полное изнеможение, не быть в состоянии держаться на ногах = *alig áll a lábán, (majd) összeroskad (fáradtság, betegség miatt)* (К: н-220)

Ср. венг.: *leesik a lábáról vki* 'fekvő beteg lesz' (ONG: l-55, ср.: l-50) = *заболевать/заболеть; стать тяжело больным; потерять работоспособность из-за тяжелой болезни*

КАК С НОЖОМ К ГОРЛУ ПРИСТАВАТЬ, ПРИСТУПАТЬ к кому и без доп., прост. (ФСРЯ: 284)

настойчиво, неотступно, навязчиво (приставать, требуя чего-л.) = (vkit) *revolverez; nyúz (vmivel)* (G–U: O–M, 314); (*követelőzéssel, erőszakkal*) *kényszerít vkit vmire; zaklat, nyaggat, ostromol, molesztál, erőszakoskodik; kikényszerít vkitől vmit; nem tágit vkitől; nyakára jár vkinek*

Ср. венг.: *torkára teszi a kést vkinek* ritka ‘előkészíti vkinek a vesztét, ill. vkinek a pusztulását, bukását okozza’ (ONG: t-585) = *подготовить чей-л. окончательный провал, гибель* (досл.: *приставить нож к горлу*)

Ср. венг.: *torkán van a kés vkinek* ‘hamarosan halállal, pusztulással v. csúfos bukással lakol vmiért’ (ONG: t-582) = *кто-л. скоро заплатится за какую-л. вину; чья-л. гибель, кончина, провал уже предвидится* (досл.: *нож уже приставлен к горлу*)

ТЯЖЕЛАЯ ГОЛОВА у кого, от чего и без доп. (Вл: г-197)

= *nehéz a feje; nem tud világosan gondolkodni; mintha ólomból lenne a feje*

Ср. венг.: *nehézfajú* ‘nehezen tanuló, lassú felfogású; nehezen kapcsol’ (ÉKsz.: 993) = *тугодум, крепкоголовый, крепколобий* (М–О: II, 347); *biz tynogólosый; тупой; тупица* (G–U: M–O, 640)

В случае межъязыковых русско-венгерских фразеологических омонимов, генетически различающихся двух языков, не всегда можно говорить о полном, материальном тождестве ФЕ, а лишь о частичном соответствии лексической и грамматической структур ФЕ, при полном расхождении их значений.

Из вышесказанного становится очевидным, что выявление межъязыковых фразеологических омонимов в каждой паре языков, раскрытие их значения возможно лишь в результате тщательного сопоставительного анализа всего фразеологического состава двух или больше языков.

4. В настоящей работе мы поставили своей целью обратить внимание отечественных и зарубежных лингвистов на наличие т.н. внутриязыковых и межъязыковых русско-венгерских фразеологических омонимов, дальнейшее изучение которых имеет большое значение не только с точки зрения общей теории и практики сопоставительной фразеологии, но и с точки зрения двуязычной фразеологической лексикографии, а также теории и практики художественного и устного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Влахов, С. – Флорин, С. 1986, *Непереводимое в переводе*. Москва: Высшая школа.
- Вурм, А.Ф. 1976, Сходство и различие русской и чешской фразеологии. *Русская речь* № 4, 114–119.
- Гольцекер, Ю.П. 1971, Межъязыковая омонимия и полисемия как специфическая проблема при переводах с родственных языков. В кн.: *Исследования по русскому и славянскому языкознанию, вып. III*. Самарканд, 129–136.
- Гольцекер, Ю.П. 1979, Фразеологическая омонимия в близкородственных языках (переводческий аспект проблемы). *Уч. зап. СамГУ, вып. XIV: Вопросы фразеологии*. Самарканд, 96–101.
- Дьёрке, З. 1991a, Межъязыковая фразеологическая омонимия в сфере русско-венгерской фразеологии. *Első Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia I. Nyíregyháza*, 382–385.
- Дьёрке, З. 1991b, Отражение фразеологической полисемии и омонимии в русско-венгерских фразеологических словарях. Gadányi, K. (szerk.), *Nemzetközi Szlavisztikai Napok IV*. Szombathely, 391–397.
- Лендвай, Э. 1988a, Краткий обзор случаев «непереводимости» на материале русского и венгерского языков. Misky, Gy. (szerk.), *A korszerűbb oroszoktatásért VIII. Pécs*, 99–102.
- Лендвай, Э. 1988b, О словаре венгерских языковых реалий. Gadányi, K. (szerk.), *Nemzetközi Szlavisztikai Napok III*. Szombathely, 331–336.
- Лендвай, Э. 1998, *Лексическая семантика русского языка*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó.
- Пете, И. 1989, *Лексикология русского языка (для студентов-русистов-иностранцев)*. Szeged, 4-е, перераб. изд.
- Сидоренко, М.И. 1966, О фразеологических омонимах. *Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской, т. II*. Москва, 251–259.
- Татар, Б. 1992, *Фразеология современного русского языка*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Шанский, М.Н. – Зимин, В.И. – Филиппов, А.В. 1987, *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. Москва: Русский язык.
- Эмирова, А.М. 1972, К изучению антонимических отношений во фразеологии. В кн.: *Вопросы фразеологии*. Самарканд, 189–193.
- Földes, Cs. 1987a, A frazeológiai univerzálék és az idegen nyelvek tanítása. *Idegen Nyelvek Tanítása* № 4, 109–116.
- Földes, Cs. 1987b, *Magyar–német–orosz beszédfordulatok*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Gecső, T. (szerk.) 1999, *Poliszémia, homonímia: Az ELTE BTK Általános és Alkalmazott Nyelvészeti Tanszéke által 1998 októberében rendezett tudományos konferencia előadásainak tanulmánykötete*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Hajzer, L. 1969, *Az orosz frazeologizmusok poliszémiája. Bölcsészdoktori disszertáció*. Pécs–Szeged.
- Hajzer, L. 1970, Az orosz frazeologizmusok poliszémiájának kérdéséhez. *A Pécsi Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei: Szeria 3. Linguistica–Philologica*. Pécs, 21–31.

Hessky, R. 1985, *Phraseologie: Linguistische Grundlagen und kontrastives Modell deutsch → ungarisch. Kandidátusi értekezés.* Budapest.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

- Вл – Влахов, С. (ред.), *Русско-болгарский фразеологический словарь.* Москва–София: Русский язык – Наука и искусство, 1980.
- Л-3 – Лавер, В.И. – Зикань, И.В. *Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь.* Киев–Ужгород: Радянська школа, 1985.
- Ф – Федоров, А.И. *Фразеологический словарь русского литературного языка I–II.* Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995.
- ФСРЯ – Молотков, А.И. (ред.), *Фразеологический словарь русского языка.* Москва: Русский язык, 1987, 4-е изд., стереотипное.
- D-K – Dubrovin, M. J. – Klaudy, K. *Orosz szólások és közmondások képekben.* Budapest–Москва: Tankönyvkiadó – Russzkiej jazik, 1990.
- ÉKsz. – Juhász, József – Szőke, István – O. Nagy, Gábor – Kovalovszky, Miklós (szerk.), *Magyar értelmező kéziszótár.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972.
- ÉrtSz. – Bárczi, Géza – Országh, László (főszerk.), *A magyar nyelv értelmező szótára I–VII.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959–1962.
- G-U: M-O – Gáldi, László – Uzonyi, Pál (főszerk.), *Magyar–orosz szótár. Венгерско-русский словарь.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.
- G-U: O-M – Gáldi, László – Uzonyi, Pál (főszerk.), *Orosz–magyar szótár. Русско-венгерский словарь.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.
- K – Keszthelyi, Ernő (szerk.), *Russzicizmusok: 5000 orosz szó és kifejezés.* Budapest: Terra, 1961.
- M-O – Hadrovics, László – Gáldi, László (szerk.), *Magyar–orosz szótár I–II.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974, 5. kiadás.
- O-M – Hadrovics, László – Gáldi, László (szerk.), *Orosz–magyar szótár I–II.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971, 4. kiadás.
- ONG – O. Nagy, Gábor, *Magyar szólások és közmondások.* Budapest: Gondolat, 1966.

ГЛАГОЛНИЯТ ВИД КАТО СЕМАНТИЧНА И ПРАГМАТИЧНА КАТЕГОРИЯ

Мария Стоилова Жерева

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО –
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék, mzhereva@hotmail.com)

Видът в славянските езици принадлежи към семантичните свойства на глагола негова лексикална черта, характерна за по-голямата част от славянските глаголи – почти всеки глагол (с изключение на някои двувидови глаголи) съществува в свършен и в несвършен вид. Това свойство влияе на граматичните (флективни) форми на глагола (глаголни времена, деепричастия и др.). От това следва, че глаголният вид е класификационна категория на глагола (както родът при съществителните имена), със своите формални признаци, които могат да бъдат словообразователни средства например, в глагола *дам* СВ няма експонент, но в *давам* НСВ се изразява със суфикса *-ва-*, в *пиша* НСВ е без експонент, но в *напиша* префиксът *на-* сигнализира за СВ.

Традиционните определения на категориалната семантика на глаголния вид в лингвистиката (Иванчев 1971; Станков 1976; Шведова 1982; Бондарко 1983; Маслов 1984; Куцаров 1993) отразяват ролята на гледната точка на говорещия върху протичането на действието във времето за формирането на видовата семантика. Но при конкретния анализ на значението на глаголните видове тази роля като че ли все пак се недооценява. Трябва да се отчитат не само възможните ракурси на възприемане на една и съща ситуация, но и субективността на такова възприемане. Ето защо, в съвременните аспекти изследвания, според нас, трябва да се застъпи анализът на вида (аспекта) като интерпретационна категория, без да се изпуска от вниманието фактът, че протичането на едно или друго действие може да бъде еднозначно определено и чрез обективната характеристика на означената ситуация.

При такъв, прагматичен, подход към анализа на видовата семантика неизбежно отслабва разграничението между глаголния вид и начините на глаголно действие. Т.е. на пръв поглед се нарушава основният постулат на А. Мазон и други лингвисти, които са поставили основите на славянската аспектология във втората половина на XX век. Но това нарушение е всъщност измамно, тъй като описанието на вида като прагматична категория отчита факта, че при означаване на една и съща ситуация фокусът на вниманието на наблюдателя може да бъде свързан не само с общата характеристика на действието от гледна точка на ограниченост/неограниченост, но и с различ-

ни детайли и конкретни начини за представяне на действието като продължителност/мигновеност, многоактност/едноактност, фазовост и т.н.

По такъв начин новите изследвания на съдържателната страна на категорията „глаголен вид“ и, по-широко на аспектуалността, дават когнитивна ориентация на теорията за значенията, което позволява вниманието на изследователя да се съсредоточи основно на ракурса при изобразяване на ситуацията, спецификата на нейното възприемане, отразена в езиковия знак.

Според нас, от изключителна важност за цялостното разбиране на категорията като фиксираща разпределението на действието във времето, се оказва нейният дискурсивен характер. С други думи, може да се предполага, че за установяване на спецификата на разпределение на действието, би следвало да се обърнем не само към лексикалното значение на глагола, но и към принципите на неговото включване в една или в друга форма в изречение (текст), дискурс. В такъв аспект са съвременните аспектологични изследвания: Leech (1983); Rappaport (1985); Борисова (1994); Падучева (1998) и др.

Смята се, че има някаква иконична зависимост между ограничеността на самото изречение или текст и рамката, в която човек възприема описваната ситуация. Така, изреченията *Той чете тази книга преди половин година* и *Той прочете тази книга преди половин година* се различават, първо, по това, че във фокуса на вниманието се оказват различни неща и включването им в менталното пространство не се характеризира идентично и второ, по това, че дадените изречения по различен начин се вписват в реалния текст. Последното въвежда в анализа понятието вътрешна темпорална структура *versus* външната темпорална структура (във връзка с другите изречения или таксиса на текста). Вътрешната структура показва областта на приложение на аспектуалните характеристики. Моделът на всяко изречение зависи от предиката, а той не може адекватно да бъде описан без указание за това как се разпределя действието във времето. От тук и делението на ситуацияите на статични/динамични, хомогенни/хетерогенни и др. (Grice 1975; Мелиг 1998).

Аргумент в полза на словообразователния характер на видовата опозиция е разнообразието на семантичните функции на префиксите и липсата на регулярност в образуването на деривати. Например, видовите двойки се образуват с различни префикси – за *чета* е *прочета*, за *пиша* – *напиша*, за *дишам* – *подишам*. Освен това, различните видови двойки характеризират различна полисемия, например *пиша* – *напиша* – *написвам*, *пиша* – *описвам*, *пиша* – *препиша* – *преписвам*, *пиша* – *надпиша* – *надписвам* и т.н.

По такъв начин видът може да се определи като лексико-семантично явление и класификационна категория на глагола. Нейните експоненти са словообразователни средства, но при отсъствие на морфологично изразяване, видът принадлежи към семантиката на глагола.

Както вече е отбелязано, съществува тясно взаимодействие между вида и семантичните свойства на глагола. Има глаголи, които детерминират НСВ: глаголи за състояние (*зная, намирам се, седя*), за движение (*разхождам се, пътувам*). Бихме могли да ги наречем примарни имперфективи (някои от тях са *perfectiva tantum*), например, *зная, умея* и др.). Противоположната позиция заемат глаголите, детерминиращи СВ, примарните перфективи. Семантично те означават някакво изменение и могат да се преобразуват във вторични имперфективи (*пиша – препиша – преписвам*).

В центъра на категорията „глаголен вид“ се намират глаголи, означаващи целеви действия и процеси. Те образуват видови двойки, а при тях примарен се явява глаголът от СВ (*купя – купувам*).

В тези глаголни двойки НСВ означава 1) актуални в протичането си целеви действия, насочени към достигане на резултат (*Той в този момент отваря вратата*) и 2) множество извършвани действия (*Той винаги трудно отваря тази врата*).

Първичните имперфективи (от типа на *зная*) се преобразуват във вторични имперфективи с инхоативно значение (*узнавам*) или със значение на ‘квант действие’ (*поразхождам се един час, посядам за половин час* и др.).

В някои аспектологични изследвания глаголи от типа *поседа, поразхожда се, пося* и др. се интерпретират като семантични имперфективи и само формални перфективи. Те имат много сходства с имперфективите – в отличие от първичните перфективи не означават целеви действия (стремеж към достигане на резултата), за разлика от инхоативите не означават начало на състояние и поради това не могат да се съчетават с адverbиалите, характерни за глаголите, означаващи достигане (или стремеж към достигане) на резултата. От друга страна, те успешно се съчетават с дуративи, които са изключени при перфективите (*Той поседа два часа*).

Видът несъмнено е семантична категория, както на морфологично, така и на синтактично ниво (нивото, където се реализира неговото значение). На синтактично ниво глаголният вид като такъв не се изразява, доколкото на това ниво има място комбинацията на видовото значение и други глаголни категории, ситуацията, контекстът в широкия смисъл на думата. Ето защо семантиката на вида, собствено видовите значения могат да се преобразуват до такава степен, че да станат неузнаваеми, необясними и във връзка с това да бъдат причислени към областта на прагматиката. Прагматическо е, например, общофактическото значение на НСВ, употребата на НСВ в минало време с адverbиали от типа на *всичкото време, цялото време, целият ден* и др., употребата на вида в някои императивни изкази. Но появата на подобна употреба също има своята логика, която разбира се отнася към компетенцията на скритата граматика, но в повечето случаи може да бъде експлицирана. Прагматиката е област на изключенията, които само потвърж-

дават правилото. Това е област на експресивното, маркировъчното, неординарното използване на граматичните средства.

Категорията „глаголен вид“ на първо място е граматична категория, но разбира се, със семантични и прагматични последици.

От анализа на глаголният вид става ясно, че най-плодотворно е описанието му и като семантична, и като прагматична категория, но обект на семантиката и на прагматиката в този случай трябва да бъдат съвършено различни аспекти на категорията „вид“.

Прагматичните единици също носят информация, т.е. семантика, макар и да отразяват само „субективната“ характеристика на описваното (всичко, което е свързано с говорещия и с речевия акт). Например, местоимението *аз* означава говорещия в процеса на речевия акт, но не е особена „прагматика“, а непосредствено семантично съдържание на думата.

Видът показва кой от аспектually значимите компоненти на лексикалното значение на глагола се акцентира логически, т.е. говорещият е под действието на модалната рамка на изказването. Следователно, тук има и субективна, прагматична информация (отношение към речевия акт и говорещия), но и обективна (характерът на действието, достигане/недостигане до резултата и др.), при това отделянето на едното от другото е трудно.

Доколкото чистовидовото противопоставяне в глаголните двойки не изменя лексикалното значение на глагола, видът безусловно е словоизменителна, а не словообразователна лексико-граматическа категория. По начина на изразяване е морфологична категория, макар че по съдържание видът включва взаимодействие на поредица явления със синтактична семантика (модалност, актуално членение, взаимодействие с контекста). Доколкото чистовидовото противопоставяне е винаги еднотипно (завършеност/незавършеност, едноактност/многоактност и т.н.), видовите значения безспорно са инвариантни, колкото и да е трудно да бъдат описани с лексикални средства. Не може да има частни значения, ако няма общи такива.

Видовата опозиция естествено се базира на чистовидовите двойки, но едновидовите глаголи не противоречат на системата. Просто има действия, които по своята същност не допускат друго представяне, както във вид на незавършен процес, така и във вид на завършен. Прибавянето на афикси към едновидовите глаголи би било процес на словообразуване, а не на видообразуване.

По наше мнение, за изходен пункт при определяне на глаголният вид би трябвало да се избере неговото семантично описание. Но описанието на условията за употреба предполага също и отчитане на прагматичната гледна точка, като при това под прагматика би трябвало да се разбира отчитането на ситуативните фактори. Например, предикацията от рода на *садя/посадя дърво* в качеството на денотат има хетерогенно явление на действителността, затова

лимитирането е възможно да бъде осъществено с помощта на свършени форми, а това е вече въпрос на семантично описание. Ако номиналната група се отнася до определено дърво, което вчера сме купили, несвършен вид не може да бъде уротребен „общофактически“, тъй като общофактичeskата употреба има за предпоставка това, че явлението, представено в ролята на денотат, може да се повтори, въпреки че денотираното явление от действителността в същност е представено един път. Например, *Ти сади ли дървото, което купихме вчера?* НСВ в дадения пример може да се отнася само към процеса, тъй като самото дърво не може да бъде посадено няколко пъти, то може само няколко пъти да се *пресади*. Но потенциалната повтораемост е въпрос не на езика, а на нашето познание за света.

Освен хетерогенното описание на ситуацията, може да съществува и хомогенно описание – това са интранзитивните глаголи, които не образуват видови двойки, но могат да се перфективират, т.е. могат да бъдат представяни като ограничени. Перфективацията се осъществява чрез „аспектуални“ начини на действие, т.е. такива, които имат функция да ограничават хомогенното описание на ситуацията, например, да означават начало, прекъсване, определен квант на ситуацията и др. В случая терминът „аспектуален начин на действие“ употребяваме за отличие на начините на действие, които перфективират хомогенното описание на ситуацията, от други начини на действие, като допълнителното, неутрализиращото и други, които също могат да бъдат образувани от трансформативи.

В заключение, трябва да кажем, че според нас най-плодотворно е комплексното семантично–прагматично описание на вида.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко, А.В. 1983, *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Ленинград: Наука.
- Борисова, Е.Г. 1994, Прагматические аспекты употребления видовых форм глагола. В кн.: *Русский глагольный вид в прикладных исследованиях*. Москва: Наука, 213–236.
- Иванчев, Св. 1971, *Аспектуалността в славянските езици*. София: БАН.
- Куцаров, Ив. 1993, *Проблеми на българската морфология*. Пловдив: Пловдивско университетско издателство.
- Маслов, Ю.С. 1984, *Очерки по аспектологии*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Мелиг, Х.Р. 1998, Вид, отрицание и референциален статус глагольной предикации в тексте. В кн.: Черткова, М.Ю. (отв. ред.) *Типология вида: Проблемы, поиски, решения (Материалы международной конференции, 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В. Ломоносова)*. Москва: Языки русской культуры, 289–304.

- Падучева, Е.В. 1998, Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе. В кн.: Черткова, М.Ю. (отв. ред.) *Типология вида: Проблемы, поиски, решения (Материалы международной конференции, 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В. Ломоносова)*. Москва: Языки русской культуры, 332–342.
- Станков, В. 1976, *Конкуренция на глагольные видове в българския книжовен език*. София: БАН.
- Шведова, Н.Ю. 1982, *Употребление видов глагола в условиях конкуренции*. Москва: МГУ.
- Grice, H. P. 1975, Logic and conversation. In: Cole, P. – Morgan, J. L. (eds.), *Syntax and semantics 3: Speech acts*. New York: Academic Press, 41–58.
- Leech, G. N. 1983, *Principles of pragmatics*. London – New York: Longman.
- Rappaport, G. C. 1985, Aspect and modality in context of negation. In: Flier, M. S. – Timberlake, A. (eds.), *The scope of Slavic aspect*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 194–223.

СИНТАКТИЧНА СТРУКТУРА НА ПРОЦЕСУАЛНИТЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМИ СЪС СЕМАНТИКА 'ПСИХО-ФИЗИЧЕСКО СЪСТОЯНИЕ И МИСЛОВНА ДЕЙНОСТ НА ЛИЦА'

Мария Стоилова Жерева – Йовка Вълканова Дапчева

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО –
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék, mzhereva@hotmail.com
Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО, dapchevamgu@mail.ru)

В съвременното езикознание активно се изследва фразеологичният състав на езика в неговите системни свойства и отношения. Изучаването на българската фразеология започва с изследванията на Б. Цонев (1934), Ал. Теодоров-Балан (1956) и Ст. Илчев (1975). Но основите на фразеологията като наука поставят Кр. Чолакова (1967), К. Ничева (1968, 1987), С. Спасова-Михайлова (1970) и ФРСБЕ (1975).

Настоящото изследване е посветено на анализа на структурните и семантичните свойства и отношения на процесуалните фразеологизми, които означават психо-физическо състояние и мисловна дейност на лица.

Под фразеологизъм ние разбираме отделна оформена номинативна единица на езика, която изразява едно понятие и семантически и граматически се съотнася с думата.

Изследваните фразеологизми съдържат в състава си глаголен компонент и се характеризират с категориалното общограматично значение процесуалност. Решаващ фактор за квалифицирането на даден фразеологизъм като процесуален е не формалното присъствие на глаголен компонент в неговия състав, а способността на тази единица да означава действие, процес. Под понятието процесуален фразеологизъм се разбира всеки фразеологизъм, който означава дадено действие, състояние или изменение като процес. Особено важна в това отношение е ролята на глаголния компонент във формирането на модели словосъчетания със семантика 'психо-физическо състояние и мисловна дейност на лица' в процесуалните фразеологизми. Вторична е ролята на именния компонент. Наличието на компонент предлог също оказва влияние върху изследваната семантика.

Под синтактичен модел тук се разбира тип изходна синтактична конструкция, по която се образуват фразеологизми и структурно-семантичните свойства на всеки компонент, създаващ фразеологическото значение (Ковалъ 1999: 72). Под компонент на фразеологичната единица се разбира значеща или служебна дума с качествени изменения в значението като система от семи. Изследваните фразеологизми са строго структурно организирани.

Анализираният материал позволява да бъдат отделени следните типове модели на фразеологизмите:

1. Двукomпонентни фразеологизми. Те са образувани по моделите: **Глагол + съществително име** (*обръщам света, давам вид, гриза нокти, въртя опашка, обирам калая, лижса подметките, зачервявам гребена, обръщам очи, давам крачка, бия отбой* и др.). **Глагол + местоимение** (*намирам себе си, търся себе си*). Те са най-малко на брой и представляват около 3% от всички изследвани фразеологични единици.

2. Трикомпонентни фразеологизми. Те са образувани по моделите: **Глагол + предлог + съществително име** (*стъпвам на крака, поставям на карта, направлям на пестил, направлям на пита, лягам в земята, минавам през трупове, падам в краката, пека на огън, пека на шиш, падам в клопката* и др.). **Частича + глагол + съществително име** (*не давам думата, не прекършвам хатъра, не давам вид, не вдигам очи, ще играе дървото, ще смажеш яйцата, ще ям дървото* и др.). Те представляват около 7% от изследвания материал. **Глагол + предлог + местоимение** (*излизам извън себе си, идвам на себе си*). Процентно те са около 4% от общото количество на трикомпонентните фразеологизми. **Глагол + прилагателно име + съществително име** (*правя мили очи, чакам по-добри времена, търся пуйчо сирене, вадя кирливите ризи* и др.). Те са 4,3% от общото количество. **Глагол + съществително име + съществително име** (*яде котка риба, яде котана сметана* и др.).

3. Четирикomпонентни фразеологизми. Те обикновено са образувани по следните модели: **Глагол + предлог + местоимение + съществително име** (*намирам в себе си сили, вземам в свои ръце, отправям на онзи свят, вървя по своя път* и др.). Това е най-голямата група от изследваните фразеологизми. **Глагол + местоимение + предлог + съществително име** (*държа някого/нещо в ръце, вземам се в ръце, давам му в ръцете, вземам му от ръцете (устата), делия си от залъка* и др.). Те представляват около 14% от всички изследвани фразеологизми. **Глагол + съществително име + предлог + съществително име** (*имам глава на раменете, имам (държа) коз в ръцете* и др.). Те са също около 14% от общото количество на четирикomпонентните фразеологизми. **Частича + глагол + предлог + съществително име** (*не излиза от ума, не влиза в главата, ще изям с парцалите, ще седнеш на носорог, ще хапна от коливото* и др.). Количеството им е приблизително същото, като на предходната група. **Предлог + съществително име + частича + глагол** (*в уста не влиза, през носа ще излезе, между цветята ще легнеш* и др.). **Глагол + наречие + предлог + съществително име** (*вземам близо до сърцето*). **Частича + местоимение + глагол + съществително име** (*не си намира/намери място*).

4. Петкомпонентни фразеологизми. Те са малко на брой и са образувани по следните модели: **Глагол + местоимение + предлог + прилагателно име + съществително име** (*държа се в строги рамки, придържам се към строгите правила* и др.). **Съществително име + предлог + местоимение + частица + глагол** (*земята под себе си не чувствам, цифката си по него да не хвърлиш* и др.).

Глаголните компоненти на процесуалните фразеологизми са многозначни и общоупотребяеми и с това може да се обясни тяхната фразеобразователна активност. Те са граматични показатели на морфологичните категории на целия процесуален фразеологизъм.

Глаголните компоненти на изследваните фразеологизми запазват категориалното значение и заради това целият фразеологизъм става процесуален, но те губят своите лексикални значения. В това сложно взаимодействие между запазването на някои семантични качества на компонентите на словосъчетанието и редукцията на други техни свойства се ражда качествено ново фразеологично значение.

Глаголните компоненти се различават по своите фразеобразователни възможности. Под фразеобразователни възможности ние разбираме способността на един или друг компонент (в дадения случай – глаголният) да създава фразеологични единици в езика. Изследваният материал дава възможност да се отделят някои от най-продуктивните в това отношение глаголи. Такива са *вземам, държа, ходя, вадя, гледам, давам, имам, минавам, нося, слагам, търся, хвърлям*. Например, глагол-компонент *хвърлям* се среща в 18 процесуални фразеологични единици с изследваната от нас семантика, например: *хвърлям божура, хвърлям ги на тупан, хвърлям един поглед, хвърлям камъни в нечия градина, хвърлям калимявката, хвърлям едно око, хвърлям пагоните, хвърлям петалата, хвърлям петно, хвърлям последната си карта, хвърлям последния си коз, хвърлям празно да уловя пълно, хвърлям прах в очите, хвърлям расото, хвърлям ръкавицата, хвърлям топа, хвърлям кал, хвърлям въдицата*. Всеки от тези глаголи се характеризира с широко отвлечено значение, влиза в основния речников фонд на езика и има извънредно широка съчетаемост с други думи. Те имат неутрална стилистична окраска и служат като основа за образуване на голямо количество фразеологични единици с различна семантика.

Съществителните имена, влизащи в състава на процесуалните фразеологични единици, в състава на нефразеологичните съчетания имат широк спектър значения. Най-активни във фразеобразуването се оказват конкретни съществителни имена, соматизми и зооними, които извън фразеологизма означават части от тялото на човек или животно. Това е белег за антропоморфизма на изследваните съществителни. Например, *нос* (*вода за носа, повисвам нос, вирвам нос, вра си носа* и др.), *сърце* (*изхвърлям от сърцето си,*

вземам близо до сърцето си, сърце да е широко, имам заешко сърце, свива ми се сърцето и др.), *очи* (израствам в очите на някого, падам в очите на някого, не вдигам очи, не свалям очи, очите ми играят на четири, очите ми стават на понички, пуля очи и др.), *глава* (излиза ми от главата, чупя си главата, губя си главата, увисва ми главата, вдигам си главата, побелява ми главата и др.), *ръце* (вземам се в ръце, махам с ръка, вдигам ръце, развързвам ръце, слагам ръка на нещо, вода за ръката, скръствам ръце, оставам без ръце, не си поплювам на ръцете, цапам си ръцете и др.), *крака* (не ме държат краката, стъпвам на краката си, плета крака, изнасям с краката напред, опъвам краката и др.), *опашка* (въртя опашка, вирвам опашка, хващам за опашката и др.), *зъб* (имам зъб на някого, зъб ме боли, та куцам, избивам зъбите на някого, скърцам със зъби, зъб не обелвам и др.). Причината за активността на съществителните-соматизми е в техния общославянски произход. Те по правило се употребяват много широко, многозначни са и повечето от тях имат преносни и оценъчни значения и поради това имат висока активност при фразеобразуването.

Съществителните имена с отвлечена семантика също са представени във фразеологизмите с изследваната семантика. Например, *душа*, *дух* (боли ме душата, изваждам душата на някого, отдавам душата си, възприемам духом, предавам Богу дух, падам духом, повдигам духа на някого и др.), *ум* (излиза ми от ума, идва ми на ум, вземам ума на някого, давам ум, ума ми не е на място, ума ми е в краката, ум да ти отнесе и др.), *страх* (умирам от страх, страх лозе пази, смалявам се от страх и др.), *мисъл* (събирам си мислите, унасям се в мисли и др.), *живот* (прощавам се с живота), *смърт* (приготвям се за смъртта, викам смъртта и др.). Причината за активността на съществителните с отвлечена семантика при образуването на фразеологични единици е в тяхната висока степен на обобщение. Фразеологизмите също са обобщени единици и поради това съществителните имена с отвлечена семантика с лекота участват във фразеобразуването.

Имената, компоненти на процесуалните фразеологизми като правило са думи от български и общославянски произход съществителни нарицателни.

Предлогът като компонент влиза приблизително в 55% от изследваните фразеологични единици. Най-често се срещат предлозите *без*, *в*, *до*, *за*, *от*, *по*, *под*, *с* (*със*) и др. Например, *без да си мръдна пръста*, *без да ми мигне окото*, *навирам в миша дупка*, *изпращам в глуха линия*, *влизам в крак*, *вдигам шум до Бога*, *изтребвам до един*, *напивам се до козирката*, *вдигам врява до небесата*, *бия до смърт*, *стигам за нула време*, *хващам дявола за рогата*, *събирам от кол и въже*, *работя от тъмно до тъмно*, *разнасям от уста на уста*, *улавям по бели гащи*, *върви по вода*, *върви по мед и масло*, *лягам под бяло*, *минава под ножа*, *търся под дърво* и *камък*, *влизам под кожата на някого*, *удавям с плюнка*, *идвам с гръм* и *трясък*, *убивам с голи ръце*,

стрелям със затворени очи и др. Има ограничено число предлози, които се употребяват съвместно с местоимение (*бора се със самия себе си, излизам извън себе си, скубя си косите* и др.). Най-продуктивни са предлозите *в, на, с и от*.

Като стават компоненти на фразеологизмите, предлозите стесняват кръга на своите значения, като ги преобразуват в елементи на цялото фразеологично значение. Фразеологизмът се явява вече втора номинативна единица и нейното значение се опира на лексикалното значение на думите-компоненти. Фразеологичното значение избира една единствена сема от съвкупността семи на лексикалното значение на думата, която е станала компонент на фразеологизма.

Процесуалните фразеологизми със семантика 'психо-физическо състояние и мисловна дейност на лица' представляват три субкатегории процесуални фразеологизми: 'дейност', 'състояние', 'състояние-отношение'.

Субкатегорията 'дейност' при разглежданите фразеологизми условно можем да разделим на три семантични подгрупи: фразеологизми, означаващи мисловна дейност на лица, фразеологични единици, предаващи психо-физическо състояние на лица чрез комуникативно-речевата дейност на човека и фразеологични единици, предаващи психо-физическо състояние на лица чрез постъпките и поведението на човека. Например, *държа се* – 1) *държа се по определен начин* – фразеологизмът се отнася към групата на фразеологичните единици, предаващи психо-физическо състояние на лица чрез постъпките на човека (например, *Той си беше изработил маниер на независимо и самоуверено държане*); 2) *държа се* – 'придържам се към някаква линия на поведение' (например, *Те получиха точни инструкции как да се държат при евентуално задържане и на разпитите*).

Вътре в субкатегорията 'състояние' се образуват две семантични групи: фразеологични единици, означаващи физическо състояние на лица и фразеологични единици, означаващи емоционално и психическо състояние на лица. Например, *вземам се / взема се в ръце* – 'успокоявам се, преставам да се вълнувам' (фразеологизмът се отнася към семантичната група фразеологизми за 'емоционално и психическо състояние на лица'). Например, „*Той стискаше зъби, за миг затвори очи, взе се в ръце и се насили да говори вежливо*“ (Д. Димов, Поручик Бенц).

А фразеологизмът *имам зъб на някого* 'ядосвам се на някого' се отнася към семантичната субкатегория 'състояние-отношение'. Например, *Откъде да знам, че те ми имат зъб?*

За фразеологизмите с посочената по-горе семантика основна е субкатегориалната сема 'състояние'. Субкатегориите 'действие' и 'състояние-отношение' се срещат доста по-рядко.

В заключение трябва да отбележим, че е необходимо задълбочено по-нататъшно изследване на омонимните отношения между фразеологизмите в анализирани категории, изучаване на процесуалните фразеологизми от гледна точка на наличието или отсъствието на конотация, описание на тези фразеологизми от гледна точка на тяхната стилистична принадлежност и съотношението на общоупотребяемите фразеологизми и фразеологизмите, използвани само в един определен стил.

ЛИТЕРАТУРА

- Илчев, Ст. 1975, *Из живота на думите: Езикови бележки*. София: Наука и изкуство.
- Коваль, М.Л. 1999, Систематические субкатегории процессуальных фразеологизмов семантики „психическое состояние лица“. В кн.: *Сборник научных статей*. Челябинск.
- Ничева, К. 1968, Фразеологизирани конструкции в българския език. *Известия на Института по български език* № 16.
- Ничева, К. 1987, *Българска фразеология*. София: Наука и изкуство.
- Спасова-Михайлова, С. 1970, Към въпроса за семантичната същност на фразеологичната единица. *Известия на Института за български език* № 19.
- Теодоров-Балан, Ал. 1956, *Български записи с език, книжнина и общество: Волни приноси за българската просвета и култура. Избор*. София: Наука и изкуство.
- ФРСБЕ – Ничева, К. – Спасова-Михайлова, С. – Чолакова, Кр., *Фразеологичен речник на съвременния български език*. София: БАН, 1975.
- Цонев, Б. 1934, *История на българския език, т. 2*. София.
- Чолакова, Кр. 1967, Към въпроса за формата на фразеологичната единица. *Известия на Института за български език* № 15.

СУПСТАНДАРДНИ МАЂАРИЗМИ
У СРЕМЧЕВОМ ДЕЛУ ПОП ЂИРА И ПОП СПИРА
(поводом 150-годишњице од пишевог рођења)

Јован Јерковић

(Србија, 21000 Нови Сад, ул. Антона Чехова 2)

1.1. Стеван Сремац (1855–1906), значајан, популаран и омиљен српски писац рођен је у Сенти. Сента, градско насеље у северном делу Бачке, лежи на десној обали Тисе. У прошлости је са Сегедином представљала важан занатлијски и трговачки центар у Потисју. До средине XVIII века била је српско насеље. После сеобе Срба у Русију насељавају је Мађари и од тога времена до данас мађарски живаљ чини већину (Енциклопедија).

Сремац је у родном месту живео до своје дванаесте године, када се сели у Београд у коме је похађао средњу и високу школу (дипломирао из историје на Великој школи у Београду, 1878). Као професор историје служио је у Пироту и Нишу десетак година, а после (1892) у Београду све до смрти (Деретић 1985: 397).

1.2. У свом књижевном раду Сремац је описивао средине из три различите зоне српског језика: банатску (бачку), нишку и београдско-србијанску.

Сремац је припадао реалистичком књижевном правцу који је у српској књижевности преовлађује у другој половини XIX века. Први круг српских реалиста (Глишић, Веселиновић и др.) био је оријентисан на сеоски амбијент; други, нешто млађи писци (њима припада и Ст. Сремац), мотиве за своја дела привенствено налазе у паланкама, варошицима и градовима. Овом кругу треба прикључити и знатно старијег Јакова Игњатовића (рођен у Сент-андреји, 1822).

1.3. Осврћући се на епоху српског реализма у целини, Д. Вученов (1965: 221) као његово битно обележје истиче регионализам:

„Отуда је један од важних видова регионализма постала употреба локалног говорног стила у дијалогу, који је опет био важан елеменат развијања приповетке и унутрашње структуре прозног дела уопште у овом књижевном периоду. Како је за реализам карактеристично да се писац спушта међу ниже друштвене слојеве то су се у уметничком дијалогу који воде људи из те средине, нешколовани и неуки у књижевном језику коме нису знали ни границе, морали развити дијалектизми, архаизми, варваризми, професионални жаргони и други облици одступања од књижевног језика, Вукове и вуковске књижевне норме. Међутим, једном освојена слобода није се задржала само у

границама дијалога него се ширила даље, прелазила у пишчеву наравију, његов опис и другде.”

1.4. Сремчева најзначајнија дела, као што је речено, везана су за три различите зоне: Ниш (*Зона Замфирова, Ивова слава, Гир Герас* и др.), за подручје западне Србије (*Букадин*) и Баната (*Поп Тира и поп Спира*). Његова пак дела могу да послуже као одлична илустрација изнетих тврдњи Д. Вученова јер су критичари истицали да писац веома верно преноси говор средине коју описује и да је у томе ненадмашан. Због тога је дело Ст. Сремца било често у жижи интересовања лингвиста, посебно дијалектолога. Међутим, највише је пажње било усмерено на дела из Нишког региона. Језик *Поп Тира и поп Спира* поређен је са данашњим говорима Војводине, првенствено Баната и Бачке; за домен лексике истиче се утицај немачког и мађарског језика који се по правилу не илуструје примерима, или пак са 3–4 примера (исп. Пецо 1995 и тамо наведену литературу).

1.5. Територија северног и средњег Баната и северне и средње Бачке је вишенационална, поред Срба и Хрвата на овом простору живе Мађари, Румуни и Словаци (подручје Баната), а до краја Другог светског рата на целом подручју били су бројни и Немци, што је погодновало развоју вишејезичности. Српска дијалектологија до данас располаже са малим бројем речника појединих народних говора. Речник српских народних говора Војводине обухватио је у четири изашла тома око половину слова азбуке (А–Љ), а рад на прикупљању грађе и њеној даљој обради траје.

1.6. Као што је истакнуто, Сремац је рођен у граду с већинским мађарским становништвом и у њему провео прве своје године живота. Овај период могао је бити довољан да он поред свога матерњег језика добро савлада и мађарски језик, чиме се може објаснити релативно велики број преузетих мађарских речи у његовом делу из војвођанске средине.

2.1. Списак мађаризама износи се азбучним редом. Свака реч се илуструје једним или са два примера, уз које се, у загарди, наводи страница са које је преузет. После примера следе потврде које смо налазили у одговарајућим речницима.

АЛДУМАШ м. р.

Купује коње успут и плаћа и пије *алдумаш* (207)¹

РМ-СХ: *áldomás* = алдомаш, алдумаш

РМС: *áldumáš* = алдомаш мац. Пиће које се пије при куповини или продаји

¹ Истицање речи у изнетом примеру је моје; у загради иза текста у коме се реч налази наводи се страница дела.

АМИШАГ м. р.

Да ви'ш *амишага* његова (355)

РСАНУ: *амишаг*, -ага м. (мац. *hamisság*) в. *хамишаг*

РМС: *хàмишаг*, -ага м. мац. покр. в. *амишиност*
амишиност, -ости, овде употребљено у значењу под 2. пре-
преденост, лукавост

АРЊЕВИ м. р. мн.

Коме требају кола с *арњевима*, – тај ме мора потражити (278);

Јербо, што је било кола с *арњевима* по селу, то је сада све на путу (278)

РСАНУ: *арњевима* м. мн. (мац. *ernud*) кров, заклон од асуре, платна или
прућа на сеоским или коморцијским колима

БАГОВ м. р.

Пишите да му шаљемо пет форината сребра да му се нађе [...] нека не пуши
багов к'о неки паор, нека пуши цигаре к'о његов штрајмештер (50)

РСАНУ: *багов*, *багова* м. (мац. *bagó*) значење наведено под 1.б. дуван
рђавог квалитета

БИРОВ м. р.

Није могло да прође без *биров* (29)

РСАНУ: *биров*, *бiрōва* (*бiрōв*, -ōvā и -ōvā) м. (мац. *bíró* = *судија*) са
значењем које се наводи под 3. заст. сеоски кнез или кмет
или под 4. покр. председник градске општине и њеног суда

БИСТОШ м. р.

Мила Кишбиров и Неца *бистош* јако се поносе што су били његови ђаци (29)

РСАНУ: *би Ћстош* м. (мац. *biztos*) полицајац, полицијски повереник

БОЈТАР м. р.

[...] или да слуша меланхоличног *бојтара* (164)

РСАНУ: *бōjtār*, -āра м. (мац. *bojtár*) покр. ист. помагач чувара стоке,
ист. бујтар

БОЈТАРОВ, -а, -о

Изгледа чулав и отрцан к'о *бојтарова* капа (164)

РСАНУ: *бојтáрōв*, -а, -о покр. који припада бојтару

БОЈТАРСКИ, -а, -о

Баш јој је приповедао [...] о [...] малим *бојтарским* платама (164)

РСАНУ: *бојтарскѣ, -а, -о* покр. који се односи на бојтара, који је као у бојтара

БОТУШЕ ж. р. мн.

[купили су] и *ботуше* за обе попадје (321);

и показа јој купљене *ботуше* (339)

РСАНУ: *бѡтуше, бѡтушѣ* ж. мн. (мац. *botos*), покр. варв., исп. значење под 2. собне ципеле од филца, врста патика

ВАРМЕЋА ж. р.

И славна *вармеђа* и сви га титулирају господин доктор Шандор (402)

РСАНУ: *вѣрмеђа* ж. (мац. *vártegye*) област у Угарској и нашим земљама под угарском влашћу

ГАЗДАШАГ м. р.

Ди би мој *газдашаг* био (173)

РМС: *газдѡшаг, -ага* м. мац. покр. в. *газдалук* (= *газдинство, имање*)

РМ-СХ: *gazdaság* = *газдинство, господарство*

ГАЊЕВИ м. р. мн.

Три камере сламе, камера *гањева*, шапурика (48)

РМС: *гањеви* м. мн. покр. комади горива припремљених од говеђег измета и сламе измешане и осушене

РСАНУ: *гѡњ, гѡња* м. (мн. *гѡњеви*) (мац. *gané*), ђубре, осушена говеђа балега помешана са сламом и исечена у облику цигле (која се употребљавала као гориво)

ДИСНОТОР м. р.

Дошло време свињских даћа (такозваних „*диснотора*”) (243)

РМС и РСАНУ: не потврђују ову реч, а

РМ-СХ: *disznótor* у преводу наводи значење 'клање свиња (у својој кући)'

ДОРОЦ м. р.

Сипи ситна киша и пробија сиротињски *дороц* (240)

РСАНУ: *дѡроц, -ѡца* м. (мац. *daróc*) покр. врста сукненог огртача, гуњ

ЋИЛКОШ м. р.

Чувао се ноћу и од сеоских *ћилкоша* (32)

РСАНУ: *ђи Ђлкош* м. (мац. *gyilkos* = убица), (често погрдно) нерадник, размажени сеоски или маловрашки гиздавац, кицош, наметљивац

ИРОШ м. р.

Ал' и јесам био *ирош* [...] Нисам се, што кажу, бој'о ни једног бачког *ироша* ни пушћо га испред себе (300)

РСАНУ: *ирош* м. (мац. *híres*) покр. 1. онај који воли да се дотерује, кити, кицош, гиздавац, мангуп, лола

ИРОШИТИ СЕ, -им се

[...] *ироше се* јер хоће да привуку девојке (8)

РМС: *ирошити се, -им се* несврш. покр. носити се и понашати као ирош, кицошити се, гиздати се

ИРОШКИ, -а, -о

Носи *ирошку* пошу (36)

РМС: *ирошкѝ, -а̃, -о̃* који се односи на ироша, који је као у ироша

ИРОШКИ, прил.

Хааа! Викну Рада на коње и пуче *ирошки* бичем преко њих (419)

РСАНУ: *ирошки* прил. као ирош, кицошки

ИШПАНОВ, -а, -о

То је била *ишпанова* жена (17)

РМС и РСАНУ: не наводе придев, вен само именицу *ištān, -ана* м. (мац. *is-rán*) заст. покр. надгледник, надстојник на властелинском или спахијском имању

ЈАРОШ м. р.

А изветрило је то чим сам изиш'о на *јарош* (121)

РСАНУ: *јарош* м. (мац. *járás* = ледина) општински пашњак, паша, пасиште; поље, пољана

ЈАРОШКИ, -а, -о

С тигли су на *јарошки* пут (121)

РСАНУ: *јарошки, -а, -о* који се односи на јарош, који припада јарошу

КИШБИРОВ м. р.

Мила *кишбиров* и Неца бистош поносе [се] што су били његови ђаци (29)

РСАНУ: ки Ћшбирѡв (кишбирѡв), -ѡва и -ѡва м. (мац. *kisbíró* = мали судија) варв. покр. нижи општински служебник

КУРУЦ м. р.

[...] приповедало се за њ, да је био наизменце час у рукама Ракоцијевих куруца а час га преотимали Монастирлијеви Срби (336)

РМС: ку Ћруц м. ист. сељачки устаник у Маџарској у 16. и 17. веку

ЛОЋКА ж. р.

Ту је требала да буде, па да види лоћка једна како се жали супруг и муж (377)

РСАНУ: лоћка ж. в. лоћа

лоћа ж. (према мађ. *lotyó*) покр. погрд. а. женска особа недостојног понашања, неморална жена, неваљалица, блудница

НЕМЕШ м. р.

Та обешелеаци сте ви сви, кол'ко вас је гођ! *Немеш* вам требају, *немеш*! (273)

РСАНУ: не Ћмеш м. (мац. *netes*) ист. и покр. племић, припадник племићког staleжа

НЕМЕШАГ м. р.

Прве године, као млад попа, заборавивши свој *немешаг* па чак и чин, умешао се међу ону гомилу, која обично салета кумова кола, па се дере: „Куме, изгоре ти кеса!” (12)

РСАНУ: не Ћмешаг м. (мађ. *netesség*) покр. племићко звање, племство

НЕМЕШКИ, -а, -о

Спира је био из паорске, али *немечке* куће (50)

РСАНУ: *нѣмешкѣ*, -а, -ѡ који припада невешима, племићима, који се односи на немеше, племићки, уопште својствен вишим друштвеним слојевима

Овде: богатији, имућнији свет

ПАЈТАШ м. р.

Те још какви смо *пајташи* и пријатељи били (280);

[...] да се променим сас оним мојим *пајташом* и колегом (172)

РМС: *пajdāš*, -āша м. мац. = *пајташ*, друг, пријатељ

РМ-СХ: *pajtás* = друг(ар)

ПЕРЗЕКУТОВИЦА ж. р.

госпоја *перзекутовица* (64)

Овде: перзекуторова жена (в. *перзекутор*)

ПЕРЗЕКУТОР м. р.

А кол'ко да испечем кожурице, *перзекуторе* мој – пита као Савка (175)

У мађарском етимолошком речнику (Бенке) за реч *perzekutor* наводе се два значења: 1. *üldöző* (нем. *Verfolgen*) према лат. *persecutor*, у значењу 'прогонитељ (хришћанства)', 2. оптужитељ, тужилац

Обе наведене речи (*перзекутовица* и *перзекутор*) доводе се у везу с значењем под 2: жена тужиоца (функција у суду) односно 'прогонитељ'

ПОРТ у сложеном изразу ТИСА-ПОРТ м. р.

Тиса-порт т.ј. обала Тисе; управо онај крај вароши што је крај Тисе, крај обично Мађарима насељен, у коме је према томе, следователно, ноћу много живље него дању (181)

Ово је пишчев превод дат у напомени испод текста.

Исп. РМ-СХ: *part* = обала

РАДАШ м. р.

То је као *радаш* добио (172)

РМС: *râdău* м. заст. б. оно што се добија као поклон уз купљену робу

РМ-СХ: *rădădă* = додатак

РАЦ м. р.

То су све били *Раџи* (43)

РМС: *Râci, Râci* м. мац. (из лат.) погрдан мађарски назив за Србина

РАЦКИ, -а, -о

[...] па тек моле Бога за *рацко* спокој душе (417)

РМС: *răci, Râci*, -ă, -o који се односи на Раце, који припада Рацима

РИФ м. р.

А пошто *риф*? (реч је о тканини, *J. J.*) (195)

РМС: *riif, riifa* м. мац. стара мера за дужину од око 75 см. – ист. аршин, лакат

РОЈТАШКИ, -а, -о

Ал', 'оћете л' неку од они' иза певнице, ил' ћете неку онако с рогља, онако што ми кажемо *ројташку* (реч је о песми, *J. J.*) (415)

Реч се доводи у вези с именицом *ројта*.

РМС: *rôjta* ж. мац. реса као украс, кићанка

РМ-СХ: *rojt* = с *ројтама*, излизан, отрцан

Овде у пренесеном значењу: слободнијег (бећарског) садржаја и мелодије

СОЛГАБИРОВ м. р.

Неки *солгабирови* са зашиљеним и трговци са уфитиљеним брковима (112)

РМС: *солгабиров, -ова* и *солгабирѡв, -ѡва* м. мађ. срески, општински начелник

РМ-СХ: *szolga* = слуга, *служитељ*; *bíró* = судија, *судац*

СОЛГИН, -а, -о

[...] ко ја има *солгину* плаћу (170)

Овде: *солгабировљево*, ону која припада солгабирову

ТЕЛШАСОЊКА, ж. р.

Поздрави ти, каже, твоју милостиву *тејшасоњку* (181)

РМ-СХ: *tejesasszony* = *млекарица*

ТОЦКИ, -а, -о

Одскита [...] за неким *тоцким* уланерским филером (253)

РМС: *то Ћтски, -а, -о* који се односи на Тотове и Тотице, који припада Тоту и Тотици, словачки

РМС: *Тѡт, Тѡта* м. (мн. *Тѡтови*) мађарски погрдан назив за Словачке

ФИЛЕР м. р.

Одскакутала [...] за неким тотским уланерским *филером* (253)

РМ-СХ: *fillér* = *filir*, *нема ни филира* = *нема ни пребијене ларе*

Овде: (пренесено значење) *сиромах*, човек без новца

ЧИКОШ м. р.

[...] *чикоши* из Бачке (278)

РМС: *чѣкош, -оша* м. *коњушар, коњар*

РМ-СХ: *csikós* = *коњар, коњушар*

ШОГОР м. р.

Први се појавио *шогор* (193)

РМС: *шѡгор* м. мац.-нем. женин брат, шурак, муж женине сестре пашеног, сестрин муж, зет

РМ-СХ: *sógor* = *шурак, шура, шурјак, зет*

ШОР м. р.

Јаој! иако сте тек у другом *шору* (51)

РМС: *шѡр, шѡра* м. (мн. *шѡрови*) мац. улица

РМ-СХ: *sor* = 1. *ред, врста*; (улица), *шор*

ШТРАЖМЕШТЕР м. р.

[...] нека пуши цигаре к'о и његов *штражмештер* (34)

РМС: *стражмештар*, -*штра* м. заст. по рангу највиши подофицир
у бившој аустро-угарској војсци, наредник

РМ-СХ: *strázsál* = *чувати*; *mester* = *мајстор*

3. Број мађаризама у Сремчевом делу знатно је већи. У складу с опредељењем да издвојимо лексеме које речници српског (српско-хрватског) третирају као нестандартне, са списка су изозстале све речи које су пореклом из мађарског језика а у изворима које смо консултовали оне нису тако окарактерисане, као: *варош* (*város*), *варошица*, *варошки*, *варошанин*, *варошанка*, *газда* (*gazda*), *газдарица*, *газдовати*, *газдалук*, *кочије* (*kocsi*), *кочијаш*, *кочијашити*, *кочијашки*, *чарда* (*csárda*), *рагастов* (*ragaszt*) итд.

У речнику народних говора Војводине (исп. РСГВ) нису потврђене следеће лексеме: *куруц*; Сремчев облик *ботушке* у РСГВ има и нешто другачије значење: навлаке за чизме од тканине или овчије коже; значење именице *лоћка* које се наводи у РСГВ ('бекрија') није у складу са значењем које има код Сремца.

4.1. Речи из мађарског језика само су изузетно преузимање у изборном облику, него је, по правилу, вршена фонолошка и морфолошка адаптација. И значење преузете речи понекад не одговара у потпуности – било да се преузима једно (или више) значење изворника, а не сва значења; понекад се значење модификује и у српском језику: преузета реч добија нешто другачије или потпуно друго значење. Списак речи који је изложен сасвим довољно илуструје ову тврдњу.

4.2. На фонолошком нивоу најбитнија адаптација извршена је у домену прозодије. Насупрот сложену српском прозодијском систему (квалитативе и квантитативне разлике акцендованих слогова и квантитативне разлике неакцендованих слогова), мађарски језик не познаје наведене дистинкције. Све речи преузете из мађарског језика у српском добијају ова битна обележја (исп. наведене примере).

„Мађарски вокализам је доста различит од нашег (српског, *J. J.*) и разуђенији јер има вокале *ö* и *ü*, а дужина и краткоћа слогова доста утиче на боју вокала *A* и *E*. Наиме, *A* је слично изговору нашег дугог *a*, док је *A* по изговору између *a* и *o*. *É* је затвореније, а *E* је отвореније од нашег *e*. Ипак то не доводи до неких проблема и недоумица, иако се нашом упрошћеном транскрипцијом затиру неке битне изворне разлике.”

И даље: „Консонантизам је, међутим, сличан нашем и може се преносити у наше писање; једини донекле условни поступак је што за мађ. *LY* примењујемо традиционалну замену *љ* сагласно некадашњем изговору који

се чува у дијалектима – иако је данашњи стандардни изговор ј” (Правопис: 221).²

Све примере које смо навели у складу су с правилима и препорукама која се дају у наведеном приручнику.

4.3. На морфолошком плану такође су извршене одређене адаптације преузетих речи. Будући да српски језик разликује род, што изостаје у мађарском, и да спада у групу флексивних језика, насупротив аглутативном мађарском језику, приликом преузимања речи требало је на првом месту решити ова битна обележја српског језика.

Именице *вармеђа* (*vármege*) и *ројта* (*rojt*) у свом изворном облику (*вармеђе*, *ројт*) не укључују се ни у једну од постојећих промена именица ж. р. у српском језику. Форме *вармеђ-а* и *ројт-а* прикључују се именицама страног порекла као *контрола*, *централа*, *цензура* и сл. које су образоване наставком *-а* у ном. јд. и тако се прикључују најбројнијој промени именица женског рода (Клајн 2003: 17).

Именице *асоњка* (*asszony*) у композити *тејшасоњка* (*tejesasszony*) и *лоћка* (*lotyó*) такође су образоване у духу српског језика јер је *-ка* један од најзначајнијих именичких суфикса у словенским језицима; у српском језику његова употреба је нешто ужа него у источним и западним словенским језицима пошто је изгубио значење деминутивности (Клајн 2003: 131). Дакле, *асоњка* и *лоћка* прикључују се најбројнијим именицама ж. р. *-а* деklinације.

Именице *багов* (*bagó*), *биров* (*bíró*), *солгабиров* (*szolga + bíró*) двоструко се везују за мађарски језик: „Суфикс *-ов* је по Скоку од мац. партиципа на *-о*, из мађаризма као *лопов*, *ашов* пренет на домаће именичке, придевске, заменичке и глаголске основе” (Клајн 2003: 176).

У именици *арњеви* (*ernyő*), која се у српском употребљава у облицима множине, примењено је правило по коме знатан број именица м. р. с једносложном основом (и ређе с вишесложном) са завршетком на сугласник у ном. јд. проширују своју основу наставцима *-ов/-ев-* (Стевановић 1964: 198).

5.1. Језик Сремчевог дела *Поп Ђура и поп Спира* може се у целини окарактерисати као „урбани дијалекат”. Наиме, језик личности, али у одређеној мери и самог писца, представља мешавину стандардног израза, дијалекта и особина којима се одликује говор описане средине. Ове последње особитости представљају првенствено позајмљенице из немачког (највећи број) и мађарског (нешто мањи број) језика. Присуство страних лексема сасвим је разумљиво у вишениационалној па према томе и вишејезичној средини, што је писац успешно користио у обликовању свога дела, тј. у реалистичком приказу средине коју је описивао.

² На стр. 222–224 исп. писање свих гласова (гласовних група) мађарског језика у српском језику.

5.2. Пишући овај рад имао сам на уму два задатака: први, да илуструјем констатације дијалектолога које обично гласе: „у лексици је присутан мањи/већи број речи из мађарског језика” (уз редовно изостајање потврда) и, друго, да подстакнем појединце из тзв. мешовитих српско-мађарских средина да допуне списак који сам изнео.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенке – *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára III.* Főszerk.: Benkő Loránd. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976.
- Вученов, Д. 1965, Регионалност у епохи српског реализма. *Прилози за књижевност, језик историју и фолклор*, књ. 31. Београд, 205–228.
- Деретић, Ј. 1985, *Историја српске књижевности*. Београд.
- Енциклопедија – *Енциклопедија Југославије 7.* Zagreb, 1968.
- Клајн, И. 2003, *Творба речи у савременом српском језику*. Београд.
- Пецо, А. 1995, Сремац као дијалектолог. *Јужнословенски филолог* LI. Београд, 247–259.
- Правопис – *Правопис српскога језика*. Приредили: Пешикан, М. – Јерковић, Ј. – Пижурица, М. Нови Сад: Матица српска, 1993.
- РМС – *Речник српскохрватског књижевног језика I–III*. Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска, 1967–1969; *IV–VI*. Нови Сад: Матица српска, 1971–1976.
- РМ-СХ – Hadrovics, L. *Magyar-szerbhorvát szótár*. Budapest: Terra, 1973.
- РСАНУ – *Речник српскохрватског књижевног и народног језика 1–16 (А–одврзавати)*. Београд, 1959–2001.
- РСГВ – *Речник српских говора Војводине 1–4 (А–Љ)*. Нови Сад: Матица српска, 2000–2004.
- Стевановић, М. 1964, *Савремени српскохрватски језик: Фонетика. Морфологија*. Београд.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПРАВОПИСАНИЕМ МАРИЯПОВЧАНСКОГО КОДЕКСА

Михай Кочиш

(Kocsis Mihály, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
kocsism@lit.u-szeged.hu)

Марияповчанский кодекс (в дальнейшем: МК) представляет собой церковнославянский манускрипт, хранящийся в отделе рукописей Университетской и Национальной библиотеки Дебреценского университета под шифром Ms 106/15. МК получил свое название от Юлианны Пандур, впервые описавшей его важнейшие палеографические особенности (Pandur 1982).¹ Этот памятник, по своему составу и сегодняшнему месту хранения, известен и под другими названиями: Марияповчанский сборник (Пандур 1983; Янакиева 1996), Дебреценский или Марияповчанский сборник (Павлова 1994).

МК состоит из 185 листов в четверть, и он является работой одного переписчика (Pandur 1998: 135). По мнению Ю. Пандур, все три водяных знака, обнаруженных ею на бумагах МК, указывают на то, что интересующий нас кодекс возник в XVI в. (Pandur 1982: 137). Говоря о датировке рукописи, Цветанка Янакиева, однако, не исключает и начала XVII в. (Янакиева 1996: 67). Оба исследователя придерживаются того мнения, что в языке МК заметны черты украинского языка, что объясняется местом его возникновения (Pandur 1982: 138; Яналиева 1996: 68–69 – последняя публикация очень тщательно рассматривает и эти украинизмы). Но что касается орфографических особенностей текста, они характерны для среднеболгарской редакции церковнославянского языка, а именно – для тырновской школы. Их необходимо считать влиянием протографа (Pandur 1982: 138; Pandur 1998: 135).

Цель настоящей работы – описание главнейших правописных особенностей МК. Нами были выбраны два отрывка – по одному из двух частей рукописи (о составе МК см. Pandur 1998). Они читаются на лл. 37об–44об и 154об–159а. Нами отдельно будут сгруппированы тождественные и расходящиеся в этих двух отрывках черты правописания.

¹ Автор выражает искреннюю благодарность коллеге Юлианне Пандур за оказанную ею помощь в работе над рукописью. Исследование проводилось при поддержке венгерского научно-исследовательского фонда ОТКА (номер проекта: К 62286).

1. Правописные особенности, которые в тексте двух отрывков одинаковы

1.1. Обозначение континуантов редуцированных звуков, за исключением конца слова, похоже:

В предлогах и приставках то пишется буква *ъ* (и независимо от сильной или слабой позиции бывшего звука), то она опускается: въ *имѣ* 38а, възлюбленныи 38а, къ боу 38а, сътвори*и* 38а, въ мирѣ 38об, съборѣ 38об, вънегда 39об, въкжѣи 39об, съ крѣты 41а и др. — всего 91 раз и въвѣки 155об, въ ювѣ 155об, къ ѿцю 155об, възвесели*и* 156а, съ аглы 156а, съгрьши*у* 158а, съ вѣми 158об и др. — всего 43 раза; в не*и* 38а, с неѣ 38а, к ним 39а, внегда 40а, казаніе*и* 40а и др. — всего 15 раз и в не*ди* 154об, съѣте 156а, с радости 157об, к немюу 158а, смиреніе*и* 158об и др. — всего 10 раз. Вокализация отражается только 1 раз: въ ю*и*минце*у* 42а.

В корне *вы-*, как правило, буква прежнего гласного не пишется: *ви*н. ед. ж. р. 37об, *вѣ*л *ви*н. мн. м. р. 37об, по *вѣ*н дат. ед. ж. р. 40об, *вѣ*го род. ед. с. р. 41а, *ви*н им. мн. м. р. 42об, *вѣ*м дат. мн. 43а и др. — всего 10 раз, а также *вѣ*лкомоу 38а, *вѣ*лкѣ 38об, 42а (2х) и *вѣ*гды 43об, 44а (2х); *вѣ*л им. мн. с. р. 156об, съ *вѣ*ми 158об, *вѣ*л *ви*н. мн. с. р. 158об и др. — всего 10 раз. Исключения составляют следующие слова, написанные, имея в виду слабую позицию, через букву *ѣ*: *въ*сѣ*ѣ*тныи 39а, *вѣ*н им. мн. м. р. 159а. В сильной же позиции единственным примером является форма *оу*вѣ*ѣ* *ви*н. ед. м. р. 159а, которая, по своему фонетическому облику, представляет собой украинизм.

На месте праславянских звукосочетаний **tьrt*, **tьlt*, **tьrt*, **tьlt* между двумя согласными буквами чаще всего читаются *ръ*, *лз*: *ни*п*л*з*н*ити 37об, *ѿ*в*л*з*л*шасѣ 38а, *дрз*новеніе 38а, *длз*жи 38об, *жрз*твоу 39а, *рцз*р*л*з*л* 39об, *вѣ*р*л*з*л*же 39об, *грз*тань 39об, *ни*п*л*з*л* 39об, *врз*хоу 40об, *прз*воу 41об, *оу*м*л*з*л*а (так!) 43а, *крз*мити 43об, *трз*п*л* 43об и др. — всего 22 раза; *ми*р*л*др*л*жаніе 155а, *прз*воу 156а, *прз*г*л*т*л*нь 156а, *трз*п*л*це 156а, *прз*и 158а, *скв*р*л*зыи 158а, *жрз*тв*л*ж 158об и др. — всего 12 раз. В некоторых формах наблюдаются и сочетания букв *ор*, *ел*, *ол*, даже *ер*: *ни*п*л*з*л* 38об, *мол*ва 42а, *корм*л*л*ше 43об и *невз*д*л*ержаніе*и* 154об — всего 4 раза; *пер*ыть 39об (2х) — всего 2 раза.

Континуанты праславянских **trьt*, **tьlt*, **trьt*, **tьlt* представлены малочисленными примерами: въ *плз*т 38об, *крз*т*л*л 38об и *слз*ы 158а — всего 3 раза; *крз*т*л* 40а и, быть может, ѿ *хрз*т*л*нъ 41об — всего 2 раза.

1.2. Переписчик употребляет оба юса.

Юс малый часто читается и на месте **ѣ*, и на месте **'а*, **'ја*: *хот*л им. ед. м. р. 37об, *зѣ*р*л*т 3 л. мн. 38а, въ *имѣ* 38а, *глад*еть 38б, *слав*ныи род. ед. ж. р. 39а, *издѣ*л*л*т*и* 40а, *зѣ*в*л*ныи *ви*н. мн. м. р. 40а, *кж*л*л*ціи*и* 41а, *гла*з*л* 41об, по *прѣ*л*л*т*и* 41об, *пл*л им. мн. 42а, *штѣ*л*л*тъ 43а и др. — всего 83 раза и *имѣ*л им. ед. м. р. 154об, *хотѣ*л*л*у 154об, *творѣ*л*л* 3 л. мн. 155а, *тол* род. ед. ж. р. 155а, *мѣ*л *ви*н. 155об, *шѣ*л*л* 155об, *дѣ*л*л*т*л* 156об, *л* *ви*н. мн. м. р. 156об и др. — всего 59 раз;

1.3. После к, г, х наблюдаются буквы ы и, чаще, и (і): *иденскыа* вин. мн. м. р. 37об, *роуки* род. ед. 39а, 40а, 41об, *црѣкый* вин. ед. м. р. 39а, *великыи* им. ед. м. р. 41а, а также *многы* род. мн. 40об и *многы* вин. мн. ж. р. 43об – всего 8 раз и *проуки* вин. мн. 154об, *праведники* вин. мн. 156об, 157а, *грьшники* вин. мн. 157а, *възвѣки* 157об, *кыи* дат. мн. 158об, а также *грьхы* тв. мн. 155об – всего 7 раз; *паки* 39а, *нѣкѣи* им. ед. м. р. 39а, *келѣи* им. ед. м. р. 41а, *житенскими* тв. мн. 43а и др., а также *изгнѣтисѣ* 40а, *многѣи* дат. мн. 40а, *моуи* им. мн. 40об, *дрогни* им. ед. м. р. 43об, а также *грьхи* вин. мн. 37об, *въ антихри* 39а, *хитрѣи* 43об – всего 19 раз и *рѣки* им. мн. 154об, *възвѣки* 155об, *паки* 156об, *языки* вин. мн. 156об, *аки* 157а и др., а также *погнѣнѣт* 155а, *сапоги* вин. мн. 156а, *многѣа* вин. мн. м. р. 156об и др., а также *грьхи* вин. мн. 157а, *дѣи* вин. мн. 158об, *къ архисереи* 158об – всего 21 раз.

1.4. Из греческих букв, омега представлена в большом количестве. Она наблюдается:

- в начале слова, в морфемах *ω(-)*, *ωѣ-*, *ѡ(-)*: *ω краѣни* 37об, *ѡ нихъ* 37об, *ωчитити* 37об, *ωѣрѣзаніе* 38а, *ωѣземъ* 39а, *ωтроковница* 39об, *ωѣчѣи* 40а, *ѡто-лѣ* 41об, *ωпоиство* 42а и др. – всего 57 раз и *ω покаяніи* 154об, *ωстоупи* 154об, *ѡиде* 155а, *ѡ телеи* 155а, *ωѣлѣт* 155об, *ωѣлещи* 156а, *ωдежи* 156а и др. – всего 41 раз;
- в начале других (и не иностранных) слов: *ωни* 38об, *ѡцѣ* 39об, *ωвогда* 40а, *ωгнь* 40об, *ωвы* 40об и др. – всего 21 раз и *ωче* 154об, *ѡцѣ* 154об, *ѡца* 155об и т.д. – всего 11 раз;
- в междометии *ω* 42об и *ω* 158об;
- в иностранных словах: *къ ѡшаноу* 37об, *въ антихри* 39а, *пишѣи* 40об, *иѡда* 41а, *ѡѡфѣл* (так!) 41об, *иѡѣлѣ* 42а и др. – всего 12 раз;
- в окончаниях тв. ед. и дат. мн. падежей имен: *ѣ гнѣхѣи* и *трепетѣи* 38а, *праздникѣи* дат. мн. 39а, *хриѣи* дат. мн. 40а, *ѣкѣи* дат. мн. (?) 42а, *пѣ-нѣтѣи* тв. ед. 43а, *ѣ гнѣхѣи* 43об – всего 7 раз и *дѣлѣи* 155а дат. мн. – всего 1 раз;
- в прочих примерах: *оуѡдѣлѣ* 38а, *прѣисѡдѣлѣ* 40об (2х), *ω ремеслѣи* 43об – всего 4 раза.

Буква же *ѣ* – за исключением случаев обозначения чисел – читается довольно редко: *ѣи* 39а, 39об, *ѣи* 39об; *ѣи* им. мн. 40об, по *ѣѣ* 43об; *за-ѣи* 42а – всего 6 раз и *ѣло* 154об, *трапѣѣ* дат. ед. 158а, 159а, на *ноѣ* вин. дв. 158об, *ѣи* 158об – всего 5 раз.

1.5. «Новые» кириллические буквы (ѣ, ѣ, ѣ):

ѣ широкое наблюдается в начале слова или слога. В абсолютном начале слова данная буква употребляется немного чаще: *ѣ* 3 л. ед. 37об, 38а (2х), 38об (3х) и т.д., а также *ѣ* 3 л. ед. 43а, *ѣ* 38а, *ѣ* 2 л. мн. 38об, *ѣ* (притяжательное местоимение) 39а, *ѣи* 39а, *ѣ* 40об, *ѣ* 44а, *ѣ* вин. ед.

м. р. 44а и др. – всего 24 раза и *ѣ* 3 л. ед. 154об, *ѣ*ть 3 л. ед. 154об, *ѣ*гда 155об, *ѣ*моу 155об, *ѣ*го (притяжательное местоимение) 156а, *ѣ*рен 156а, *ѣ*вѣликаго 156а, *ѣ*гоже род. ед. м. р. 156а, *ѣ*н 2 л. ед. 156об, *ѣ*же ин. ед. с. р. 158об, *ѣ*же тв. ед. ж. р. 158об и др. – всего 30 раз; *ѣ*ѣ 38а, *ѣ*ниманіе 40а, *ѣ*нопитіе 43а, *ѣ*воего 43об – всего 4 раза и *ѣ*рѣѣ 156об, *ѣ*сточаемо 1 л. мн. 157а, *ѣ*вое вин. ед. с. р. 157а, *ѣ*воего род. ед. с. р. 157об, *ѣ*воего род. ед. м. р. 158а, *ѣ*мираема 158об, *ѣ* архіереи дат. мн. 158об и др. – всего 22 раза.

Буква *ѣ* в обоих отрывках читается одинаково редко: *ѣ* вин. ед. м. р. 39об, 41об, *ѣ*зѣн 39об, по *ѣ*рѣтїи 41об – всего 4 раза и *ѣ* вин. ед. м. р. 156а (3х), *ѣ*н род. ед. 156а, *ѣ*н *‘Илія’* род. или дат. 156об – всего 5 раз. Необходимо еще добавить то, что данная буква в первом отрывке имеет облик *ѣ*.

В употреблении буквы *ѣ* выбранные для анализа части текста резко отличаются.

1.6. Остальные особенности правописания – следующие.

Звук *і* перед согласными, как правило, передается буквой *и*. Единственное исключение составляет форма *ѣ*мїи 39а. Но и также часто наблюдается перед йотированными и нейотированными буквами гласных: *антїи* 39а, *ѣ*мїи 39об, *ѣ*зѣнїе 40а, *ѣ*зѣнїи 40а, *ѣ*зѣнїи 43об и др. – всего 24 раза и *ѣ*зѣнїи 154об, *ѣ*зѣнїи 154об, *ѣ*зѣнїи 154об, *ѣ*зѣнїи 155а, *ѣ*зѣнїи 156а и др. – всего 24 раза.

Написание буквы *ѣ* вместо *ѣ*, в первую очередь, в формах с метатезой, является одной из характерных особенностей церковнославянской орфографии. Подобные примеры встречаются в обоих отрывках: *ѣ*дїи 38а, *ѣ*зѣнїи 38а, *ѣ*зѣнїи 40а, *ѣ*зѣнїи 42об, *ѣ*зѣнїи 43а и др. – всего 17 раз и *ѣ*дїи 155об, *ѣ*дїи 158а, *ѣ*зѣнїи 156а, *ѣ*зѣнїи 158а, *ѣ*зѣнїи 157об, *ѣ*зѣнїи 157об, *ѣ*зѣнїи 158об – всего 7 раз.

Отсутствие обозначения интервокального *і* представлено лишь единичными примерами: *ѣ*зѣнїи 37об, *ѣ*зѣнїи 43а и, может быть, *ѣ*зѣнїи 156об, 157об.

Сочетания букв *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* внутри слова (вместо *ѣ*, *ѣ*, *ѣ*) переписчиком никогда не пишутся.

2. Правописные особенности, различающиеся в тексте двух отрывков

2.1. Конечный этимологический редуцированный – в обеих частях рукописи – передается, в большинстве примеров, через букву *ѣ*: *ѣ*нїи 37об, *ѣ*зѣнїи 1 л. мн. 38а, *ѣ*нїи 38об, *ѣ*зѣнїи 39а, *ѣ*зѣнїи 39а, *ѣ*зѣнїи 39об, *ѣ*зѣнїи 40об, *ѣ*зѣнїи 40об, *ѣ*зѣнїи 41а, *ѣ*зѣнїи 41а, *ѣ*зѣнїи дат. мн. 41об, *ѣ*зѣнїи 42об и др. и *ѣ*нїи 154об, *ѣ*нїи 154об, *ѣ*зѣнїи им. ед. м. р. 154об, *ѣ*зѣнїи 156об, *ѣ*зѣнїи род. мн. 157а, *ѣ*зѣнїи словесъ род. мн. 157а, *ѣ*зѣнїи род. мн. 157об и др. Это же са-

мое окончание пишется, даже без исключения, в конце глагольных форм 3 л. ед. и мн. чисел настоящего и простого будущего времен (1 раз – аориста): *гѣеть* 37об, *прѣбываетъ* 38а, *нпѡвѣтъ* 38об, *юуѣтъ* 38об, *пѣтъ* 41об, *шѣннѣеть* 42а, *бываѣтъ* 42а, *нменѣтъ* 43а, *ѣтъ* 43а, *штѣгѣтъ* 43а, *вѣтъ* 44а и др., а также *ѣтъ* 154об, *гѣтъ* 156об, 158об.

Однако в первом отрывке несколько слов на письме оканчивается на -ѣ: *ѣъ* 37об, 40об(2х), 44а (2х) и *ѣъ* 38об, *нъ* 37об, 38а, *тъ* 38а, *хъ* 40а, *иѣъ* 'Иов' 42об, *дѣъ* 43а – всего 12 раз. Во втором отрывке данное окончание обнаружено лишь у слова *богъ*: *ѣъ* 154об (2х), 156об, 157об и *ѣъ* 154об.

2.2. Буква *й* употребляется только в первой анализируемой части: *вѣдѣй* им. ед. м. р. 37об, *прѣидѣ* 38а, *бѣй* вин. ед. м. р. 38об, *цѣй* вин. ед. м. р. 39а, *ѣй* им. ед. 39а, 39об – всего 6 раз. Эта буква, которой во второй части нет, пишется вместо *и* в конце слога.

3. Заключение

В орфографии МК четко наблюдаются характерные черты правописания поевфимиевского периода. Оно проявляется:

- * в употреблении еров (за исключением способа обозначения конца слова в первом отрывке);
- * в написании греческих букв, в первую очередь, омеги;
- * в применении *ѣ* широкого.

Явление мены юсов отражается, наоборот, весьма редко; *и* часто пишется перед гласными буквами, а также в тексте употреблены «новые» буквы *й* и *ѣ*.

Заслуживает внимания и тот факт, что, с точки зрения правописания, в двух анализируемых частях МК есть и значительные расхождения. Мы имеем в виду частое написание знака *ъ* в позиции конца слова, а также употребление буквы *й*. Эти черты характерны для первого отрывка МК. Вопреки всему этому, у нас нет достаточно доказательств прийти к предположению, что две рассмотренные нами части МК были бы переписаны одним и тем же писцом с разных протографов, что было бы совсем неожиданно у памятника, представляющего собой, по своему содержанию, сборник (Kacziba 1999: 113).

ЛИТЕРАТУРА

Павлова, Р. 1994, *Петър Черноризец: Старобългарски писател от X век*. София (Кирило-Методиевски студии 9).

- Пандур, Ю. 1983, Среднобългарски черти в Мариапоченския Сборник. *Slavica* XIX. Debrecen, 5–8.
- Янакиева, Ц. 1996, Съчинения на свети Климент Охридски в Мариапоченския сборник от библиотеката на Дебрецения университет. *Медиевистични изследвания в памет на Пејо Димитров*. Шумен, 67–73.
- Kacziba, Á. 1999, *Budimpeštanski rukopis Hristofora Račanina: Sadržaj, paleografski opis i pravopis*. Szeged.
- Pandur, J. 1982, XVI. századi egyházi szláv kézirat a Debreceni Egyetemi Könyvtárban: A Máriapócsi kódex. *Könyv és Könyvtár* XIII. Debrecen, 137–147.
- Pandur, J. 1998, A Máriapócsi kódex szerkezetéről. *Könyv és Könyvtár* XX. Debrecen, 135–149.

ZUR DISKUSSION ÜBER DIE DELIMITATIVEN UND DIE PERDURATIVEN VERBEN

József Krékits

(Krékits József, H-6800 Hódmezővásárhely, Szivárvány u. 25.)

Im Jahre 2001 erschien das Buch von M. J. Glovinskaja, das einen vielsprechenden Titel trägt: „Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола“ (Гловинская 2001). Anlässlich der Untersuchung der delimitativen und der perdurativen Aktionsarten hebt sie hervor, daß die delimitativen Verben eine Handlung von geringer Zeitdauer ausdrücken: „Приставка *по-*привносит в значение глаголов этого способа действия представление о недолгой длительности: ср. возможность *недолго (немного) поспал, побегал, походил* и затрудненность или даже невозможность **долго поспал, пожил* и т.д. Случаи *довольно долго поговорил с ним* (Л. Толстой) или *поживя долго безвыездно в Москве...* (Л. Толстой) воспринимаются как отклоняющиеся от нормы“ (Ebenda, 123–124). Anders spricht O. P. Rassudova davon. Sie behauptet, daß die Delimitativa nicht nur eine kurzzeitige, sondern auch eine langandauernde Handlung auszudrücken imstande sind (Рассудова 1968: 127). In dieser Hinsicht stimme ich der Behauptung von Rassudova völlig zu, aber davon, wie diese Feststellung die Bedeutung des Verbs beeinflußt, sagt sie leider kein einziges Wort.

Um die prototypische Bedeutung der delimitativen Verben zu bestimmen, soll man die peripheren Bedeutungen von der prototypischen Bedeutung unterscheiden, d.h. die peripheren Bedeutungen der delimitativen Verben sind von der prototypischen Bedeutung abzugrenzen. Die typischsten Bedeutungen, d.h. die Bedeutungen, die am öftersten vorkommen, nennt man prototypische Bedeutungen, die anderen, die seltener, – periphere Bedeutungen.

Sehen wir mal an, wie sich die delimitativen Verben in dieser Hinsicht verhalten. Bevor wir uns an die Untersuchung der Bedeutungen daranmachen, erachten wir es für nötig, etwas über die Herausbildung dieser Verbalgruppe zu sagen. P. S. Sigalov tritt gegen diejenigen Linguisten auf, die behaupten, daß sich das Präfix *po-* der delimitativen Verba aus einer lokalen Bedeutung entfaltete. Er ist der Meinung, daß das resultative Präfix *po-* von den Temporalbestimmungen infiziert wurde: indem die resultative Bedeutung dem Präfix *po-* durch die Temporalbestimmungen entzogen wurde, impften sie ihm eine zeitliche Bedeutung ein (Сигалов 1978: 56). Die Voraussetzung von M. A. Scheljakin steht uns näher. Nach I. Nemeč zieht er die Schlußfolgerung, daß das Präfix *po-* die diminutive Bedeutung aus der lokalen Bedeutung entwickelte: „Значение пространствен-

ной близости и его варианты легко развиваются в **деминутивное значение**“ (Hervorhebung von mir – J. K.) (Шелякин 1969: 70). Es unterliegt keinem Zweifel, daß die Bedeutung der Delimitativa durch die Temporalbestimmungen nicht wenig infiziert wurde, aber nicht in solchem Maße, um dem Präfix *po-* die diminutive Bedeutung vollkommen zu entziehen. S. Karcevski macht uns auf die überaus abstrakte Bedeutung des Präfixes der delimitativen Verben aufmerksam: „*po-* atténuatif a valeur très généralisée“ (Karcevski 1927: 88). Bei ihm figuriert das Verb *поиграть* zweimal: dem einen schreibt er eine diminutiv-attenuative, dem anderen eine zeitliche Bedeutung zu: „*поиграть* (atténuatif), *поиграть* (jouer pendant un certain laps de temps)“ (Ebenda, 107). Die Delimitativa sind imstande noch mehrere Bedeutungsvarianten zu entwickeln (darüber siehe: Крекич 1984). Für die Grundbedeutung (für die „*valeur très généralisée*“) halte ich die Diminution, die verkleinernde Wirkung des Präfixes *po-*. Die verkleinernde Wirkung des Präfixes *po-* kann sich 1) **auf die Zeit** (*поработать часок*), 2) **auf die Handlung** (*не очень пошуметь*) und auch 3) **auf den aspektuellen Aktanten** (*поколоть дровишек*) erstrecken.

Die delimitativen Verba markieren meistens eine Handlung, die in einer verhältnismäßig kurzen Zeit vollzogen wird. Diese Bedeutung nenne ich die prototypische Bedeutung der Delimitativa. Die prototypische (oder die zentrale) Bedeutung der delimitativen Verben verwirklicht sich durch die Zusammenwirkung des Präfixes *po-* und der Temporalbestimmungen. Eine solche Gegenwirkung des Kontextes nennt Bréal eine Bedeutungsinfektion („contagion“ – Bréal 1921: 205):

- (1) На другой день старик пришел к сыну, *с часочек посидел* у него... (Ф. Достоевский. Бедные люди, 40).

Mit einer peripheren Bedeutung haben wir zu tun, wenn sich die diminutive Wirkung des Präfixes *po-* nur auf die Handlung erstreckt. Die Modalbestimmungen (*чуть-чуть, не сильно, не слишком, не очень, тихонько*) weisen auf eine Abschwächung der Intensität der Handlung hin:

- (2) – Ничего, *посопротивляйся чуть-чуть!* – бормотал Миклош. – *Посопротивляйся!* Только *не сильно, не слишком...* (З. Молнар. Уикенд в деревне, 531. Перевод Ю. Гусева).

Die Delimitativa können auch eine pragmatische (konnotative) Bedeutung haben. Die emotionell-positive Wertung der Handlung ist auf die Grundbedeutung der Delimitativa, auf die verkleinernde Wirkung des Präfixes *po-* zurückzuführen. Die Delimitativa entwickelten dadurch in sich die Potenz einen unmittelbaren (verbalen) Kontext hervorzurufen, der die Handlung positiv bewertet.

Das diminutive Präfix wird von den positiv wertenden Modalbestimmungen (*хорошо, здорово, славно*) infiziert; sie entziehen dem Präfix *po-* die ursprüngliche diminutive Bedeutung und verleihen ihm eine augmentativ-intensive. Die die Handlung positiv wertenden valenzbezogenen Modalbestimmungen (*хорошо, хорошенъко, здорово, вволю, вдоволь, вдосталь* usw.) rufen die Vorstellung des großen Maßes und der Intensität der Handlung hervor (3), oder weisen auf die psychische Befriedigung hin, die man nach der Beendigung der Handlung empfindet (4). Die Bedeutung der delimitativen Verben überschneidet sich in diesen Fällen mit der der sogenannten augmentativ-saturativen Verben:

- (3) Что, брат, *погулял* [vgl. *нагулялся*] видно, *здорово!*.. обратился он к Челкашу, дернув его штанину (М. Горький. Челкаш, 109).
- (4) Охотней всего она бросилась бы сейчас отцу на шею да *поплакала* [vgl. *наплакалась*] *вволю* (Л. Немец. Траур, 44. Перевод Е. Малыхиной).

In den Äußerungen (3), (4) fixiert das Delimitativum eine quantitativ bestimmte (determinierte) Handlung, die nur ihre quantitative Grenze erreichen kann.

Die Delimitativa entwickeln eine augmentative Bedeutung, wenn der verbale Kontext (*много, немало, за десятерых* usw.) auf ein großes Maß oder auf eine große Menge der Handlung hinweist, die anerkennungswürdig (d.h. positiv bewertet) ist:

- (5) Что ни спроси ее, она обо всем знает: *поездила, поглядела* [vgl. *наездилась, нагляделась*] *за десятерых* (В. Распутин. Последний срок, 425). *Много поработал* товарищ Мате в этом районе (Ф. Шанта. 20 часов, 305. Перевод Е. Малыхиной).

Die Bedeutung des Delimitativums überschneidet sich mit der des Perdurativums, wenn das delimitative Verb eine langdauernde Handlung fixiert. Die positive Involviertheit erweckt in dem Sprechenden das Verlangen (die Intention) die Zeit der Handlung zu verlängern. Obwohl die Temporalbestimmungen in solchen Fällen auf eine längere Zeit hinweisen, kann das Delimitativum durch ein Perdurativum doch nicht substituiert werden, denn das Perdurativum ist wegen seiner pragmatischen Bedeutung nicht imstande eine von dem Sprechenden positiv bewertete Situation hervorzurufen. Nicht die semantische, sondern die pragmatische Bedeutung rechtfertigt den Gebrauch des delimitativen Verbs in folgenden Beispielen:

- (6) *Поработал бы четыре года в поле на тракторе – часы б забросил, как воспоминание* (Ю. Бондарев. Батальоны просят огня, 198). Все

время хотелось присесть и посидеть долго и недвижно (М. Булгаков. Театральный роман, 400). *Посидели до глубокой ночи, всё обсудили, выпили чай*, разошлись в тишине (Ю. Трифонов. Нетерпение, 448). *Клим старался после вечерного чая возможно больше посидеть со взрослыми у потока слов, из которого он черпал мудрость* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, I, 18). Дело к тебе имеем, – не спеша начал он, как видно, *собираясь долго и обстоятельно поговорить* (М. Шолохов. Батраки, 250). – А вы, *пока суд да дело, погуляйте по театру, повеселитесь, попейте чаю в буфете да и бутербродов-то не жалейте*, не обижайте нашего буфетчика Ермолая Ивановича! (М. Булгаков. Театральный роман, 315). Сегодня Йожеф завтракал позже обычного: в полдень он снова уезжал в Пешт, а в таких случаях сын любил *поплескаться подольше в ванной* (Л. Немет. Эстер Эгетё, 661. Перевод Т. Воронкиной).

Obwohl sich die semantischen Bedeutungen der beiden Verbtypen in der Hervorrufung des unmittelbaren verbalen Kontextes überschneiden, können sie – wie schon oben erwähnt – wegen ihrer pragmatischen (konnotativen) Bedeutung doch nicht substituiert werden. Der Gebrauch des Perdurativums wird hier nicht durch die semantische, sondern durch die negativ wertende pragmatische Bedeutung des Präfixes rechtfertigt. Die kurze Zeit der negativ geladenen perdurativen Handlung wird von dem Sprechenden subjektiv verlangsamt und verlängert:

- (7) *Мать просидела с ним не более получаса, а казалось, что прошло два часа. Было неприятно чувствовать, что за эти полчаса она что-то потеряла в глазах его* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, I, 330). *Так они просидели друг перед другом минуты две, две болезненные минуты для Акима Петровича* (Ф. Достоевский. Скверный анекдот, 33). *И только миг один простояла как бы в нерешительности; вдруг кровь бросилась в ее голову и залила ее щеки огнем* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы, I, 324). – *Полагаю, что я стукнулся об землю затылком, и должно быть, минуту или две пролежал без сознания* (Ф. Достоевский. Подросток, 319). Колхоз как раз получал две новые машины ЗИС-150, которые отдали Кузьме и Василию, но *Василий на своем ЗИС-е проработал недолго: у него что-то началось с глазами, тут как на грех, подоспела проверка, и его комиссовали* (В. Распутин. Деньги для Марии, 602).

Die perdurativen Verba markieren meistens eine Handlung, die in einer verhältnismäßig langen Zeit vollzogen wird. Diese Bedeutung nenne ich die prototypische Bedeutung der Perdurativa:

- (8) *Два месяца промучился он в горячке в постели* (В. Распутин. Живи и помни, 52). *Шесть месяцев просидел он в тюрьме* (А. Неверов. Гуси-лебеди, 187). – Ну, батюшка, так и думала, – сказала она. – Вы ушли тогда, а я *долго продумала* и надумалась, что не бывать этому (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные, 224).

Die diminutive (verkleinernde) Wirkung des Präfixes *po-* kann sich nebst der Handlung auch auf den aspektuellen Aktanten erstrecken, und damit eine diminutiv-resultative Bedeutung entwickeln:

- (9) – *Пойду дровишек поколю*. Банешку-то надо протопить? (В. Шукшин. Свойак Сергей Сергеевич, 178).

Im Laufe der Untersuchungen hat sich erwiesen, daß die einzelnen wortbildenden Verbklassen semantisch einander häufig kreuzen. Hier liegt ein Bedeutungswandel vor: die Bedeutungen der delimitativen, perdurativen, saturativen, augmentativen und der allgemein-resultativen Verben kreuzen einander und greifen ineinander über. Ohne die Berührungspunkte zu skizzieren, könnte man die einzelnen Bedeutungen (Bedeutungsnuancen) nicht auseinanderhalten, und sich in den Fragen der Polisemie und der Homonymie zurechtfinden.

In der vorliegenden Arbeit haben wir jene Vorgänge und Ursachen untersucht, welche die Bedeutungen der delimitativen und der perdurativen Zeitwörter in entgegengesetzter Richtung verändern. Die beiden entgegengesetzten Bedeutungen werden durch das in ihnen erhaltene gemeinsame Bedeutungsmoment, durch das emotionell positive oder negative Auslegung der Handlung zusammengehalten.

Die Bedeutungen sind immer in den Äußerungen zu untersuchen. In der Äußerung (1) verwirklicht sich die prototypische Bedeutung der Delimitativa. In den Äußerungen (2), (3), (4), (5), (6), (9) verwirklichen sich ihre peripheren Bedeutungen. Der prototypischen (zentralen) Bedeutung nach gehören die Delimitativa zu den temporal-terminativen (d.h. zeitlich-begrenzten) Verben an. Ihre peripheren Bedeutungen überschneiden sich mit den Bedeutungen der perdurativen Verben, die auch zu der Gruppe der temporal-terminativen Verben angehören. Darüber hinaus überschneiden sich die Bedeutungen der Delimitativa mit den Bedeutungen der quantitativ-terminativen Verben (d.h. mit den diminutiven, augmentativen und saturativen Bedeutungen). In den Äußerungen (3), (4), (5), (6) haben wir mit der Enantiosemie (mit einer inneren Opposition des Zeitwortes) zu tun. Als Verbindungsmittel dient die Grundbedeutung oder die pragmatische (konnotativ-emotionelle) Bedeutung, die die kombinatorischen Varianten in einem Lexem zusammenhalten.

Folgerungsweise möchte ich noch betonen, daß die morphologischen Merkmale in unserer Untersuchung ebenso wie die syntaktischen berücksichtigt werden müssen, weil die Morphologie auch eine Syntax, „eine erstarrte Syntax“ ist.

LITERATUR

- Гловинская, М.Я. 2001, *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. Москва: Азбуковник – Русские словари.
- Крекич, Й. 1984, Отношения пересечения делимитативных глаголов. *Studia Russica* VII. Budapest, 35–50.
- Рассудова, О.П. 1968, *Употребление видов глагола в русском языке*. Москва: Изд-во Московского университета.
- Сигалов, П.С. 1978, Задачи и возможности сопоставительного и сравнительно-исторического изучения способов действия славянского глагола. В сб.: *Вопросы сопоставительной аспектологии*. Ленинград, 44–56.
- Шелякин, М.А. 1969, Функции и словообразовательные связи детерминативно-временных приставок в русском языке. *Филологические науки* № 1, 67–71.
- Bréal, M. 1921, *Essai de sémantique*. Paris: Librairie Hachette.
- Karcevski, S. 1927, *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Prague: Imprimerie Legiografie.

QUELLEN

- Бондарев, Ю. Батальоны просят огня. В кн.: Бондарев, Ю. *Собрание сочинений, т. I*. Москва: Молодая гвардия, 1973.
- Булгаков, М. Театральный роман. В кн.: Булгаков, М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1973.
- Горький, М. *Жизнь Клима Самгина I–IV*. Москва: Советский писатель, 1947.
- Горький, М. Челкаш. В кн.: Горький, М. *Избранные произведения: Мать. Песня о соколе. Челкаш*. Москва: Детская литература, 1968.
- Достоевский, Ф. *Скверный анекдот*. Москва: Художественная литература, 1956.
- Достоевский, Ф. Бедные люди. В кн.: Достоевский, Ф. *Избранное: Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова*. Москва: Современник, 1971.
- Достоевский, Ф. *Подросток*. Москва–Ленинград: Огиз, 1974.
- Достоевский, Ф. *Униженные и оскорбленные*. Москва: Детская литература, 1974.
- Достоевский, Ф. *Братья Карамазовы*. Ленинград: Наука, 1976.
- Молнар, З. Уикенд в деревне. В кн.: *Современные венгерские повести*. Москва: Прогресс, 1977.
- Неверов, А. Гуси-лебеди. В кн.: *Избранное*. Москва: Советская Россия, 1977.
- Немет, Л. *Траур*. Москва: Художественная литература, 1971.
- Немет, Л. *Эстер Эгетё*. Москва: Прогресс, 1974.

- Распутин, В. *Живи и помни*. Москва: Современник, 1975.
- Распутин, В. Деньги для Марии. В кн.: Распутин, В. *Повести: Прощание с Матерой. Живи и помни. Последний срок. Деньги для Марии*. Москва: Молодая гвардия, 1976.
- Распутин, В. Последний срок. В кн.: Распутин, В. *Повести: Прощание с Матерой. Живи и помни. Последний срок. Деньги для Марии*. Москва: Молодая гвардия, 1976.
- Трифонов, Ю. Нетерпение. В кн.: *Избранные произведения: Нетерпения. Рассказы и повести, т. I-II*. Москва: Художественная литература, 1978.
- Шанта, Ф. 20 часов. В кн.: *Современные венгерские повести*. Москва: Художественная литература, 1973.
- Шолохов, М. Батраки. В кн.: *Ранние рассказы*. Москва: Советская Россия, 1961.
- Шукшин, В. Свояк Сергей Сергеевич. В кн.: Шукшин, В. *Избранные произведения в двух томах*. Москва: Молодая гвардия, 1975.

О ДРЕВНЕРУССКОМ ПИСЦЕ И О СПИСЫВАНИИ РУКОПИСЕЙ

Имре Х. Тот

(Н. Tóth Imre, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék
szlav@primus.arts.u-szeged.hu)

В средние века важнейшим источником информации и передачи информации и одновременно важнейшим средством распространения культуры и цивилизации была рукописная книга (Сапунов 1978: 9, 12). Создателями рукописных книг были писцы, скрипторы. Из этого следует, что писец в средневековье был одним из важнейших факторов грамотности и культуры.

1. Роль средневекового скриптора в распространении письменности и культуры была исключительно важной и обуславливалась она целым рядом факторов, из которых мы коротко остановимся только на следующих:

1.1. Христианство по своей сущности представляет собой такую религию, которая не может существовать и проводить свою практическую деятельность без письменности. Христианская проповедь и литургия предполагают существование письма и определенного рода литургических книг. Принятие христианства Русью повлекло за собой массовое появление и распространение письменности на Руси. Абсолютно правдоподобно заявление неизвестного ученого XIX в. о связи христианства с грамотностью в Киевской Руси: «Христианство и грамотность явились у нас в одно время, нераздельно. Отсюда взгляд нашего древнего общества на христианство и грамотность как на одно нераздельное целое; отсюда тождественность у древних русских людей понятий христианства и грамотности» (Списывание: 132).

Тесная связь между христианством и грамотностью в средневековье была подтверждена научными исследованиями последних лет.

Книги по своему назначению разделяются на разные группы. На первом месте стоят богослужебные, литургические книги, необходимые для совершения богослужения. Важное место принадлежит так называемым «четырем книгам», которые служили воспитательным, назидательным целям как для монахов, так и для мирян. Наконец, следует упомянуть келейную литературу, которая хранилась не в библиотеках монастырей и церквей, а в кельях монахов и обычно составляла их собственность. Возможно, скрипторы рукописей списывали книги и для собственного употребления (Сапунов

1978: 24). Важнейшим разрядом рукописных книг являлись, конечно, литургические, богослужебные рукописи.

Исследователями истории книг было установлено, что для нормальной деятельности простой приходской или домово́й церкви требовалось наличие 8 литургических книг. Кафедральные соборы и монастырские храмы нуждались в большем числе литургических книг. Соборы и храмы могли выполнять свою функцию нормально с помощью 26 литургических книг (Сапунов 1978: 70, 71, 78). Число церквей, соборов, монастырей постепенно росло и параллельно с этой тенденцией увеличивалось и число необходимых для службы литургических книг. Необходимо учитывать и то, что книги имелись и у зажиточных мирян, причем среди этих книг встречались и книги с не церковным назначением. Б.В. Сапунов сделал попытку приблизительно определить число церквей, храмов, соборов и монастырей и на основании этих данных реконструировал приблизительное число древнерусских книг с учетом и светской литературы. У него получилось два варианта реконструкции книжного богатства Руси с X века до середины XIII в. По минимальному варианту число книг можно считать равным 31500. При оптимальном варианте Б.В. Сапунов определил книжное богатство Древней Руси в 130–140 тыс. томов (Сапунов 1978: 82). Несомненно, что появление и распространение такого большого количества рукописных книг привело к «информационному взрыву» на Руси. Для осуществления этого «взрыва» нужны были соответствующие «кадры», которые посредничали в снабжении Руси книгой, т.е. нужны были писцы, которые усердно списывали книги. Было установлено и то, что к середине XI в. Русь вышла на уровень европейских стандартов в области культуры, т.е. в распространении грамотности.

Все это предполагает, что с X до середины XIII в. списыванием, перепиской рукописных книг занималось заметное количество писцов. Таким образом, древнерусский писец является ключевой фигурой древнерусской грамотности и культуры.

Следует указать и на то, что в средние века писцы делились на две группы. В первую входили книгописцы, которые списывали (*переписати*, *переписовати*) книги, рукописи. Во вторую входят писцы, которые составляли грамоты. Когда мы говорим о скрипторах, мы имели в виду обычно книгописцев. Следует подчеркнуть, что и книгописцы, и писцы грамот одинаково важны для истории культуры и образованности древнерусского общества.

Труд списывания книг был напряжен, продолжителен и тяжок (Волков 1897: 71). Однако, одновременно списывание книг считалось и почетным, дорогим трудом. Древнерусские люди смотрели на списывание книг

как на богоугодное дело, которое спасает не только самих писцов, но и тех, кто читает или даже слушает книги (Карский 1979: 267).

Несомненно, что первые литургические книги были привезены в Киевскую Русь из Византии и Болгарии. Однако вскоре появились и древнерусские писцы, которые, продолжая дело своих мастеров, способствовали сравнительно быстрому распространению грамотности на Руси.

Имея в виду быстрое включение Древней Руси в европейский стандарт образованности и просвещения, мы вправе предположить, что списыванием книг уже в первой половине XI в. занималось немалое количество древнерусских книжников и до нашествия татар их число несомненно росло.

1.2. В средневековом обществе скриптор занимает своеобразное место в распространении просвещения и образованности. Скриптор в то время выполняет довольно сложную функцию, он был не только посредником между автором сочинений и их читателем. Он был одновременно и корректором и даже редактором (Thienemann 1931: 100). Несомненно, что книги списывались по желанию заказчика, строителя книги. Однако то, как переписывалось выбранное заказчиком произведение, полностью зависело от скриптора, от его способностей, склонностей, опытности, начитанности и совести.

2. Известно, что существовали очень строгие правила списывания книг, которых писцы должны были придерживаться. В качестве примера приведем приписку из Служебника Митрополита Кирилла: *аще ли кто восхочет снѧ книгѣ переписывати сматрѧи не приложити ѿи ѡложити едино нѣкое слово или тѣчкѣ единоу, или крючкѣ и же сѣт под строками в радѣхъ ниже премѣнити слогу нѣкотороу или приложити ѡ обычныхъ ихъ же первѣе привѣтъ или паки ѡложити въ дыконствахъ ниже въ възглагошенихъ ни въ молитвахъ но с великимъ вниманіемъ причитати оучити сѧ*. Несмотря на это в средневековых рукописях не встречается двух вполне одинаковых, тождественных текстов. Даже в тех рукописях, которые были списаны с одного и того же протографа, оригинала намечаются заметные расхождения. Эти расхождения невозможно в каждом случае объяснить ошибками писца, которые проникали в рукописи только из-за невнимательного отношения скриптора к своему труду. Расхождения между разными списками одного и того же произведения и проникновение в сделанные копии элементов речи писца или писцов объясняется учеными по-разному.

Е.Ф. Карский объясняет проникновение народных элементов и даже появление диалектных особенностей техникой списывания: писец обыкновенно прочитывал целую фразу из оригинала, а затем воспроизводил ее; отдельные слова он читал лишь тогда, когда они были потруднее (Карский 1979: 67).

Н. Дурново изменение текста и появление особенностей живой речи писца объясняет другой причиной, а именно выработкой, образованием книжного произношения писца. При списывании рукописей писцы руководствовались своим книжным, церковным произношением. В списываемые рукописи попадали только те элементы живой речи, которые уже становились элементами церковного, книжного произношения. Таким образом церковно-книжное произношение служило как бы фильтром при проникновении живой речи писцов в рукописи (Дурново 1924: 73–74).

Писец очень серьезно относился к своему оригиналу, ведь списывая текст, он совершал богоугодное дело.

Переписчик мог не только исказить протограф, он очень часто исправляет текст своего протографа. Расхождения между разными списками одного и того же оригинала (протографа) возникают и в результате сознательной деятельности скриптора. Скриптор смотрит на переписываемый им текст как на свою собственность и поэтому может внести в него определенные коррективы по своему желанию. Таким образом, скриптор одновременно выполняет и функцию редактора определенного произведения. Этот факт показывает, что писец как бы стоит между автором определенного текста и читателем этого текста. Вследствие этого читатель часто может связать текст, произведение не с его отсутствующим автором, а с личностью писца, который делает текст доступным для читателя. Этим объясняется и то, что читатель очень часто чувствует писца ближе к себе, чем автора (Thienemann 1931: 99). Вследствие деятельного вмешательства писца в текст, деятельность скриптора и деятельность автора строго не разграничиваются между собой. Таким образом, писец в определенной степени может выполнять и работу автора, становясь как бы соавтором списываемого им текста. Этим объясняется и та практика средневековых скрипторов, когда а своих записях, сделанных в рукописи, они чаще называют себя, чем авторов списанных ими текстов (Thienemann 1931: 101). Все это показывает, что на определенном этапе истории средневековой письменности личность скриптора как бы заслоняет личность автора списываемого текста (Thienemann 1931: 100). Это обстоятельство дает нам право видеть в лице писца не только пассивного исполнителя определенной задачи, а активную динамическую, творческую личность. Такое динамическое восприятие работы писца несомненно приводит к более реальной оценке его деятельности (Розов 1977: 73–74).

3. Несмотря на важность многогранной работы средневековых писцов, мы должны признать, что знаем очень немного как о труде средневековых скрипторов, так и о деятельности древнерусских переписчиков. Наши сведения о деятельности, о психике древнерусских скрипторов далеко не полны, и чаще всего фрагментарны.

Эта фрагментарность, впрочем, вполне понятна и объясняется она характером работы исследователей над рукописями. Исследователь черпает свою информацию о писце или писцах интересующей его рукописи прежде всего из самой рукописи. Характер почерка, качество выполнения списывания, ошибки, недочеты писца служат основным источником информации о нем. Следующим источником наших сведений о писце и об обстоятельствах списывания рукописи является запись, приписка скриптора или скрипторов. Запись переписчиков и их приписки могут дополнять картину списывания. Однако эта информация, полученная во время работы над рукописью, относится только к одной рукописи, к одному или, реже, двум-трем скрипторам (Х. Тот 1990).

4. В нашей работе мы исходим из динамического подхода к оценке деятельности древнерусского скриптора. Труд древнерусского писца мы оцениваем как проявление деятельного, динамического отношения писца к своей работе.

Этот деятельный, динамический подход древнерусского переписчика присутствует с первого момента его работы над рукописью, но получает свое конкретное выражение в оформлении основной записи писца, в которой он высказывает основную информацию относительно своей работы. Изучая записи Упыря Лихового (1047) и Григория, главного писца Остромирова Евангелия (1056–57), Е.Ф. Карский установил, что по греческому примеру у древнерусских скрипторов тоже была создана своеобразная запись писца, в которой он рассказывал о себе, о создании рукописи и пр. Так возник определенный «штамп», который переходил от одного поколения писцов к другому, от Упыря Лихого к Григорию диакону (Карский 1979: 281). Так возникли образцы основной записи писца. Эти образцы находились в широком употреблении. Однако в конкретном случае определенный писец свою основную запись оформлял соответственно своей книжности, своим личным способностям, интересам, знаниям. Так, например, он мог не брать полностью штамп, образец записи, а выбирал из него только те части, которые считал для себя актуальными. Таким образом, он составлял не полную основную запись, а укороченную, пропуская те сведения, которые он считал неактуальными. Писец мог действовать и прямо противоположно: вместо краткой записи писать более пространную. Конечно, писец мог относиться к своей работе и иначе: он мог механически списать полную основную запись оригинала, не изменяя ее, как это сделал скриптор Служебника митрополита Киприана, списав запись протографа (Соболевский 1908: 32) или скриптор Изборника 1073 г., переписавший текст Сборника царя Симеона.

Записи и приписки писцов обыкновенно встречаются в рукописных книгах как подражание византийским рукописям. Византийские рукописи служили образцами записей и приписок для древнерусских скрипторов. Что

касается византийских записей, то с определенной долей вероятности можно заявить, что записи и приписки византийских кодексов восходят к более ранним, античным традициям. Заслуживает внимания древнееврейская традиция, которая проявляется в греческом переводе книги премудрости Иисуса, сына Сирахова. Переведя книгу притч, составленных своим дедом, переводчик детально описывает трудности, которые он испытывал при переводе книги. В его предисловии встречаются все известные нам из средневековых рукописей элементы записи: ссылка на трудности работы, просьба к читателю доброжелательно отнестись к работе переводчика и т.д. Составление записей является продуктом многовековой традиции, которая была продолжена древнерусскими писцами.

5. Е.Ф. Карский, рассматривая разные записи, определил их составные части, выделив следующие моменты: а) обращение к Богу, б) название книги (т.е. ее жанр), в) имена заказчика и писца, г) время написания, д) выражение смирения писца, е) просьбу о молитве за писца (и заказчика), ж) выражение чувства радости писца по поводу окончания письма (Карский 1979: 276). К этим частям присоединялись и определенные дополнения: имя и сан заказчика (строителя) рукописи, просьба об исправлении ошибок скриптора и т.п.

Следует сказать несколько слов о протографах рукописей. Основным требованием к протографу была исправленность рукописи, с которой рукопись переписали. Если рукопись была списана с неисправленного оригинала, писец обыкновенно отмечал это обстоятельство, как например в Пандектах Никона 1478 г. Интересно, что в очень многих рукописных книгах скриптор обращается к читателям с просьбой исправлять допущенные им ошибки: *исправъше чьтете* (Мстисл. Ев.), *исправате цтете* (Пролог 1282 г.), *исправате чтите* (Ев.-апракос 1323 г.), *твом благословениемъ и исправлениемъ мое писание исполнитъся* (Трефолой псковский). Важным вопросом считался вопрос извода текста. Иногда в записи, приписке писца отмечается, что рукопись списана не с русского, а с болгарского, сербского протографа, что обыкновенно затрудняло работу писца, ведь его задачей являлось не только списывание рукописи, но он должен был также выполнять функцию переводчика. Такие случаи свидетельствуют о знании языков, что было среди писцов известным, хотя и редким явлением. Случаи владения писцами иностранными языками позволяют предположить, что среди скрипторов были и те, кто по образованности стоял выше своей среды.

Следует отметить, что переписчик осознавал, что при списывании рукописи он может делать опiski и этим совершить грех. В своей записи он просит читателя исправлять его ошибки и не бранить его за них (Розов 1977: 25, 123). Долгом читателя было исправлять ошибки переписчика. Если чита-

тель не исправлял замеченную ошибку скриптора, то, как подчеркивает дьяк Кузьма, грех писца становится уже грехом читателя. Таким образом, для средневекового грамотного человека списывание книг влекло за собой коллективную ответственность, потому что важный труд переписывания книги завершался лишь после исправлений ошибок писца.

6. Древние скрипторы называли свои записи и приписки грамотицами, письмами, писаниями. Что касается современных соответствий этих слов, то в палеографии Е.Ф. Карского (1979: 271, 273, 281) применяются термины *запись*, *приписка* и *послесловие*. По мнению Карского характерно, что записи помещались в конце рукописи. Приписки встречаются обычно на полях (Карский 1979: 276).

Однако, по своим особенностям и информативной ценности эти термины неоднозначны.

Попытка отделить приписку от записи была сделана И.Э. Еселевич. По ее определению приписка в широком смысле – «это текст любого содержания, приписанный к рукописи писцом или другим лицом». Запись же, по мнению И.Э. Еселевич – «это текст, принадлежащий писцу рукописи и содержащий указания на обстоятельства создания книги» (Еселевич 1965: 3).

Исследователи обычно предполагают, что в записях содержатся сведения о писцах рукописи, а приписки таких ссылок не содержат. Однако, такое разграничение нам кажется довольно искусственным, с учетом того, что иногда у разных специалистов *приписки* и *записи* являются практически синонимами. В новейшей литературе для обозначения записей, которые не относятся к тексту данной рукописи и часто помещаются на полях, употребляется термин *маргиналии*. Маргиналии – это сообщения, которые не входят в текст рукописи, но сообщают некоторые детали относительно основного текста рукописи (Панайотов–Иванова 1999). Нам кажется, что термин *маргиналии* удачно раскрывает особенности сообщений, которые не входят в основной текст списанной скриптором рукописи.

По И.Э. Еселевич спецификой приписок является их более «свободное», светское содержание. Это обстоятельство обуславливает возможность более раннего отражения в приписках элементов живого языка, чем в других источниках (Еселевич 1965: 4).

Заслуживает особого интереса тот факт, что только приписки разделяют по тематическим группам. Е.Ф. Карский выделяет 7 групп, а И.Э. Еселевич – 5.

Интересно, что индивидуальные высказывания писцов, как мы уже отмечали, неодинаковы: среди них встречаются совсем краткие и более пространственные, расширенные. В качестве примера краткой записи можно привести запись в Путятинской минеи (*поутѣтѣ п'салѣ*), а распространен-

ной – приписку Захария, писца Псалтыри для княгини Марины, списанной в 1296 г. Запись писца Захария, содержащая в себе основные элементы записей (приписок), переходит в самостоятельное литературное произведение о пользе пения Псалтыри (Х. Тот 1997).

Захарий сознательно называет себя писцом, указывая на то, что *имѣа из дѣтска обычая много написавъ* даже в старости списывает рукописи. Действительно, в лице Захария мы имеем писца профессионала, который списал Книгу Богословия, Псалтырь и Евангелие-апракос.

7. А.И. Соболевский и Е.Ф. Карский указали на то, что краткие записи обыкновенно принадлежат «наемным писцам-ремесленникам». Более длинные приписки делались духовными лицами, которые работали с целью получить прощение грехов, не принимая ничего за свой тяжкий и ответственный труд (Карский 1979: 283; Соболевский 1908: 28). К этой группе можно отнести Упыря Лихого, диакона Григория, игумена Сильвестра, а к писцам-ремесленникам относится Путята, списывавший Путятину mineю, Алекс сын Лазарев и Захарий, писец Псалтыри 1296 г. Наблюдение Е.Ф. Карского об авторах кратких записей верно, но здесь, как мы видим, имеются исключения: писец-ремесленник Захарий составил не краткую запись, а довольно распространенное послесловие.

Рассматривая записи и приписки, Е.Ф. Карский указывает на то, что очень часто невозможно с первого взгляда определить заказчика (строителя) книги и писца (писцов). Это затруднение связано с полисемией глагола *писати*. Этот глагол имеет следующие значения: а) ‘писать вообще’, б) ‘переписывать рукописи’, в) ‘заказывать списать рукопись с фактитивным оттенком’ (Карский 1979: 262). Таким образом, если рукопись была списана одним почерком, а в записи называются два лица, то один из них писец, а другой заказчик (строитель) книги. В югославянских рукописях писца обыкновенно называются «граматиками».

В приписке Юрьевского Евангелия (до 1218 г.) Грешный Феодор был заказчиком, а работу выполнил Угринец.

Хотя древнерусские скрипторы известны с начала XI века (Упырь Лихой), соответствующий термин для обозначения этого занятия появился лишь с первой трети XIII в. Правда Е.Ф. Карский цитирует слово *писецъ* из записи Захария, списавшего Псалтырь княгини Марины (Карский 1979: 261). Однако от внимания прекрасного знатока древнерусских рукописей ускользнул тот факт, что слово *писецъ* встречается уже в приписке Добрилова Евангелия 1164 г. По словарю И.И. Срезневского оно впервые встречается в Прологе 1229 г., где приводится сравнение писца, закончившего свою работу, с кораблем, «переплывшим морскую пучину» (Срезневский 1989: 940). В

Пандектах Никона содержится сознательное заявление скриптора о своей работе: *книжнѣти писецъ ксмѣ* (там же).

8. Исследования специалистов довольно убедительно доказывают, что среди писцов существовали как бы два слоя. Одни работали исходя из своих религиозных убеждений, а для других списывание книг было возможностью обеспечить средства к существованию.

Несомненно, что усвоение письма невозможно представить без просвещающей роли церкви (монастыря), которая, обучая письму, заботилась о воспитании, подготовке представителей духовенства. При этом, однако, известны и примеры того, как в воспитании грамотных людей принимали участие и сами князья, например, Владимир, который собрал для учения «нарочитых» детей. Стоит упомянуть также и Ярослава Владимировича, создавшего переводческую школу в Киеве. Эти два источника и обеспечивали на Руси подготовку двух «слоев» скрипторов (Розов 1977: 44).

Пономарь церкви Св. Иакова Тимофей, переписавший Пролог 1296 г., может быть для нас примером представителя низшего духовенства, который из-за недостатка материальных средств занимался списыванием книг, как и черноризец Иаков, стоявший на низших ступеньках иерархии (Розов 1977: 30). Их пример имеет важное культурно-историческое значение. Ж. Ле Гофф, говоря о зарождении средневековой интеллигенции, доказал, что первыми ее представителями являлись «клирики», которые не получая достаточных средств к существованию, вынуждены были зарабатывать свой хлеб умственным трудом: они или учительствовали, или переписывали рукописи (Le Goff 1976: 23, 67). В лице скриптора мы видим на Западе первых представителей средневековой интеллигенции. Ту же ситуацию, с некоторыми местными особенностями, можно наблюдать и в Восточной Европе и в Киевской Руси. Писцы, скрипторы, зарабатывающие себе и своей семье на жизнь списыванием книг, являются первыми представителями зарождающейся средневековой древнерусской интеллигенции.

Мы изложили интересную теорию французского ученого о зарождении интеллигенции в Западной Европе, чтобы поднять вопрос о том, насколько можно применять эту теорию при изучении древнерусской письменности. Теорию Ле Гоффа мы считаем своего рода рабочей гипотезой, возможность применения которой для изучения значения древнерусских переписчиков дальнейшие исследования могут подтвердить или опровергнуть. Если будущие исследования докажут приемлемость этих взглядов при изучении древнерусской письменности, значение древнерусских переписчиков возрастет не только для филологических исследований, но и для исследования древнерусской образованности и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков, Н.В. 1897, Действительно ли безыменна была большая часть древнерусских переписчиков. *Журнал Министерства Народного Просвещения* (ноябрь).
- Дурново, Н. 1924, Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка I. *Јужнословенски Филолог*, књ. 4. Београд.
- Еселевич, И.Э. 1965, *Исследования о языке записей и приписок XI–XVI веков на древнерусских пергаментных рукописях*. АҚД. Казань.
- Карский, Е.Ф. 1979, *Славянская кирилловская палеография*. Москва.
- Панайотов, В. – Иванова, Д. 1999, *Маргиналии*. Шумен.
- Розов, Н.Н. 1977, *Книга Древней Руси*. Москва.
- Сапунов, Б.В. 1978, *Книга в России в XI–XIII вв.* Ленинград.
- Соболевский, А.И. 1908, *Славяно-русская палеография*. Санкт-Петербург.
- Списывание – Списывание книг в древние времена в России. *Православный собеседник*, ч. I, 1862.
- Срезневский, И.И. 1989, *Словарь древнерусского языка, т. II., ч. II*. Москва.
- Х. Тот, И. 1990, Древнерусский писец. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XXI*. Szeged, 137–171.
- Х. Тот, И. 1997, Древнерусский писец Захарий и его Слово о пользе чтения Псалтыри. In: *Słowianie Wschodni Między językiem i kulturą*. Pod redakcją Anny Bolek, Adama Fałowskiego, Bożeny Zinkiewicz Tomanek. Kraków, 207–216.
- Le Goff, J. 1976, *Értelmiség a középkorban [Интеллигенция в средних веках]*. Перевод и предисловие: Klaniczay, G. Budapest.
- Thienemann, T. 1931, *Irodalomtörténeti alapfogalmak [Основные понятия истории литературы]*. Pécs.

АЛЕКСАНДР ПОТЕБНЯ И РУССКИЙ ЯЗЫК

Наталия Шайтош

(Sajtos Natália, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
nati@lit.u-szeged.hu)

Александр Афанасьевич Потебня открыл целую эпоху отечественной науки выдающимися трудами в области языкознания, литературоведения, фольклора и этнографии.

«Долго его не знали, не признавали, русское правительство – за самостоятельное вольное мышление, общество – за украинские национальные убеждения», – писал со временем его ученик профессор Н.Ф. Сумцов, который считал, что «Украина дала двух великих деятелей слова – Шевченко и Потебню» (Сумцов 1922: 4, 13).

Александр Афанасьевич Потебня родился 10/22 сентября 1835 года на хуторе недалеко от села Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии. Александр свободно владел двумя близкородственными языками – украинским и русским. Правда в детстве ему чаще приходилось слышать украинскую речь, но в семье наряду с украинским языком общались и на русском.

В 1844 г. Александр Потебня поступил в Радомскую мужскую гимназию, в которой преподавали следующие предметы: закон божий, священную и церковную историю, русский язык со славянским (церковнославянский – *Н. Ш.*) и словесность, польский язык и словесность, латинский, греческий, французский и немецкий языки, логику, математику и другие предметы (Сморodin 1911: 357–384).

Расскажем несколько подробнее, как проходило в гимназии, где учился юный Александр Потебня, обучение языкам, в особенности русскому. В первом классе преподаватель должен был научить своих учеников правильно читать по-русски. Для занятий использовался учебник «Начальные основания языка русского». Начиналось изучение русского языка с азбуки.

Уже в первом классе ученики гимназии учились переводить с русского языка на польский и писать под диктовку. Во время чтения и перевода дети приучались различать роды имен существительных и склонять их. В конце года спрягали правильные глаголы, образовывали от имен прилагательных сравнительную и превосходную степени, а от глаголов – причастия и деепричастия. На втором году полагалось пройти грамматику до синтаксиса, на третьем – синтаксис. В четвертом классе повторяли всю грамматику. Обучение строилось таким образом, что гимназисты совершенно не заучивали правила русской грамматики. Учитель только указывал им на уже из-

вестные правила польской грамматики и тем самым помогал применить их к русскому языку. По словам Александра Афанасьевича Потебни, именно это обстоятельство сыграло решающую роль в его судьбе. Отсутствие зубрежки, творческая атмосфера, царившая на уроках русского языка, содействовали развитию интереса к его явлениям, развивали воображение.

В процессе обучения много внимания уделялось переводам с польского языка на русский и с русского на польский. Текст, прочитанный на одном языке, нужно было пересказать устно или изложить письменно на другом. При чтении делался полный грамматический разбор, причем особое внимание уделялось таким выражениям, которые нельзя было перевести на другой язык дословно. Практическое направление в преподавании русского языка проявлялось также и в обучении правильному формулированию писем и деловых бумаг. Лучшие из писем, написанных учениками, обычно зачитывали в классе, критически разбирали, отмечали достоинства и недостатки стиля.

Кроме русского и польского языков, гимназисты изучали еще и старославянский, при обучении которого обращалось особое внимание на возможности более глубокого освоения языка русского. В гимназической инструкции по изучению старославянского языка фигурировало следующее требование: «поскольку старославянский язык является общим источником русского и польского, то профессор должен преподавать правила старославянской грамматики таким способом, чтобы они, ведя к изучению языка старославянского, одновременно служили и фундаментом языка русского, для этого необходимо везде и где только можно сравнивать его с правилами грамматики польской» (Сморозин 1911: 379).

Конечно, гимназисту Потебне было трудно разбирать особенности старинных писем, но многое в этом процессе было интересным и увлекательным. Позже, занявшись этим вопросом как ученый, Александр Потебня внесет ясность и четкость в понимание того, какое место в истории восточных славян занимает старославянский язык.

Юному гимназисту А. Потебне приходилось также заниматься польской и русской словесностью, т.е. литературой польского и русского народов. Учитель должен был на занятиях русской литературы ознакомить учащихся с основными произведениями и с общим процессом ее развития. И тут, конечно, многое зависело от таланта и умения преподавателя, который на своих уроках знакомил учеников с сочинениями Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина – писателей-классиков, не входивших, по тем временам, в общеобразовательную программу.

В мае 1851 года Александр окончил Радомскую гимназию с блестящим аттестатом. В архивных материалах учебного заведения сохранилась копия документа под № 664 следующего содержания (Франчук 1986: 15–16):

«Радомская Губернская гимназия. Александр Афанасьевич, сын Потеня, родом из г. Ромны, Полтавской губернии, православного вероисповедания, имеющий от роду 16 лет, из дворян, записан в число учеников в 1844 г., посещал гимназию постоянно до 3/15 июня 1851 г. Во время своего пребывания вел себя отлично.

Закончил положенный курс наук, на испытании оказал следующие успехи: в законе божием и нравоучении, в польском языке и словесности, в славянском языке, в латинском, греческом, немецком и французском языках, в математике до конических сечений, математической географии и статистике всеобщей и русской и польской, в физике, рисовании и чистописании – отличные. За благонравное поведение получил в I, II, III, IV, V и VI классе похвальный лист, в I, II, III, IV, V и VI классе общую награду и в I, IV и V награду за русский язык. В удостоверение чего дан сей аттестат из Радомской Губернской гимназии за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати. Радом. 3/15 июня 1851 г.»

Из 19 учеников 7 класса Радомской гимназии, получивших аттестаты, Александр Потеня окончил курс первым и был награжден серебряной медалью, но об этом награждении в его аттестате не упоминается, т.к. по правилам, существовавшим в то время, медаль выдавалась ученикам не только за успехи по всем предметам гимназического курса, но преимущественно за успехи в русском языке, показанные в сочинении на заданную начальством округа тему.

Медаль была присуждена А.А. Потеню на заседании Педагогического Совета Радомской гимназии 16/28 июня 1851 года, т.е. уже после того, как он получил аттестат. По-видимому, это можно объяснить тем, что сочинение оценивалось не только в гимназии, но и в округе.

В августе 1851 года Александр Потеня приехал в Харьков, чтобы держать экзамены в университет. После их сдачи он был зачислен на юридический факультет, а в августе 1852 года А. Потеня перешел со второго курса юридического на первый курс историко-филологического факультета, как значится в его прошении ректору, «по воле родителей». Однако, письмо дяди Н.И. Маркова к племяннику от 20 марта этого года убедительно свидетельствует о том, что такое решение было принято Александром самостоятельно. И поскольку это единственный документ, говорящий об интересах юноши в первое время учебы в университете, приведем его почти полностью (Відділ рукописів Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка АН України, ф. О.О. Потені, № 73/14, арк. 2):

«По многим обстоятельствам я не могу скоро быть в Харькове, а за вами не посылаю потому, что тебе надобно приготовиться к экзаменам и дорога теперь с каждым днем портится.

Итак, оставайся с братом в Харькове, займись чем-нибудь полезным и на досуге побеседуй письменно со всеми родными, которые тебя любят и очень будут рады твоим письмам. Вчера я получил от брата Алексея письмо, в котором он, между прочим, извещает, что посылает для тебя ноты, а ты совсем перестал заниматься музыкой. Мне это очень прискорбно, и я бы от души желал, чтобы ты снова занялся ею. Если нынешний академический год будет успешным, то надобно подумать об этом после экзаменов.

Занятиями твоими латынью и немецкою литературою я очень доволен и очень бы рад был, если бы ты не отставал по другим наукам. Хотя ты и намерен переменить факультет, но не мешает выдержать годичный экзамен по юридическим наукам с привычным для тебя отличием, чтобы более расположить в свою пользу начальство университетское.»

Следует также отметить, что Александр поступил в Харьковский университет всего через пять лет после отъезда из Харькова И.И. Срезневского. Интерес к собирательству и исследованию народного поэтического творчества и этнографии, начатый известным славистом, еще жил в среде студентов. Для преподавателей и студентов Харьковского университета первой половины XIX века было характерным увлечение украинской литературой, народной песней и фольклором. Вдохновителями были украинские писатели, как например Г.Ф. Квитка-Основьяненко,¹ и известные ученые-филологи. Кроме И.И. Срезневского в Харькове некоторое время работал и Н.И. Костомаров, а во второй половине XIX века их дело продолжил А.Л. Метлинский,² который читал у Потебни курс лекций по русской грамматике. В начале 50-х годов А.Л. Метлинский готовил к изданию основной труд своей жизни «Народные южнорусские песни» (1854) и студенты университета активно помогали ему в сборе материала. Как вспоминал впоследствии Потебня, на лекциях Метлинского, где украинский фольклор и русская грамматика оказались в близком соседстве, он учился присматриваться к явлениям языка.

¹ Квитка-Основьяненко, Г.Ф. (настоящая фамилия – Квитка) (1778–1843) – украинский писатель, представитель натуральной школы. Основные его произведения: комедии «Сватанье на Гончаровке» (1836), «Шельменко-денщик» (1840); на русском языке роман «Пан Халявский» (1839) и «Женитьба и похождения Петра Степанова, сына Столбикова» (1841).

² Метлинский, А.Л. (1814–1870) – украинский поэт и собиратель фольклора. Представитель харьковской школы романтиков 1830-х гг. Интерес к славянству и к славянской литературе от И.И. Срезневского и А.Л. Метлинского был передан П.А. Лавровскому, благодаря которому этой областью науки занялся и А.А. Потебня.

Самое благотворное влияние оказали на Александра Потебню преподаватели университета – братья Лавровские.³ Особенно большой интерес проявлял к нему один из братьев – Петр Алексеевич, занимавший место адъюнкта на кафедре славянских наречий. В первые годы он читал фонетику славянских наречий, и способный студент А.А. Потебня, свободно владевший тремя славянскими языками, не мог не привлечь его внимания.

Выпускное сочинение на тему «Первые четыре года войны Хмельницкого» Александр Потебня пишет, опираясь на данные украинских летописей, народных песен и других фольклорных материалов, которые использует, главным образом, как исторические свидетельства, сохранившиеся в народной памяти. По одобрении этой работы факультетом 12 декабря 1856 года А.А. Потебня был утвержден в степени кандидата университета.

По окончании Харьковского университета Александр Афанасьевич получает должность преподавателя русской словесности Первой харьковской гимназии. О карьере ученого он в это время еще и не думал. Но прошло всего несколько месяцев после начала учительской деятельности, и 22 ноября 1857 г. историко-филологический факультет возбудил ходатайство о прикомандировании своего выпускника к университету для приготовления к магистерскому экзамену. Одновременно А.А. Потебне поручили преподавать под руководством профессоров некоторые разделы курсов на кафедре русской словесности и истории литературы славянских народов.

А.А. Потебня провел в Харькове большую часть своей жизни. С Харьковским университетом связана вся его педагогическая и научная деятельность. Здесь он учился, здесь защищал магистерскую и докторскую диссертации, здесь, будучи профессором кафедры русской словесности, трудился до самой своей смерти.

По истечении более чем полутора веков остается только удивляться высокому уровню изучения лингвистики вообще и русского языка в частности в гимназиях того времени. Неслучайно в конце XIX – начале XX веков русская наука в области языкознания прославилась таким большим ко-

³ Лавровский, П.А. (1827–1886) – русский филолог-славист, профессор Харьковского университета. В числе его слушателей были А.А. Потебня и М.А. Колосов. Основные славистические труды П.А. Лавровского посвящены языку и палеографическим особенностям древних письменных памятников, установлению отношений между славянскими языками в разные эпохи их развития, описанию частных фонетических, лексических и грамматических черт.

Лавровский, Н.А. (1825–1899) – видный русский филолог, профессор Харьковского университета, один из основателей историко-филологического товарищества Лавровских. В истории языкознания известен как автор исследований о языке некоторых древнерусских письменных памятников, произведений новой русской литературы.

личеством выдающихся имен, среди которых имя Александра Афанасьевича Потебни занимает одно из ведущих мест.

ЛИТЕРАТУРА

- Сморозин, В. 1911, Годы обучения А.А. Потебни в Радомской гимназии. *Филологические записки*, вып. 3.
- Сумцов, М. 1922, *Велетень думки і слова*. Харьків.
- Франчук, В. 1986, *А.А. Потебня*. Москва.

РЕЦЕНЗИЯ

Л. Ясан: Видовые корреляции русского языка в системе грамматических оппозиций. Budapest: ELTE Szlav és Balti Filológiai Intézet, 2005, 212 с.

Монография профессора Будапештского университета содержит успешно защищенную диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. Книга состоит из вступления, двух частей, заключения, списка литературы и указателя имен. Предметного указателя, к сожалению, нет.

Во вступлении (с. 5–6) указывается, что «аспектологическим вопросам русского глагола посвящена действительно огромная литература». В изложении проблематики автор опирается на работы многочисленных исследователей, из которых наиболее стимулирующими для формирования и развития его концепции оказались классические труды Ю.С. Маслова, исследования тех аспектологов, которые в каком-либо направлении развили дальше его учение, так прежде всего труды А.В. Бондарко, Е.В. Падучевой и М.Я. Гловинской. При оценке этой монографии я обращаю внимание читателей на следующее: во-первых, по характеристике В.А. Плунгяна (1997: 192) «аспектологическая (как, впрочем, и вся общеграмматическая) терминология сейчас находится в состоянии ярко выраженной феодальной раздробленности». Во-вторых, мы поддерживаем мнение И.Б. Шатуновского (1997: 225), по которому «насущной задачей современной аспектологии является создание максимально широкого и в то же время ясного и простого описания этой категории». В-третьих, в последнем десятилетии XX века и в начале нашего века изданы несколько книг и сборников статей, занимающихся вопросами русской и славянской аспектологии (ср.: Кароляк 1995; Падучева 1996: 7–191; Черткова 1996, 1997, 1998; Зализняк–Шмелев 1997, 2000; Булыгина–Шмелев 1997: 13–189; Черткова–Плунгян–Рябчиков–Кузнецов 1997; Тихонов 1998; Петрухина 2000; Плунгян 2001). В-четвертых, я ожидал, что высшим стимулом монографии будут эти вышеназванные новейшие работы. А.М. Ломов (1997: 178), например, связывает трудности описания категории вида не только с нестандартностью этой категории, но и с приверженностью аспектологов «давно уже пережившим себя научным представлениям». В.А. Плунгян (1997: 191) считает очень важным те усилия, которые предпринимает И.А. Мельчук в унификации терминологии, особенно в своем «Курсе общей морфологии» (1998: 92–116). В монографии об этих усилиях нет ни слова.

В первой части монографии (с. 7–58) автор занимается общими вопросами вида и проблемой его типологии: 1) понятием «корреляция», 2) семантикой вида и проблемами его определения, 3) характером видовой оппо-

зиции, 4) вопросом об общем значении, 5) статусом категории вида в славянских и неславянских языках (проблемами классификации).

Во второй части (с. 59–186) исследуются **вопросы коррелятивности вида в русском языке**: 1) формальная характеристика видовых корреляций (с. 59–70), 2) видовая коррелятивность с учетом семантики глагола (с. 71–112), 3) видовая парность как теоретическая проблема: проблема лексического тождества коррелятов (с. 113–150), 4) функционально-деривационные варианты видовых коррелятов (с. 151–180), 5) расширенное истолкование понятия «конкуренция видов» (с. 181–186).

Заключение (с. 187–194) – это то удачное краткое резюме, то менее удачный краткий пересказ содержания предыдущих частей монографии, то повторение отдельных определений с некоторыми изменениями. Ср., напр., «объединенные в пару глаголы не различаются лексическим значением, их отличие заключается лишь в значении вида, т.е. в наличии/отсутствии признаков целостности и ограниченности пределом действия» (с. 113) ↔ «видовая пара – это такое противопоставление глаголов разного вида, в котором лексическое тождество коррелятов проявляется в том, что глагол НСВ также способен выражать событийное значение (характерное для глаголов СВ) – в позициях настоящего исторического и многократности» (с. 192). Этот последний вариант определения мне кажется более убедительным.

В списке литературы (с. 195–208) называются статьи, книги, словари. Их общее число 238.

Указатель имен (с. 209–210) содержит 138 имен. Названы следующие венгерские ученые: Bihari József, Bolla Kálmán, Dezső László, Kiefer Ferenc, Krékit József, Páll Erna, Pete István, Péter Mihály, Vendler Zénó.

В дальнейшем я обращаю внимание читателей на некоторые проблемы с целью вызвать у них повышенный интерес к прочтению этого детального монографического исследования.

1. Понятие «корреляция» (с. 7–8)

Л. Ясаи вслед за работой Б. Тошовича (1998: 5) подчеркивает: «Корреляция является особым видом отношения – взаимным отношением грамматических феноменов (форм, значений и функций), которое при наличии минимальной семантической разницы превращается в совместимую связь» (с. 7). «Корреляция пронизывает язык во всех его сферах, но главным аспектом корреляции является функционально-семантическая совместимость» (с. 7). «Видовая корреляция – это, на самом деле, просто противопоставление глаголов СВ и НСВ, однако в практике (в лингвистической и учебной) под этим понятием понимается видовая пара как особый тип корреляции» (с. 8). Такое понимание корреляции ничего нового не вносит в традиционное опи-

сание категории вида. Далее «функционально-семантическая совместимость» является, в первую очередь, главным критерием сочетаемости лексических единиц. Члены морфологической парадигмы характеризуются, как правило, семантической несовместимостью и незаменимостью. По-моему, корреляционное описание видов исследует, в первую очередь, разные типы **иерархической семантической зависимости** вида в рамках **трехступенчатых корреляций** внутри аспектуальности. Я решительно против предлагаемых профессором Б. Тошовичем новых терминов *категориал* (*экстракатегориал*, *интеркатегориал*, *интракатегориал*), *корреляционал* и т.п. и разработки особой корреляционной грамматики. Корреляционное описание не заменяет, только **дополняет** противопоставление глаголов СВ и НСВ. Как известно, кроме видовых двоек имеются и видовые тройки и многочленные видовые корреляции (ср. Емельянова 1974). В своей кандидатской диссертации сам Ясаи занимается этой проблематикой. В 1986 году он написал статью «Смысловое и видовое соотношение глаголов *искать-найти-находить*» (Ясаи 1986). Для меня было бы интересным и исследование корреляции глаголов *отыскать, сыскать – найти, отыскивать – находить* и соотношения их венгерских эквивалентов *talál – megtalál, keres – megkeres, felkeres*. Кроме аспектуальных троек Ю.Д. Апресян (1997) обсуждает и некоторые **нетривиальные случаи** корреляции видов. Напр.: *наступать/наступить кому на ногу, наступает/наступила ночь*, но только *армия наступает*. Форма **армия наступила*, однако, отсутствует, несмотря на то, что возможны обе антонимичные формы *армия отступает/отступила*. К сожалению, Апресян не пишет о том, какой глагол употребляют русские вместо невозможного словосочетания **армия наступила*. В этом случае говорят *армия перешла в наступление, армия продвинулась вперед*. Апресян пишет между прочим и об **избыточности** парадигмы. Так, например, в видовой тройке *таять – растаять – растаивать* глагол *растаивать* «вариант формы *таять*, который выведен по правилам системы, но реально в узусе не существует» (Апресян 1997: 14). (В скобках отмечаю, что по Апресяну у глагола *мести* своей формы СВ нет. В словаре Ожегова (20-е изд.), в МАСе (2-е изд.), например, есть: *мести – подмести*, т.е. нет нужды восполнять несобственной формой неполную парадигму глагола *мести*, хотя в МАСе указывается и видовая пара *подмести – подметать* – от последнего образуется существительное *подметание*. По мнению Апресяна (1997: 14), трактовка второго издания МАСа иногда «приводит к катастрофическим следствиям, потому что оказывается, что у некоторых русских глаголов в аспектуальную парадигму входит до семи разных форм. Так для глагола *скопить* указаны формы НСВ *копить, скапливать* и *скоплять*, для глагола *накопить* указаны формы НСВ *копить, накапливать* и *накоплять*»).

2. Какой категорией следует считать вид русского глагола: (только) морфологической, синтаксической или семантической?

По мнению автора монографии, «справедливо подчеркивал Ф. Папп (уже в 60-е годы) что „для формы категории вида характерно, что она выражается в широком смысле *синтаксически*“» (с. 11). На несколько строк ниже: «Подчеркнем: русский глагольный вид считается морфологической категорией потому, что он **обязательно выражается и морфологически**» (с. 11). На несколько страниц ниже (с. 17): «русский вид является **семантической** категорией, формулирующей морфологическими и синтаксическими средствами, которая характеризует протекание действия во времени изнутри с отношением к его пределу, и способна выражать в рамках одного лексического значения формальное противопоставление двух рядов грамматических форм по признаку наличия/отсутствия ограниченного пределом целостного действия». Мои критические замечания: 1) Лексическая категория выражается самостоятельными словами. 2) Видовые формы не формулируются, а образуются, т.е. они кратко и точно выражают не мысли, а называют предельные или неопредельные действия (в широком грамматическом смысле). 3) Синтаксическими средствами вид в русском языке не образуется (у двувидовых глаголов синтаксическое окружение только конкретизирует вид). 4) В образовании видовых форм кроме морфологических способов различаются еще фонематические (изменение места ударения и чередования звуков) и супплетивные (т.е. лексические) способы. 5) На с. 29 Ясаи, ссылаясь на Гловинскую и Бондарко, различает внутренний, внешний, реальный, потенциальный, эксплицитный, имплицитный или абсолютный пределы. Он правильно подчеркивает, что «для определения СВ годятся не все разновидности пределов». 6) Начинательные глаголы СВ и все глаголы НСВ – кроме фактического значения – не обозначают целостные действия. 7) В последнее время часто встречаются работы, в которых глаголы СВ выражают «возникновение новой ситуации» или «событие». Для меня является проблематичным, в какой степени могут выражаться две ситуации (т.е. два разных положения вещей) в рамках одного значения.

3. Суперкатегориальность аспектуальности

Аспектуальность в глаголах тесно связана с категорией времени и логическим субъектом. Ср.: *Милиционеры окружали/окружили дом – Забор окружает дом/*окружил дом*. В глаголах типа *вечереть ↔ завечереть* субъект инкорпорирован в корне. Аспектуальность в других частях речи также связана с временем, но без отношения к категории времени. «Аспектуальность относится к наиболее распространенным в языках мира категориям и является, по мнению некоторых лингвистов, более универсальной,

чем даже категория времени» (Мурясов 2001: 86). Ее суперкатегориальность в славянских языках проявляется, с одной стороны, в иерархической зависимости существования этой категории кроме глагола: в отглагольных существительных (не всегда), прилагательных (редко) и наречий (очень редко) (с. 15). Ср.: *спасать* ↔ *спасти*, *заняться спасением людей* ↔ *спасение утопающих*, *горнорабочий-спасатель* ↔ *Спаситель* 'одно из названий Христа или избавитель', *спасательный круг* ↔ *спасительный совет*, *увлекать* ↔ *увлечь*, *рассказывать увлекательно* ↔ *говорить, работать увлеченно*. С другой стороны, внутри глагольной части речи от аспектуальности зависит образование и употребление категорий **времени, наклонения, залога, причастий и деепричастий**.

4. Глубокие мысли Маслова, не менее глубокие мысли Вендлера и начало этапа современной аспектологии

По мнению Л. Ясаи (с. 71) «начало этапа так называемой современной аспектологии целесообразно считать с 1948 года». Тогда вышла в свет статья: Маслов (1948). Ю.С. Маслов «предлагал выделить семантически три основных типа видовой пары» (с. 79):

- попытка – успех: *ловить* – *поймать*, тенденция – осуществление: *тонуть* – *утонуть*, *умирать* – *умереть*;
- глаголы чувственного восприятия, говорения, переживаний и психических состояний: *видеть* – *увидеть*, *лгать* – *солгать*, *нравиться* – *понравиться*;
- глаголы СВ выражают «скачкообразный переход к новому качеству», парные же глаголы НСВ являются непроецессуальными, т.е. они не могут обозначать тот предшествующий процесс, который привел к результату. Глаголы НСВ «так же, как и глаголы СВ, выражают достижение результата, иначе моментальность» (с. 79–80): *находить* – *найти*, *приходить* – *прийти*, *выучивать* – *выучить*.

«Позднее, но независимо от Ю.С. Маслова, подобные и не менее глубокие мысли высказал З. Вендлер, предложив свою акциональную классификацию английских глаголов (Vendler 1967: 102). Он различал 4 группы, в каждой из них выражается такое общее семантическое значение, которое играет важную роль и с точки зрения видовой коррелятивности русского глагола (как это указано в скобках):

- states (глаголы состояния – от них пара не образуется);
- activities (глаголы деятельности, обозначающие непредельные процессы – пара также не образуется);
- accomplishments (глаголы исполнения или свершения, обозначающие результат предельных процессов – это парные глаголы);
- achievements (глаголы достижения, в употреблении Маслова: „скачки“ – это как парные глаголы, так и непарные глаголы perfectiva tantum)» (с. 71).

Эта «семантическая классификация З. Вендлера (Vendler 1967: 106) является, по всей вероятности, универсальной» (с. 56). По оценке Т.В. Булыгиной (1995: 48): «В последнее время особенную популярность среди исследователей глагольного вида в русском языке получила классификация предикатов, предложенная на материале английского языка З. Вендлером в 1957 г. Привлекательность указанной классификации состоит в том, что будучи построенной независимо от собственно аспектологических соображений, она позволяет подвести под особенности аспектологического поведения предикатов различных типов онтологическую базу. Не случайно [...] классификация предикатов по З. Вендлеру обнаруживает поразительное сходство с классификацией русских видовых пар, предложенной Ю.С. Масловым. По-видимому, это связано с тем, что классификация З. Вендлера в неявном виде опирается на фундаментальное подразделение явлений на события, процессы и состояния, лежащее, как можно полагать, в основе русской аспектуальной системы [...]. Глаголы совершенного вида всегда обозначают события, тогда как глаголы несовершенного вида могут использоваться для обозначения событий (напр., в контексте многократности, „настоящего исторического“ и т.п.), процессов и состояний». Мои критические замечания и дополнения: 1) Первый вариант работы «Verbs and Times» Вендлера был напечатан как Vendler (1957), второй же вариант с небольшими изменениями как Vendler (1967). 2) Вендлер классифицирует не предикаты, а глаголы. (Термин *предикат*, во-первых, традиционно обозначает сказуемое, во-вторых, в математической логике и прикладной лингвистике: то, что утверждается об аргументе – ср.: предикатно-аргументная структура, в-третьих, слово, имеющее активные валентности. Валентность в наши дни уже не только синтаксическая и семантическая сочетаемость глагола, но и сочетаемостная способность любого слова, даже разных единиц языка, напр., и морфем.) 3) Вендлеровская классификация построена не независимо от собственно аспектологических соображений. В начале своей работы он пишет о том, что среди глаголов можно различать глаголы, обозначающие процессы, состояния, расположения, происшествия, деятельность/занятость, достижение/законченность и т.д. (“Distinctions have been made among verbs suggesting processes,

states, dispositions, occurrences, tasks, achievements, and so on", Vendler 1967: 97). Эти семантические группы, однако, не способны объяснять возможность или невозможность образования разных временных форм английских глаголов. Вендлер сосредоточивает свое внимание, в первую очередь, на тех группах глаголов, которые являются предпосылкой возможности образования прогрессивного грамматического времени, которое в наши дни называется между прочим прогрессивным аспектом ("I start with the well-known difference between verbs that possess continuous tenses and verbs that do not"; там же, 99). 4) Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев (1997: 75) отмечают, что подход Ю.С. Маслова и З. Вендлера «обнаруживает существенное сходство с классификацией глаголов, предложенной Аристотелем». Они же обращают наше внимание на некоторые недостатки вендлеровской классификации (там же, 74): Вендлер не пытается соотнести свою типологию глаголов с известными лингвистическими классификациями, выделяющими действия, процессы, события и т.п. Он рассматривает только те глаголы, которые связаны с человеческой деятельностью. Ясаи (с. 44) ссылается на статью Ф. Кифера (Kiefer 1996: 258), который к выделяемым 4-м типам Вендлера относит еще 5-й тип **моментальных** (одноактных, семейфактивных) глаголов: *megmoc-san* '(по)шевелнуться', *megzörren* 'зазвенеть', *megrezzen*, *megrezdül* 'зашевелиться', *megdobban* 'дрогнуть, встрепенуться', *felszisszen* 'взвизгнуть', *felkiált* 'вскрикнуть', *felvillan* 'вспыхнуть' и др. По оценке Булыгиной и Шмелева (1997: 74), Деклерк (Declerck 1979) настаивает на том, «чтобы выделяемые Вендлером и его единомышленниками признаки относились не к типам глагольных предикатов, а к типам предикаций». 5) По-моему, вендлеровская аспектуальная классификация английских глаголов, совсем не подходит для видовой классификации русских глаголов. Во-первых, по Ясаи (с. 84), например, в русском языке глаголы состояния и деятельности не имеют видовой пары. Видный аспектолог придерживается этого мнения, несмотря на то, что многие русские глаголы состояния и деятельности имеют видовую пару: *болеть* – *заболеть*, *выздоровливать* – *выздороветь*, *писать* – *написать*, *читать* – *прочитать*. Во-вторых, русские видовые пары выражаются разными глаголами, имеющими – как правило – морфемную связь. В английском языке такие видовые пары обычно передаются одинаково: *писать*, *написать* – *write*, *находить*, *найти* – *find*, *заболевать*, *заболеть* – *fall ill (with)*, *читать*, *прочитать* – *read*. В-третьих, я считаю важным, чтобы мы определили частеречное категориальное значение, типы логикосемантического значения глаголов, основные аспектуальные значения и типы видовых значений глаголов.

5. Трехступенчатая семантическая иерархия аспектуальности

Внутри аспектуальности нами выделяется трехступенчатая иерархия коррелятивных зависимостей: **акциональный динамизм ↔ вид ↔ способы действия**, которые характеризуются убывающей продуктивностью. Здесь мы занимаемся только акциональным динамизмом.

Лексико-семантическая категория акционального динамизма характеризует **внутреннюю подвижность** денотативно-понятийного значения глаголов и некоторых отглагольных частей речи. По акциональному динамизму глаголы нами делятся на динамичные, статичные и мгновенные. Х.Р. Мелиг (1995: 134) указывает, что существительные типа *поездка, прыжок, выстрел* «обозначают во временном плане гетерогенные объекты, а именно изменения, т.е. ситуации, которые обозначают переход из предшествующего состояния в последующее, не идентичное с первым. Напротив, такие существительные, как *шум*, не обозначают изменения состояния. Поскольку ситуации, обозначаемые этими существительными, концептуализируются во временном плане как гомогенные, они не имеют ингерентной границы, с достижением которой они прекращались бы». Мне кажется, что пример *шум* является неудачным, поскольку глагол *шуметь* имеет видовые корреляции СВ, которые доказывают гетерогенность данного действия во времени: *зашуметь, прошуметь, расшуметься*. Сочетания *поднять шум, шум смолк, шум стих, внезапный шум поднялся на улице, сильный, ровный, невыносимый шум* и др. также связаны с возможностью возникновения, прекращения или изменения силы шума во времени. В акциональном динамизме нами отграничивается также трехступенчатый характер убывающей коррелятивной зависимости.

5.1. Динамичные (терминативные) глаголы характеризуются внутренней подвижностью денотативно-понятийного значения с разной степенью его проявления. Ср.: *спать крепко, спокойно, беспокойно, тревожно, сладко, долго, мертвым (глубоким, крепким) сном*. В значении таких глаголов могут возникнуть разные пределы: *заснуть только к утру, поспать после обеда* 'уснуть на короткое время', *выспаться* 'вполне отдохнуть'. Динамичные глаголы также могут иметь неактуальное значение времени (*Что посеешь, то и пожнешь*). В русском языке от них образуются разные типы предельных и непредельных видовых корреляций, в английском языке они имеют непрогрессивные, прогрессивные и перфектные временные формы.

Динамичные глаголы НСВ и СВ многими лингвистами называются **предельными**. (Ясаи: «в видовую пару входят только глаголы НСВ с предельным значением», с. 73). Употребление термина *предельный глагол* в двух разных значениях усиливает терминологическую путаницу. В.Г. Гак (1997: 153) для устранения неясности предлагает закрепить термины *пре-*

дельность/непредельность за лексической семантикой глаголов, а за семантикой вида – *лимитативность/нелимитативность*. Гак прав, но решение проблемы сравнительно проще: динамичные глаголы НСВ не следовало бы назвать предельными (как это встречается и у Ясаи).

5.2. Статичные (атерминативные, гомогенные во времени) глаголы характеризуются внутренней неподвижностью денотативно-понятийного значения, отсутствием в них возможности возникновения какого-либо внутреннего предела. Статичные положения вещей стабильны и гомогенны. Статичные глаголы абсолютно одновидовые. От них не образуются формы 2-го лица императива, в английском языке прогрессивные видо-временные формы, в русском и венгерском языках – способы действия. По акциональному динамизму к статичным глаголам относятся:

- связочные глаголы: *быть, являться, представлять собой*;
- часть глаголов бытия и существования: *присутствовать, быть, находиться, содержать(ся), отсутствовать, состоять*;
- часть реляционных глаголов: *обладать, принадлежать, стоить, граничить*.

Между динамичными и статичными глаголами нет резкой границы. Г.А. Золотова (1973: 246) толкует признак статичности как не имеющий актуального значения времени. Это однако не всегда так. Ср.: *Кто сегодня отсутствует? Директор сейчас находится в министерстве. Но: Остановка автобуса находится рядом с театром*. Отдельные глаголы в зависимости от значения субъекта могут иметь динамичное и статичное значения: *Будапешт лежит на обоих берегах Дуная – Мальчик лежит (полеживает, полежал) на кровати*.

В разных языках могут быть расхождения в акциональных свойствах отдельных (групп) глаголов. Глаголы интеллектуального и эмоционального состояния в английском языке, например, относятся к статичным глаголам, поскольку от них не образуются прогрессивные аспектуально-временные формы. В русском и венгерском языках они, как правило, являются динамичными, т.е. от них образуются предельные корреляции: *любить → полюбить, разлюбить, влюбиться; видеть → увидеть, слышать → услышать, недослышать*. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев (1997: 87) подчеркивают, что глаголы типа *любить, плакать* обозначают «ингерентно длящиеся (хотя бы и короткое время) „положения дел“ [почему не „действия“, ведь положения вещей обозначаются предложением? – И. П.]. И те, и другие, „длясь“, не приводят (сами по себе) ни к какому событию. [...] Однако „прекращение“ такого положения дел, которое обозначается предикатами типа [...] *любить*

[...] является „неестественным“ – в том смысле, что оно непременно вызывается особыми „событиями“ (ср. [...] *разлюбить*)». На таком основании «начало» действия *любить* (ср. *полюбить кого, влюбиться в кого*) также можно считать «неестественным».

5.3. В мгновенных (скачкообразных) глаголах внутренний предел проявляется не в результате постепенного развития внутреннего динамизма, не через переход ряда промежуточных фаз, а мгновенно, неожиданно, неконтролируемо и нежелательно: *очутиться в незнакомом месте, в неловком положении, очнуться от испуга, опомниться после обморока, Грянул гром, Кровь хлынула из раны, Он споткнулся о порог*. К этой группе можно отнести и неизменяемые личные формы глаголов типа *прыг, бах, бряк, глядь, скок, шмыг, щелк, толк*, выражающие в функции сказуемого мгновенное действие в прошлом. А.А. Шахматов называл эти формы глаголами мгновенного вида, А.М. Пешковский – глаголами ультрамгновенного вида (Розенталь–Теленкова 1972: 68–69).

Апресян (1988), Падучева (1998) и др. неправомерно расширяют объем так называемых моментальных глаголов. Как моментальные оцениваются такие видовые пары, в которых противопоставляются ‘достижение предела’ (СВ) и ‘многократное достижение предела’, т.е. формы НСВ не выражают конкретно-процессного значения. Ю.Д. Апресян (1988) различает 10 групп таких глаголов. Вот примеры из каждой группы: *приносить, доезжать, вспоминать, терять, выигрывать, проигрывать, заставлять, получаться, подводить кого, ронять, изменять кому, задерживать, оставлять, стрелять, махать*. Л. Ясаи (с. 87) принимая с некоторой оговоркой группировку Апресяна, подчеркивает, что «дело не в том, что в реальном мире данные „достижения“ не подготовлены каким-то предшествующим процессом. Однако отличительным признаком этих глаголов НСВ является именно та их особенность, что они [т.е. формы *приезжал, находил, достигали*] не способны обозначать (называть) данную подготовительную фазу». Г.М. Зельдович (2002: 34) утверждает, что «моментальные глаголы типа ПРИХОДИТЬ абсолютно неспособны обозначать какой-либо безрезультативный процесс: ср. совершенно аномальное **приходил, но не пришел*». В пространственном значении глагол *приходить* обозначает прибытие куда-нибудь обычно с большого расстояния, поэтому назвать такие глаголы моментальными противоречит здравому смыслу: **Он моментально приехал из Москвы в Будапешт*. По моей оценке глагол *приходить* обозначает процесс, часто безрезультативный, но ни в коем случае «многократное достижение предела»: *Он приходил запыхавши. Он все не приходил* (задержка). *К власти приходят демократические силы общества. Очень долго представители двух группировок не приходили к соглашению. Приходит время обеда. Тамара постепенно приходит к выводу, что дочь ее обманывает*. По мнению Т.В. Булы-

гиной (1995: 44), «несов. *понимать* никогда не обозначает процесс (деятельность), результатом которого было бы событие, обозначаемое сов. *понять*. Здесь мы имеем дело, скорее, с обратным соотношением: несов. *понимать* обозначает состояние, которое является результатом предшествующего события (моментального акта или внезапного озарения), обозначаемого формой сов. *понять*». Тот факт, что в английском языке глаголы *understand*, *find* и еще многие другие не могут выражать действие и состояние как процесс, не означает, что это и в русском языке всегда так: *Сначала Петя плохо понимал ход решения этой задачи, наконец понял. Говорите медленнее, я вас плохо понимаю. Я потерял ключи, и они долго не находились, наконец нашлись. Я не нахожу ошибок в этом сочинении. Я уже кажется нахожу нужную книгу. (Подожди, я скоро найду ее.) Морозы все больше крепчали, и лед на озере достигал уже тридцати сантиметров толщины (Вершигора). Вот официант приносит наш кофе. На восьмидесятой минуте матча наша команда еще выигрывала/проигрывала. Эту проблему ученые решали очень медленно. Отец махал рукой вслед уходящему поезду. Виктор нажал на гашетку, пулемет не стрелял: боекомплект кончился (МАС, 2-е изд.). Он стрелял, но не выстрелил (Г.М. Зельдович). Бабушка через два дня приезжает к нам.*

6. Инварианты СВ и НСВ

Ясаи подчеркивает, что «определение семантического инварианта любого грамматического значения является существенной задачей лингвистики» (с. 26). Инвариантное значение наличествует во всех конкретных вариантных реализациях видовых форм. Для иллюстрации он цитирует Н.В. Перцова (2001: 142–143), который называет 9 разных значений в качестве инварианта СВ (с. 27). В монографии однако не пишется о том, что на взгляд Ф. Лемана (1997: 177) инвариантной семантикой славянский вид не обладает. З.Д. Попова (1997: 93) заявляет, что «инварианта вида» нет. Есть набор оппозиций по семам ‘один раз’ – ‘много раз’, ‘действие’ – ‘результат’ и др. Р. Гжегорчикова (1997: 22) того мнения, что «поисками видового инварианта, общего для всех глаголов СВ в отличие от глаголов НСВ, занимались почти все аспектологи, однако до сих пор удовлетворительное значение не найдено». В понимании инварианта я сторонник обоснованного мнения А. Барентсена (1995: 3), по которому «инварианты обычно не являются универсальными, но скорее специфическими для каждого отдельного языка на определенной стадии его исторического развития». По мнению Ясаи, «в современной аспектологии существуют практически две теории для определения инварианта СВ с помощью положительного признака: **целостность и ограниченность пределом действия**» (с. 28). В РГ (1980: 583) встречается компромиссное определение Н.С. Авиловой, по которому глаголы СВ обо-

значают «ограниченное пределом целостное действие». «Глаголы несом. вида не обладают признаком ограниченности действия пределом, признаком целостности действия.» Ясаи определяет СВ как **«целостное действие, ограниченное реальным пределом, и способное выступать в секвентной связи для выражения временной последовательности за исключением настоящего времени»** (с. 188). Мне вовсе не нравится это громоздкое определение. Во-первых, *Мы шли до университета пешком* (университет – реальный предел, а глагол – НСВ). Во-вторых, дефиниция теории целостности/нецелостности совпадает с определением древнего аориста и имперфекта. (Ср.: Аорист обозначал действие, целиком завершенное в прошлом. Имперфект выражает действие длительное, повторяющееся, незаконченное, совершенное в прошлом.) В этой связи А.А. Караванов (1997: 167) задает вопрос: «значение аориста [...] и значение СВ – одно и то же или нет?». По-моему, конечно, нет. Ведь начинательные глаголы не обозначают целостные действия, кроме того о «целостности» действия можно говорить в прошедшем времени. В-третьих, в секвентной связи способны выступать и глаголы НСВ, а глаголы СВ не всегда обозначают последовательность действий: *Ученики сегодня на первом уроке читали рассказ и писали сочинение – Гости посидели, поговорили, посмеялись*. В-четвертых, А.В. Бондарко (1995: 29) в конце концов также признает приоритет признака ограниченности действия пределом. Он считает ненужным постоянно оперировать двумя семантическими признаками, то есть категория вида выражает отношение к его внутреннему пределу. Глаголы СВ называют предельные действия, глаголы НСВ – непредельные. Предел может быть начальным, ограничительным и конечным. Таким образом русский вид можно было назвать **фазисным аспектом**. Нами различаются по 3 типа начального, ограничительного и конечного пределов. Ср.:

Начальный предел:	Ограничительный предел:	Конечный предел:
1) ингрессивное начало: <i>Он сел в машину и поехал;</i>	1) кратковременная (делимитивная) ограничительность: <i>Я поплавал только полчаса;</i>	1) абсолютный предел: <i>Я выздоровел;</i>
2) инхоативное начало: <i>Он встал и заходил по залу;</i>	2) длительная (пердуративная) ограничительность: <i>Я проплавал целых полчаса</i> ('субъективно долго');	2) относительный предел (градуативы): <i>Цены повысились и продолжают повышаться;</i>
3) интенсивно-внезапное начало: <i>Дети разбегались во дворе; Он вскрикнул от испуга.</i>	3) вынужденное (дименсивное) ограничение: <i>Он отсидел 2 года в тюрьме.</i>	3) ситуативный количественный предел: <i>Я выпил воды (стакан воды, два, три... стакана воды).</i>

Категория вида часто имеет не отражательный (референциальный, онтологический) характер, то есть видовые противопоставления отражают не определенные свойства реальных действий, а взгляд носителей языка или говорящего на действие. Вследствие этого **грамматическая и референциальная предельность** совпадает не всегда. В предложениях *Я смотрел этот фильм, Летом Иван всегда вставал в 6 часов, одевался и завтракал* глаголы НСВ выражают референциальную предельность.

Мы должны учесть, что в славянской аспектологии существуют смысловые (лексикографические) и признаковые семантические определения вида, между которыми «нередко наблюдаются расхождения не по существу, а в формулировках» (Петрухина 2000: 33). По мнению А.М. Ломова (1997: 178) теория Б. Комри (Comrie 1976: 3) «предполагала коренной пересмотр» наших взглядов на общую функцию вида, причем (и это немаловажно) в том же самом направлении, в котором развиваются современные синтаксические идеи. В общей формулировке Б. Комри вид отражает различия в способах «рассмотрения внутреннего темпорального строения ситуации» (“internal temporal constituency of a situation”). Прежде чем перенять это определение, требуется разъяснение его элементов. Во-первых, что такое ситуация? Имеется такое мнение, что ситуация отражается в денотативно-номинативно-сигнификативном значении предложения, для обозначения которого в языкознании используются разные термины: *предметная ситуация, событие, положение дел, положение вещей, явление, процесс* и др. (см. Алефиренко 1999: 197). Вид, однако, в основном является морфологической категорией глагола, которая, как правило, определяет и вид предложения. У Комри, однако, «situation» употребляется в частеречном категориальном значении глагола, в значении ‘действие’ (ср.: “In the present work the term ‘situation’ is used as this general cover-term, i.e. a situation may be either a state, or an event, or a process”, Comrie 1976: 13). Во-вторых, что такое внутреннее темпоральное строение ситуации? Ответ Л. Ясаи (с. 14): «Если внутреннее время [...] представлено как открытая структура, – мы имеем дело с НСВ, если оно представлено как закрытая структура, – с СВ». Начинательные глаголы СВ имеют открытую структуру. Из объяснения Комри становится ясным, что его теория не что иное, как теория целостности Маслова, бывшее определение аориста. Ср.: *John was reading when I entered.* ‘Иван читал, когда я вошел.’ – The second verb presents the totality of the situation referred to (here, my entry) without reference to its internal temporal constituency: the whole of the situation is presented as a single unanalysable whole, with beginning, middle, and end rolled into one; no attempt is made to divide this situation up into the various individual phases that make up the action of entry” (Comrie 1976: 3). Ср. A.V. Isačenko (1962: 348): „Beim *perfektiv* ausdrückten Vorgang [...] überblicken das Ereignis als Ganzes und fassen es in seiner Totalität auf“. Зна-

чение НСВ у Комри (Comrie 1976: 24): “the imperfective pays essential attention to the internal structure of the situation, viewing a situation from within; as also will be the general point that imperfectivity is not incompatible with perfectivity”.

7. Виды – это формы одного слова или разные слова?

Одни лингвисты рассматривают вид как словоизменительную категорию (т.е. как формы одного слова, другие – как словоклассифицирующую, или как словообразовательную категорию (т.е. как разные слова), третьи – как промежуточную категорию. Ясаи принадлежит к этой третьей группе (с. 144). Я поддерживаю мнение Иоганна Фатера (и А.В. Бондарко), который лет 200 назад рассмотрел видовые формы как разные слова. Ср.: «В русском языке обыкновенно от одного корня образуется несколько глаголов, из которых каждый имеет свои формы настоящего, прошедшего, будущего времени, повелительного наклонения [...], причастий и деепричастий» (Vater 1809; см. ссылку Виноградова 1947: 477–478).

* * *

У меня твердая уверенность, что эта разносторонняя монография не останется последним словом ее автора в русской и славянской аспектологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Н.Ф. 1999, *Спорные проблемы семантики*. Волгоград: Перемена.
- Апресян, Ю.Д. 1988, Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. В кн.: Караулов, Ю.Н. (отв. ред.) *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. Москва: Наука, 57–78.
- Апресян, Ю.Д. 1997, Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи. В кн.: Черткова 1997, т. II, 7–20.
- Барентсен, А. 1995, Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке. В кн.: Кароляк 1995, 1–26.
- Бондарко, А.В. 1995, О возможных подходах к изучению видовой семантики. В кн.: Кароляк, 1995, 27–33.
- Булыгина, Т.В. 1995, Семантико-синтаксические особенности разных типов видовых форм в русском языке и вопрос об их лексикографической трактовке. В кн.: Кароляк 1995, 43–53.
- Булыгина, Т.В. – Шмелев, А.Д. 1997, *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Языки русской культуры.
- Виноградов, В.В. 1947, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа.

- Гак, В.Г. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 151–153.
- Гжегорчикова, Р. 1997, Новый взгляд на категорию вида в свете когнитивной семантики. В кн.: Черткова 1997, т. II.
- Емельянова, С.А. 1974, *Вариантные формы видов в современном русском языке*. АҚД. Ташкент.
- Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. 1997, *Лекции по русской аспектологии*. München: Verlag Otto Sagner.
- Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. 2000, *Введение в русскую аспектологию*. Москва: Языки русской культуры.
- Зельдович, Г.М. 2002, Семантика и прагматика совершенного вида в русском языке. *ВЯ* № 3, 30–61.
- Золотова, Г.А. 1973, *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.
- Караванов, А.А. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 166–169.
- Кароляк, С. (отв. ред.) 1995, *Семантика и структура славянского вида I*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP.
- Леман, Ф. 1997, Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем. В кн.: Черткова 1997, т. II, 54–68.
- Ломов, А.М. 1997, *Очерки по русской аспектологии*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.
- Маслов, Ю.С. 1948, Вид и лексическое значение глагола в русском языке. *СЛЯ* № 4, 303–316.
- Мелиг, Х.Р. 1995, Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. В кн.: Кароляк 1995, 131–158.
- Мельчук, И.А. 1998, *Курс общей морфологии, т. II*. Москва–Вена: Языки славянских культур – Венский славистических альманах.
- Мурясов, Р.З. 2001, Некоторые проблемы контрастивной аспектологии. *ВЯ* № 5, 86–112.
- Падучева, Е.В. 1996, *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры.
- Падучева, Е.В. 1998, Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе. В кн.: Черткова 1997, т. II, 332–342.
- Перцов, Н.В. 2001, *Инварианты в русском словоизменении*. Москва: Языки русской культуры.
- Петрухина, Е.В. 2000, *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Москва: МГУ.
- Плунгян, В.А. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 190–192.
- Плунгян, В.А. (ред.) 2001, *Исследования по теории грамматики, вып. I: Глагольные категории*. Москва: Русские словари.
- Попова, З.Д. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 192–193.

- РГ – *Русская грамматика I*. Москва: Наука, 1980.
- Розенталь, Д.Э. – Теленкова, М.А. 1972, *Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя*. Москва: Просвещение, 2-е изд., испр. и доп.
- Тихонов, А.Н. 1998, *Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования*. Москва: Academia.
- Тошович, Б. 1998, *Глагольный категориал*. Uniwersytet Opolski, Univ. Graz.
- Черткова, М.Ю. 1996, *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. Москва: МГУ.
- Черткова, М.Ю. (отв. ред.) 1997, *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова I–II*. Москва: МГУ.
- Черткова, М.Ю. (отв. ред.) 1998, *Типология вида: Проблемы, поиски, решения (Материалы международной конференции, 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В. Ломоносова)*. Москва: МГУ.
- Черткова, М.Ю. – Плунгян, В.А. – Рябчиков, А.А. – Кузнецов, Д.О. 1997, Ответы на анкету аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. *ВЯ* № 3, 125–135.
- Шатуновский, И.Б. 1997, Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: Черткова 1997, т. II, 225–226.
- Ясаи, Л. 1986, Смысловое и видовое соотношение глаголов *искать-найти-находить*. In: *A korszerűbb orosznyelv-oktatásért VI*. Pécs: JPTE, 25–36.
- Comrie, B. 1976, *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Declerck, R. 1979, On the progressive and 'the imperfective paradox'. *Linguistics and Philosophy* 3, 267–272.
- Isačenko, A. V. 1962, *Die russische Sprache der Gegenwart: Formenlehre*. Halle (Saale): Niemeyer.
- Kiefer, F. 1996, Az igeaspektus arealis-tipológiai szempontból. *Magyar Nyelv* XCII, 257–268.
- Vater, J. 1809, *Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen*. Leipzig.
- Vendler, Z. 1957, Verbs and Times. *The Philosophical Review* LXVI, 143–160.
- Vendler, Z. 1967, Verbs and Times. In: Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca NY: Cornell University Press, 97–121.

Иштван Пете

(Pete István)

H-6726 Szeged, Közép fasor 15/C)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В сборнике *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, издающемся Институтом славистики Сегедского университета (Венгрия), публикуются работы (объемом макс. до 12 страниц) по вопросам теоретико-описательного, сравнительно-исторического исследования славянских языков, а также сопоставления их с венгерским языком на английском, немецком, русском и других славянских языках. Рукописи присылаются в редакцию по адресу Института славистики: **Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica, Szegedi Tudományegyetem, Szlav Intézet, H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. szlav@primus.arts.u-szeged.hu.** Рецензирование рукописей – в случае, если автор пишет не на родном языке – входит в обязанность автора. Рукописи, посланные в другие редакции или уже опубликованные, не принимаются. Авторам опубликованных рукописей бесплатно высылаются по 10 оттисков статей/рецензий. Корректур авторам не высылаются. Рукописи не сохраняются и не возвращаются.

Рукописи должны быть представлены в двух видах: и как файл формате (Word for Windows) и как распечатанный текст. (В этом регламенте далее имеются в виду рукописи, написанные кириллицей, однако употребление латиницы в основном не изменяет порядка оформления.)

I. Заголовок статьи пишется прописными буквами. Под ним указываются имя, (отчество) и фамилия автора (на кириллице, в таком порядке без сокращений). Затем приводятся сведения об авторе для научной корреспонденции (на языке или на одном из языков страны, в которой живет автор).

При оформлении статей авторы должны руководствоваться следующими условными обозначениями:

1. Примеры длиной в целое предложение (включая примеры из художественной литературы) нумеруются и приводятся в отдельных строках. Напр.:

(1) а. Петр ушел из университета около 10 ч. утра.

б. Петр ушел из университета в начале семидесятых годов.

Ссылки на примеры такого типа в тексте оформляются так: Пример (1а) показывает, что...

Слова, словосочетания языка-объекта, входящие в состав предложений метаязыка, не нумеруются, и их принято давать курсивом. Смысловые выделения обозначаются жирным шрифтом. Для указания значений употребляются сингулярные кавычки.

Знаки "-", "- " и " – ", т.е. дефис, тире (без интервалов и с интервалами) отчетливо отграничиваются друг от друга. Знаки, которые не могут быть обозначены на компьютере, аккуратно оформляются ручным способом.

Любые пропуски в цитатах (из худ. или спец. литературы) обозначаются многоточием в квадратных скобках. Объясняющие вставки в цитатах, не относящиеся к оригиналу, обязательно заключаются в квадратные скобки.

2. Ссылки на литературу приводятся сокращенно, т.е. с указанием фамилии автора, года издания и страниц (если последнее необходимо) в самом тексте по следующим образцам: Ю.Д. Апресян (1986: 66–67) отмечает... В работе Ю.Д.

Апресьяна (1986: 66–67) отмечается... В специальной литературе (Апресьян 1986: 66–67) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом см. еще Апресьян 1986); Ф. Кифер (Kiefer 1983: 34) отмечает... В работе Ф. Кифера (Kiefer 1983: 34) отмечается... В специальной литературе (Kiefer 1983: 34) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом подробнее см. Kiefer 1983).

3. Подстрочные примечания имеют сквозную (консекутивную) нумерацию.

4. Список библиографических единиц, которые в сокращенном варианте фигурируют в ссылках, оформляется – под заглавием ЛИТЕРАТУРА – по следующим образцам (первые три из них служат примером для книг, а остальные в отдельности – для статей в сборниках, в ежегодных сборниках, в журналах без указания на том, в журналах с указанием на том (с сквозной нумерацией страниц в одном томе)):

Белашапова, В.А. (ред.) 1989, *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, изд. 2-е, испр. и доп.

Kiefer F. 1983, *Az előfeltevések elmélete*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Lakoff, G. – Johnson, M. 1980, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press.

Ружичка, Р. 1988, Скрытый субъект и пустое подлежащее. В кн.: Караулов, Ю.Н. (отв. ред.) *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 216–219.

Бархударова, Е.Л. 1991, Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XXII*. Szeged, 3–10.

Апресьян, Ю.Д. 1986, Интегральное описание языка и толковый словарь. *ВЯ* № 2, 57–70.

Булыгина, Т.В. 1981, О границах и содержании прагматики. *ИАН СЛЯ* 40, 333–342.

Сокращения названий журналов см.: *Вопросы языкознания* 2004, № 2, 158–159. Не перечисленные там журналы даются без сокращения.

При наличии у одного автора нескольких библиографических единиц одного и того же года издания должны быть использованы (после года издания) буквы: а, б, в... или а, b, c...

Сначала приводятся публикации на кириллице по алфавиту, затем – работы на латинице.

II. Что касается рецензий, то должны быть учтены следующие отличительные черты. Название содержит полное библиографическое описание рецензируемой работы. Автор рецензии и сведения о нем указываются в конце текста. Образцы заглавий рецензий:

В.А. Белашапова (ред.), *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, 1989, изд. 2-е, испр. и доп., 800 с.

G. Lakoff – M. Johnson, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press, 1980, xiii + 242 pp.

Szövegszerkesztés és tördelés: Majoros Henrietta

Készítette a JATEPress
6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30–34.
<http://www2.u-szeged.hu/jatepress/>

Felelős kiadó: Dr. Kocsis Mihály egyetemi docens, intézetvezető
Felelős vezető: Szőnyi Etelka kiadói főszerkesztő
Méret: B/5, példányszám: 200, munkaszám: 27/2008.